

СМЕНА

№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

О жизни и творчестве художника Ильи Репина
читайте на странице 66.

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Д.И. Менделеев. Русский феномен 4
--------------------------------	--

Замечательные современники

<i>Елена Логунова</i>	Букет Маргариток 22
<i>Елена Воробьева</i>	Вячеслав Стародубцев: «Театр всегда должен оставаться сказкой» 30
<i>Георгий Кричевский</i>	О.П. Табаков. Лицедей нашего времени 76

Рассказ

<i>Святослав Тараховский</i>	Универсальная боевая машина 38
------------------------------	---

Драма двух сердец

<i>Алла Зубкова</i>	Полонез для мадам Санд 46
---------------------	--

Поэзия

<i>Ирина Путьева</i>	Стихи 62
----------------------	-----------------------

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Илья Репин. Портрет М.П. Мусоргского 66
---------------------	--

Литературные страницы МСПС

<i>Иван Переверзин</i>	Постижение любви 94
------------------------	----------------------------------

Житейские истории

<i>Всеволод Власов</i>	Позвоните сыну 117
------------------------	---------------------------------

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Тихие песни Иннокентия Анненского 122
--------------------	--

Детектив

<i>Р. Остин Фримен</i>	Красный отпечаток большого пальца 136
------------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Режиссер-постановщик,
солист театра «Геликон-опера»
Вячеслав Стародубцев

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
е-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8550

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 16.07.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« В этом эссе речь пойдет о человеке, который трижды арестовывался по доносам коллег и провел в тюрьмах и ссылках, в общей сложности, одиннадцать лет. Несмотря на это, он был и оставался блистательным хирургом, профессором, доктором богословия. Интересен тот факт, что в 1944 году он стал лауреатом Сталинской премии, а реабилитировали его лишь много лет спустя после смерти — в 2000-м году. Крымский Лука (в миру — Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) был причислен православной церковью к лику святых, память — день обретения его мощей — 5(18) марта. В этот же день 2014 года произошло воссоединение Крыма с Россией...

Светлана **Бестужева-Лада** «Хирург-великомученик»

«История — учитель жизни», гласит древняя мудрость. А если ученики нерадивы? В таком случае следует вспомнить другое крылатое выражение: «История повторяется дважды: сначала как драма, затем как фарс». Валентин **Осипов**, автор очерка, перебрал огромное количество архивных материалов, мемуаров и газет столетней давности, чтобы рассказать об исторических фактах, связанных с Крымским полуостровом, и назвал свой очерк «Крым в драме и фарсе».

«Иван Александрович Гончаров был человеком спокойным и оседлым. Работал он переводчиком иностранной документации в Департаменте внешней торговли Министерства финансов. Не слишком обременительная служба оставляла время для литературных занятий. Весной 1847 года на страницах некрасовского «Современника» появился роман «Обыкновенная история», сразу сделавший имя Гончарова известным. Он обзавелся домом, уютным брюшком и пышными бакенбардами. И вдруг словно какая-то неведомая сила потянула с насиженного места 35-летнего писателя, и он отправился в «кругосветку», почти на два с половиной года...

Юрий **Осипов** «Большое путешествие Ивана Гончарова»

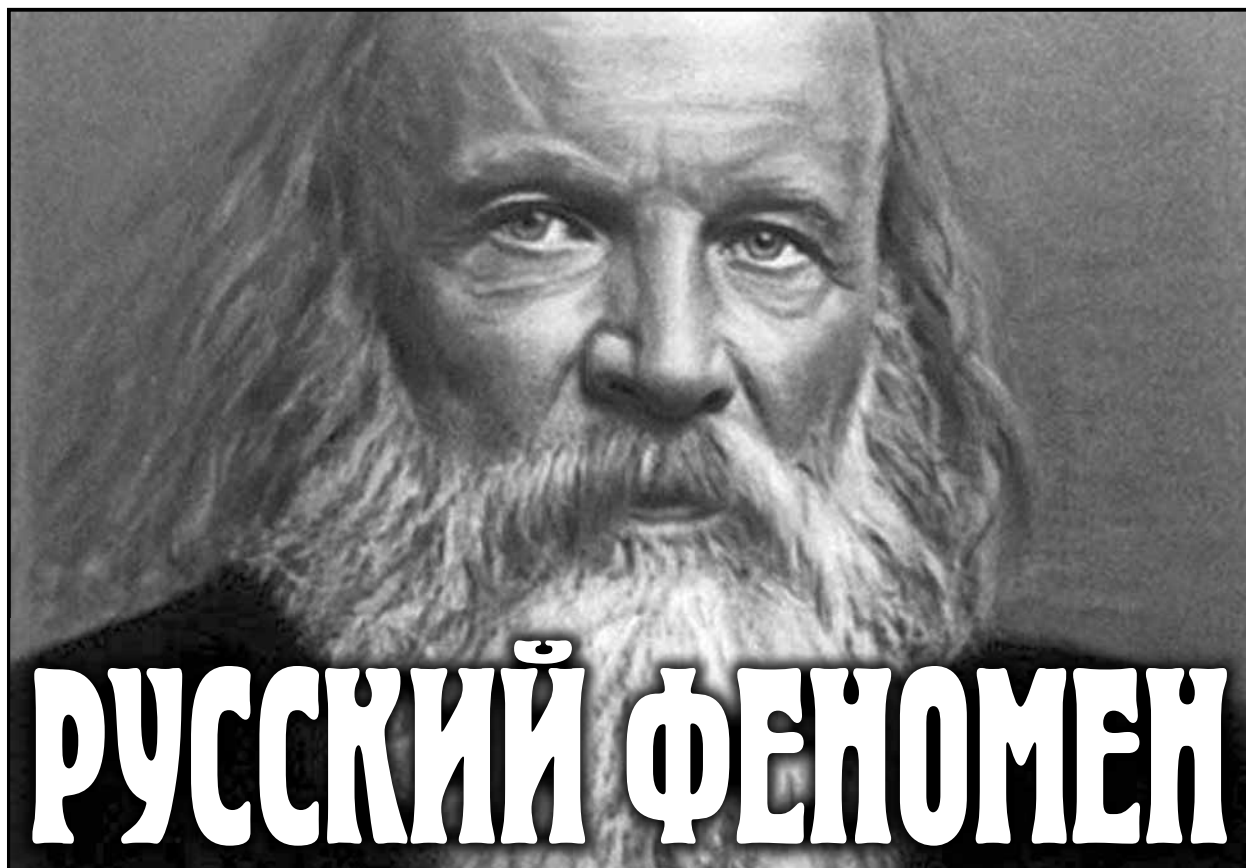
«Профессионал всегда считает себя недостаточно «законченным профи», он постоянно в поиске творческого самовыражения, на пути познания мира, общества. Один из таких профи — заслуженный артист РФ, лауреат Государственной премии РФ Сергей **Безруков**, который смог выкроить время для интервью с писательницей Светланой **Савицкой** специально для нашего журнала.

«Детектив Леонида **Млечина** «Кровавая ночь в Дамаске».

Светлана
Бестужева-Лада

.....

Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ

«Наука начинается с тех пор, как начинают измерять. Точная наука немислима без меры».

Д.И. Менделеев

.....

Имя Дмитрия Ивановича Менделеева известно всем, но не все понимают, чем именно он знаменит. Что такое периодическая система элементов — да кто ж ее через два года после окончания школы вспомнит? Водку, говорят, изобрел — это интересно. Ах да, еще семнадцатый ребенок в семье — ну, это для любителей исторических курьезов.

К сожалению, и при жизни Менделеев был широко известен за границей и не слишком популярен в России. Разве же русские что-нибудь путное придумать в состоянии? Нужды нет, что по прошествии времени оказывалось: большинство великих изобретений делали как раз русские. Только вот запатентовать их как-то быстрее ухитрялись иностранцы.

Впрочем, обо всем по порядку.

Дмитрий Менделеев родился 8 февраля 1834 года в Тобольске в семье Ивана Павловича Менделеева, в то время занимавшего должность директора Тобольской гимназии и училищ Тобольского округа. Дмитрий был в семье последним, семнадцатым ребенком. Из семнадцати детей восемь умерли еще в младенчестве, а одна из дочерей, Маша, умерла в возрасте 14 лет от чахотки.

История сохранила документ о рождении Дмитрия Менделеева — метрическую книгу Духовной консистории за 1834 год, где на желтевшей странице в графе о родившихся младенцах записано:

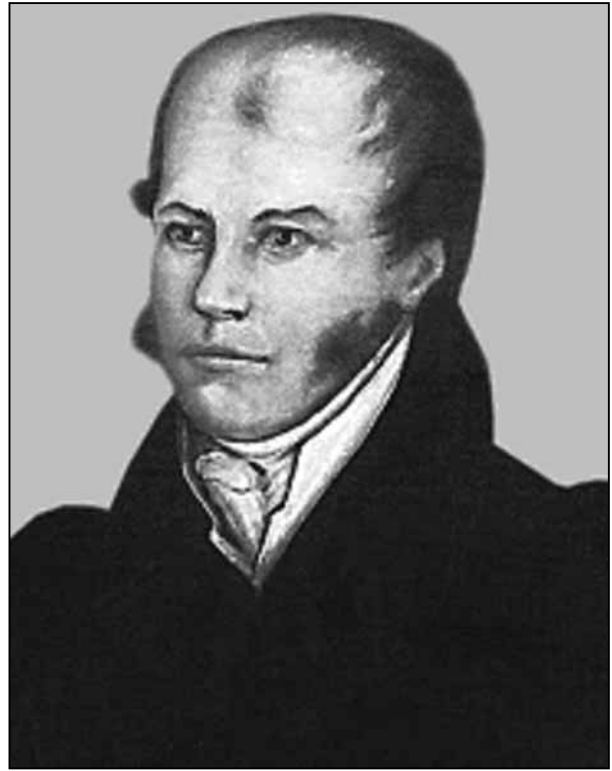
«27 января Тобольской гимназии директора — надворного советника Ивана Павловича Менделеева от законной его жены Марии Дмитриевны родился сын Дмитрий».

Дед его по отцовской линии, Павел Максимович Соколов, был священником села Тихомандрицы Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, находившегося в двух километрах от северной оконечности озера Удомля. Только один из четырех его сыновей, Тимофей, сохранил фамилию отца. Как было принято

в то время в среде духовенства, по окончании семинарии трем сыновьям П.М. Соколова были даны разные фамилии: Александру — Тихомандрицкий (по названию села), Василию — Покровский (по приходу, в котором служил Павел Максимович), а Иван, отец Дмитрия Ивановича получил фамилию соседних помещиков Менделеевых (сам Дмитрий Иванович так толковал ее происхождение: «...дана отцу, когда он что-то выменял, как соседний помещик Менделеев менял лошадей»).

Окончив духовное училище, отец Дмитрия Ивановича Иван Павлович Менделеев поступил на филологическое отделение Главного педагогического института, а после его окончания был определен «учителем философии, изящных искусств и политической экономии» в Тобольск, где в 1809 году женился на Марии Дмитриевне Корнильевой.

Мать Д.И. Менделеева происходила из старинного рода сибирских купцов и промышленников. Эта умная и энергичная женщина сыграла особую роль в жизни семьи. Не имея никакого образования, она прошла самостоятельно курс гимназии

со своими братьями. Одну из первых своих крупных научных работ — «Исследования водных растворов по удельному весу» — Дмитрий Менделеев официально посвятил своей матери, напечатав на первой странице:

«...Вашего последыша семнадцатого из рожденных Вами Вы подняли на ноги, вскормили своим трудом после смерти батюшки, ведя заводское дело, Вы научили любить природу с ее правдою, науку с ее истиной..., родину со всеми ее нераздельнейшими богатствами, дарами..., больше всего труд со всеми его горестями и радостями..., Вы заставили научиться труду и видеть в нем одном всему опору, Вы вывезли с этими внушениями и доверчиво отдали в науку, сознательно чувствуя, что это будет последнее

Ваше дело. Вы, умирая, внушали любовь, труд и настойчивость. Приняв от Вас... так много, хоть малым, быть может, последним, Вашу память почитаю».

С лета 1823-го по ноябрь 1827-го года семья Менделеевых жила в Саратове, а затем возвратилась в Тобольск, где Иван Павлович получил место директора Тобольской классической гимназии. В год рождения Дмитрия он ослеп, что вынудило его выйти на пенсию. И хотя после операции зрение вернулось, работать на прежнем месте он уже не мог, и семья жила на его небольшую пенсию.

Вследствие сложившегося из-за болезни Ивана Павловича стесненного материального положения Менделеевы переехали в село Армянское, где находилась небольшая

стекольная фабрика брата Марии Дмитриевны Василия Дмитриевича Корнильева, жившего в Москве. М.Д. Менделеева получила право на управление фабрикой, и после кончины И.П. Менделеева в 1847 году большая семья жила на средства, получаемые от нее.

Проведенное в Сибири детство в большой степени определило складывающееся мировоззрение Дмитрия. Оно (детство) совпало со временем пребывания в Сибири ссыльных декабристов. А.М. Муравьев, П.Н. Свистунов, М.А. Фонвизин жили в Тобольской губернии. Сестра Дмитрия Ивановича, Ольга, стала женой

бывшего члена Южного общества Н.В. Басаргина, и они долгое время жили в Ялуторовске рядом с И.И. Пуциным, вместе с которым оказывали семье Менделеевых помощь, ставшую насущной после смерти Ивана Павловича.

Понимая, что у младшего сына незаурядные способности, Мария Дмитриевна сумела найти в себе силы навсегда покинуть родную Сибирь, чтобы дать Дмитрию возможность получить высшее образование. В год окончания сыном гимназии она ликвидировала все дела в Сибири и с Дмитрием и дочерью Елизаветой уехала в Петербург.

Слева:

*мать —
Мария
Дмитриевна
и отец —
Иван
Павлович
Менделеевы*

*Дмитрий
Менделеев
в детстве*

В юности

Через несколько недель после зачисления его студентом Главного педагогического института в Петербурге Мария Дмитриевна скончалась, так и не увидев сына во всем блеске его таланта.

Первоначально никто не мог предположить, что Дмитрий Менделеев, который в гимназии учился плохо, не любил латынь и Закон Божий, а во время обучения в Главном педагогическом институте остался на второй год, станет гордостью России.

Учеба вначале давалась нелегко. На первом курсе института он уму-

дрился по всем предметам, кроме математики, получить неудовлетворительные отметки, да и по математике имел всего лишь «удовлетворительно»...

Но на старших курсах дело пошло по-другому: среднегодовой балл у Менделеева был равен 4,5, при единственной тройке — по Закону Божьему. Менделеев окончил институт в 1855 году с золотой медалью и был назначен старшим учителем гимназии в Одессе, где работал учителем в Ришельевском лицее.

Тут внезапно и проявилась тяга к естественным наукам. В 1856 го-

ду Менделеев блестяще защитил диссертацию «на право чтения лекций» — «Строение кремнеземных соединений» и с успехом прочел вступительную лекцию «Строение силикатных соединений».

Место силикатов в природе было определено им лаконично, но с исчерпывающей ясностью:

«Как органическая материя обуславливается присутствием углеро-

«для усовершенствования в науках», Д.И. Менделеев только в апреле, по завершении курса лекций в университете и занятий во 2-м кадетском корпусе и Михайловской артиллерийской академии, смог выехать из Санкт-Петербурга.

После ознакомления с возможностями нескольких научных центров было отдано предпочтение Гейдельбергскому университету, но оборудо-

Понимая, что у младшего сына незаурядные способности, Мария Дмитриевна сумела найти в себе силы навсегда покинуть родную Сибирь, чтобы дать возможность Дмитрию получить высшее образование. В год окончания им гимназии она ликвидировала все свои дела и поехала в Петербург, чтобы определить юношу в институт. Через несколько недель после зачисления его студентом она скончалась, так и не увидев сына во всем блеске его таланта

да и им изобилует, так и минеральное царство изобилует кремнеземистыми соединениями».

В конце января 1857 года отдельным изданием в Петербурге вышла в свет кандидатская диссертация Д.И. Менделеева «Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы к составу», и ему была присвоена ученая степень магистра химии. А через год он был утвержден в звании приват-доцента Императорского Санкт-Петербургского университета по кафедре химии.

Получив в январе 1859 года разрешение на командировку в Европу

дование лабораторий не позволяло проводить такие «деликатные опыты, как капиллярные», и Д.И. Менделеев сформировал самостоятельную исследовательскую базу: провёл в арендуемую квартиру газ, приспособил отдельное помещение для синтеза и очистки веществ, другое — для наблюдений.

Рабочие тетради ученого показывают, что он последовательно искал аналитическое выражение, демонстрирующее связь состава вещества с тремя параметрами: массой, объемом и силой воздействия частиц молекул.

Вернувшись из-за границы в 1862 году, Дмитрий Иванович женился на Феозве Никитичне Лещевой, уроженке Тобольска (падчерице знаменитого автора «Конька-Горбунка» Петра Павловича Ершова). Супруга была старше его на 6 лет.

Вот запись в его дневнике за апрель 1862 года:

«Писать больше и не могу и некогда, и мысли так врозь идут, и тяжело, и свободно — все так мешается — не разберешь, право. Надумал, наконец, долго раздумье брало, 10-го поговорил с Физой, а 14-го был же-

В этом браке родились трое детей: дочь Мария (она умерла в младенчестве), сын Володя и дочь Ольга. Но счастливым их союз назвать трудно. Разногласия в семье Менделеевых были всегда. Феозва Никитична мечтала о тихом семейном счастье в большом деревенском доме, а Дмитрий Иванович был одержим наукой, любил путешествовать и был открыт для всего нового.

На пятом десятке он без памяти влюбился в юную дочь казачьего полковника из Урюпинска Анну Попову, которая приехала в Петер-

Были в жизни Менделеева и случаи, о которых знали немногие, а некоторые стали известны совсем недавно. Например, он любил переплетать книги, клеить рамки для портретов и изготавливать чемоданы. В Петербурге и Москве его знали как лучшего в России чемоданных дел мастера. «От самого Менделеева», — говорили купцы. Ученый придумал свою особую клеевую смесь, и способ ее приготовления держал в строжайшей тайне

нихом. Страшно и за себя, и за нее. Что это за человек я, право? Курьезный, да и только. Нерешительность, сомнения, любовь, страх и жажда свободы и деятельности уживаются во мне каким-то курьезным образом. Где всему этому решение — не знаю».

29 апреля состоялось их венчание в церкви Николаевского инженерного училища в Петербурге. Вместе они прожили 19 лет.

бург поступать в Академию художеств.

Менделеев не стал скрывать от Феозвы Никитичны, что полюбил другую. Но супруга категорически отказалась давать ему развод. Узнав об этом, а также о чувствах своей дочери к Дмитрию Ивановичу, родители Анны запретили им видеться. Менделеев обещал не искать встреч с Анной Ивановной, но сдержать слова был не в силах. Ноги сами

*Первая
жена —
Феозва
Никитична*

шли туда, где он мог встретить девушку, он часами поджидал Анну в Академии художеств.

Тогда отец возлюбленной Дмитрия Ивановича отправил дочь на всю зиму в Италию. Менделеев обещал не напоминать ей о себе, потому каждый день писал письма девушке, но не отправлял их, а складывал в ящик.

Видя, что приятель его буквально сходит с ума от любви, друг Менделеева Андрей Николаевич Беке-

тов отправился в Боблово к Феозве Никитичне, дабы убедить ее дать развод. И, о чудо, без всякой видимой причины она неожиданно согласилась! Менделеев в то время должен был ехать в Алжир на научный конгресс, но после таких новостей о конгрессе не могло быть и речи. Естественно, он напрямик отправился в Рим.

Церковь наложила епитимью на новый брак Менделеева. Официально венчаться с Анной Ивановной

он мог только по прошествии семи лет. Но один кронштадский священник нарушил запрет и обвенчал Дмитрия и Анну, после чего лишился сана.

Этот брак Менделеева был по-настоящему счастливым. У Дмитрия Ивановича и Анны Ивановны было четверо детей: Любовь, Иван и близнецы Мария и Василий. Спустя годы Д.И. Менделеев стал тестем рус-

ского поэта Александра Блока, женившегося на его старшей дочери Любви.

Были в жизни Менделеева и случаи, о которых знали немногие, а некоторые стали известны совсем недавно. Например, он любил переплетать книги, клеить рамки для портретов, а также изготавливать чемоданы. В Петербурге и в Москве его знали как лучшего в России чемоданных

*Вторая
жена —
Анна
Ивановна*

дел мастера. «От самого Менделеева», — говорили купцы. Его изделия были добротными и качественными. Ученый изучил все известные в то время рецепты приготовления клея и придумал свою особую клеевую смесь. Способ ее приготовления он держал в строжайшем секрете.

А вот то, что Дмитрий Менделеев изобрел водку, — неправда. Идеальная крепость в 40 градусов и сама водка были изобретены до 1865 года, когда Менделеев защитил докторскую диссертацию на тему «Рассуждение о соединении спирта с водою». Про водку в его диссертации нет ни слова, она посвящена свойствам смесей спирта и воды. В своей работе ученый установил пропорции соотношения водки и воды, при которых происходит предельное уменьшение объема смешиваемых жидкостей. Это раствор с концентрацией спирта около 46% веса. Соотношение не имеет никакого отношения к 40 градусам.

Сорокаградусная водка в России появилась в 1843 году, когда Дмитрию Менделееву было 9 лет. Тогда российское правительство в борьбе с разбавленной водкой установило минимальный порог — водка должна быть крепостью не менее 40 градусов, погрешность допускалась в 2 градуса.

В 1893 году Дмитрий Менделеев наладил производство изобретенного им бездымного пороха, но российское правительство, возглавляемое тогда Петром Столыпиным, не

успело его запатентовать, и изобретением воспользовались за океаном. В 1914 году Россия купила у США несколько тысяч тонн этого пороха за золото. Сами американцы, смеясь, не скрывали, что продают русским «менделеевский порох».

19 октября 1875 года в докладе на заседании физического общества при Петербургском университете Дмитрий Менделеев выдвинул идею аэростата с герметичной гондолой для исследования высотных слоев атмосферы. Первый вариант установки подразумевал возможность подъема в верхние слои атмосферы, но уже позже ученый спроектировал управляемый аэростат с двигателями. Однако денег не нашлось даже на постройку одного высотного аэростата, в итоге предложение Менделеева так и не было реализовано. Первый в мире стратостат совершил полет лишь в 1931 году из немецкого города Аугсбурга.

Дмитрием Менделеевым была создана схема дробной перегонки нефти и сформулирована теория неорганического происхождения нефти. Он первым заявил о том, что сжигать нефть в топках — преступление, поскольку из нее можно получить множество химических продуктов. Он также предложил нефтяным предприятиям перевозить нефть не на арбах и не в бурдюках, а в цистернах, и чтобы перекачивалась она по трубам. Ученый на циф-

рах доказал, насколько целесообразнее перевозить нефть наливом, а заводы для переработки нефти строить в местах потребления нефтепродуктов.

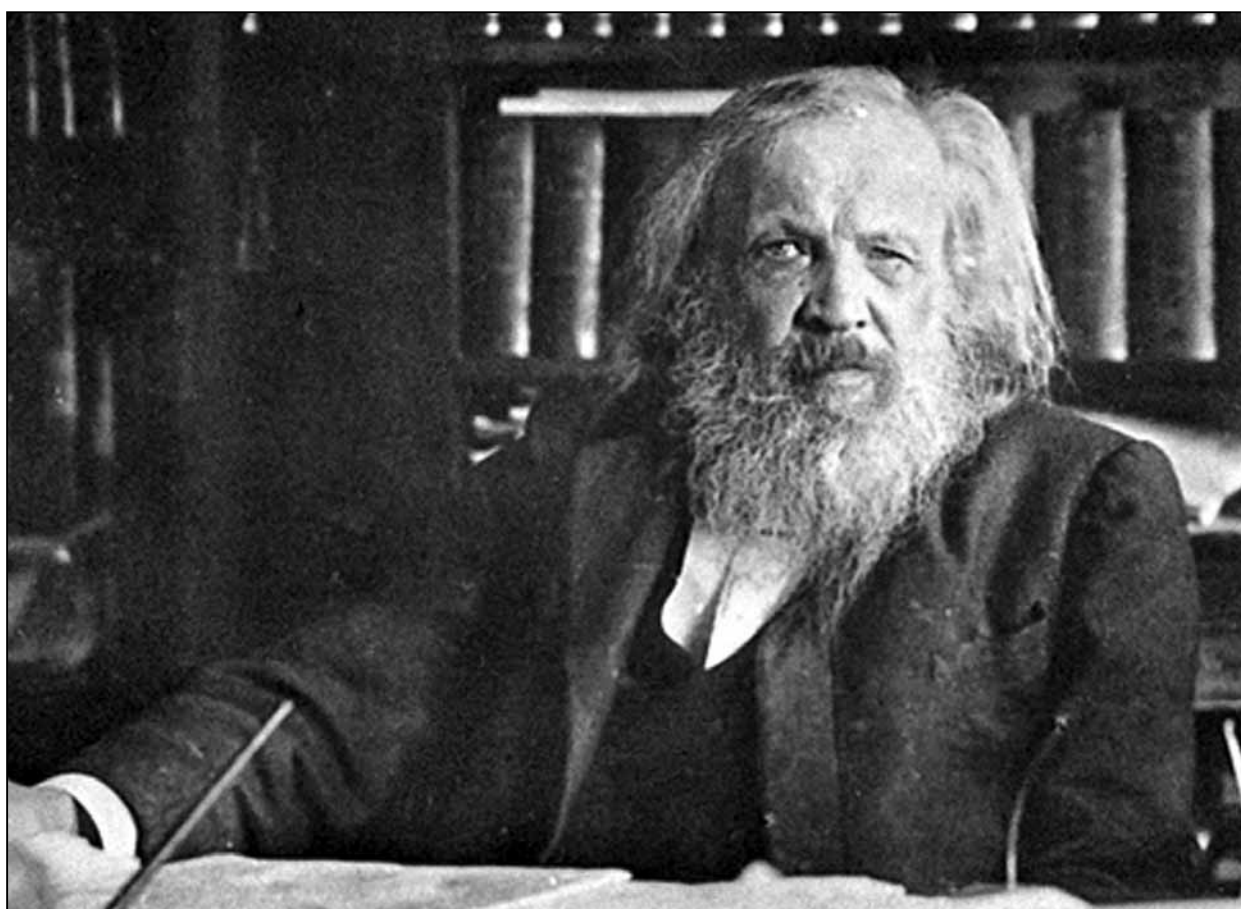
Менделеев номинировался на Нобелевскую премию, присуждаемую с 1901 года, трижды — в 1905, 1906 и 1907 годах. Однако номинировали его только иностранцы. Члены Императорской академии наук при тайном голосовании неоднократно отвергали его кандидатуру. Он был членом многих зарубежных академий и ученых обществ, но так и не стал членом родной Российской академии.

Именем Менделеева назван химический элемент — менделевий.

Полученный искусственно в 1955 году, элемент был назван в честь химика, который первым начал использовать периодическую систему элементов для предсказания химических свойств еще не открытых элементов.

На самом деле Менделеев не первый, кто создал периодическую таблицу элементов, и не первый, кто предположил периодичность химических свойств элементов. Его достижением было определение периодичности и на ее основе составление таблицы элементов. Ученый оставил пустые клетки для еще не открытых элементов.

18 марта 1869 года знаменитый доклад Д.И. Менделеева «Соотно-

шение свойств с атомным весом элементов» был прочтен на заседании Русского химического общества и вскоре опубликован в «Журнале Русского химического общества». В том же году это сообщение на немецком языке появилось в журнале «Zeitschrift für Chemie», а в 1871 году в журнале «Annalen der Chemie» была осуществлена развернутая публикация Д.И. Менделеева, посвященная его открытию — «Die periodische Gesetzmässigkeit der Elemente» (Периодическая закономерность химических элементов).

Развивая идеи периодичности, Д.И. Менделеев ввел понятие о месте элемента в периодической системе как совокупности его свойств в сопоставлении со свойствами других элементов. А в 1900 году Дмитрий Иванович Менделеев и Уильям Рамзай пришли к выводу о необходимости включения в периодическую систему особой, нулевой группы благородных газов.

Большое значение имела в XIX веке концепция «мирового эфира». Предполагалось, что «эфир», заполняющий межпланетное пространство, является средой, передающей свет, тепло и гравитацию. Исследование разреженных газов представлялось возможным средством к доказательству существования названной субстанции, когда свойства «обычного» вещества уже не способны бы были скрывать свойства «эфира».

Одна из гипотез Д.И. Менделеева сводилась к тому, что специфическим состоянием газов воздуха

при большом разрежении и мог оказаться «эфир» или некий газ с очень малым весом. При всей гипотетической направленности исходных предпосылок этих исследований, основным и наиболее важным результатом в области физики явился вывод уравнения идеального газа, содержащего универсальную газовую постоянную.

В 1905 году Д.И. Менделеев скажет:

«Всего более четыре предмета составили мое имя: периодический закон, исследование упругости газов, понимание растворов как ассоциации и «Основы химии». Тут мое богатство. Оно не отнято у кого-нибудь, а произведено мною...»

Менделеева живо интересовали и вопросы воздухоплавания, во-первых, он продолжал свои исследования в области газов и метеорологии, во-вторых — развивал темы своих работ, вступающих в соприкосновение с темами сопротивления среды и кораблестроения. Кроме того, он перешел от теории к практике.

В 1875 году он разработал проект стратостата объемом около 3600 м³ с герметической гондолой, подразумевающий возможность подъема в верхние слои атмосферы (первый такой полет в стратосферу осуществлен был О. Пикаром только в 1924 году), а также спроектировал управляемый аэростат с двигателями.

Летом 1887 года Д.И. Менделеев осуществил свой знаменитый по-

лет. Обстоятельства подготовки к нему еще раз говорят о Д.И. Менделееве, как о блестящем экспериментаторе. Он считал:

«Профессор, который только читает курс, а сам не работает в науке и не двигается вперед, — не только бесполезен, но прямо вреден. Он вселит в начинающих мертвящий дух классицизма, схоластики, убьет их живое стремление».

Менделеев предложил использовать для наполнения шара не светильный газ, а водород, который позволял подняться на большую вы-

сок поднять был не в состоянии. По настоянию Менделеева его спутник вышел из корзины, предварительно прочитав ученому лекцию об управлении шаром и показав, что и как делать. Менделеев отправился в полет в одиночестве.

Шар покрыл расстояние около 100 км, поднявшись на высоту в максимуме — до 3,8 км. Пролетев над Талдомом в 8 ч. 45 м., приблизительно в 9 часов он начал снижаться. Между Калязином и Переславлем-Залесским, около деревни Спас-Угол произошла успешная посадка.

Дмитрий Менделеев номинировался на Нобелевскую премию трижды — в 1905, 1906 и 1907 годах. Однако номинировали его только иностранцы. Члены Императорской академии наук при тайном голосовании неоднократно отвергали его кандидатуру. Он был членом многих зарубежных академий и ученых обществ, но так и не стал членом родной Российской академии

соту, что расширяло возможности наблюдения.

Этот полет привлек внимание широкой общественности. Военное министерство предоставило воздушный шар «Русский» объемом 700 м². 7 августа на месте старта — пустыре на северо-западе города Клина, несмотря на ранний час, собралась огромная толпа зрителей. С Менделеевым должен был лететь пилот-аэронавт, но из-за прошедшего накануне дождя повысилась влажность, шар намок, и двух чело-

Во время полета ученый устранил неисправность управления главным клапаном аэростата, что показало хорошее знание практической стороны воздухоплавания.

Международный комитет по аэронавтике в Париже за этот полет удостоил Д.И. Менделеева медали французской Академии аэростатической метеорологии.

Труды Д.И. Менделеева по сопротивлению среды и воздухоплаванию нашли продолжение в работах,

посвященных кораблестроению и освоению арктического мореплавания.

Эта часть исследований Д.И. Менделеева в наибольшей степени определяется его сотрудничеством с адмиралом С.О. Макаровым — рассмотрением научных сведений, полученных последним в океанологических экспедициях, и их совместными трудами. Дмитрий Иванович с энтузиазмом поддерживал усилия С.О. Макарова, направленные на создание большого арктического ледокола.

«Изменение плотности воды при нагревании».

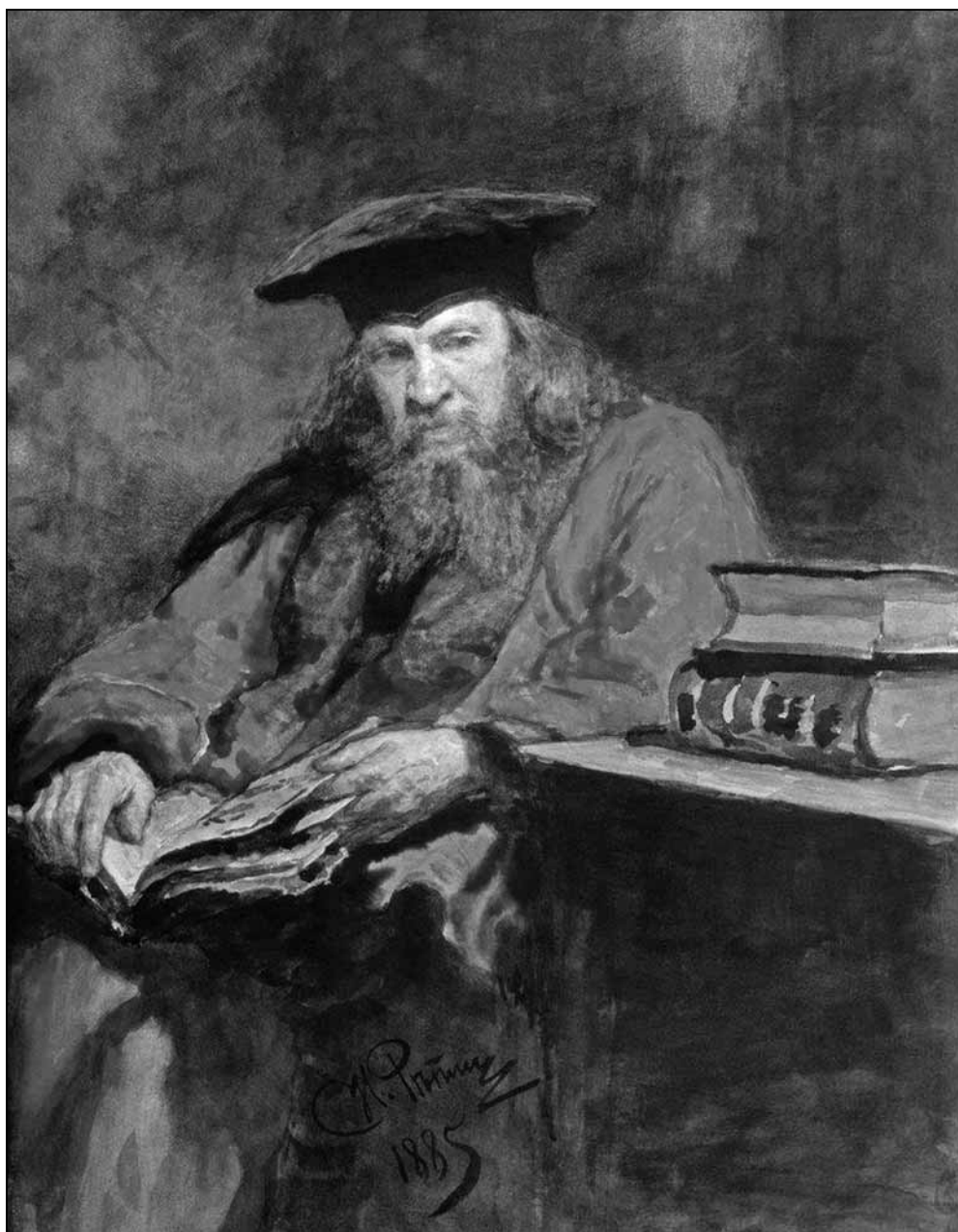
Дружба между ученым и адмиралом продолжалась. На этот раз Менделеев активно подключился к организации ледокольной экспедиции в Северный Ледовитый океан, предложенной Макаровым. Он видел в этом начинании реальный путь решения многих важнейших экономических проблем: связь Берингова пролива с другими русскими морями положила бы начало освоению Северного морского пути, что делало доступными районы Сибири и Крайнего Севера.

Знаменитый доклад Менделеева «Соотношение свойств с атомным весом элементов» был прочтен в марте 1869 года на заседании Русского химического общества. Открытый им периодический закон, не давая представления о строении атома, тем не менее, вплотную подводил к этой проблеме, и позже решение было найдено, несомненно, благодаря ему — именно этой системой руководствовались будущие исследователи, указывая факторы, выявленные им, с интересовавшими их другими физическими характеристиками

Занимаясь изучением растворов, Менделеев проявлял большой интерес к результатам исследований плотности морской воды, которые были получены С.О. Макаровым в кругосветном плавании на корвете «Витязь». Он высоко оценивал эти данные и включил их в сводную таблицу величин плотности воды при разных температурах, которую приводил в своей статье

«Ваша мысль блистательна, — писал он С.О. Макарову, — и рано или поздно неизбежно выполнится и разовьется в дело большого значения не только научно-географическое, но и в живую практику».

Инициатива была поддержана С.Ю. Витте, и уже осенью 1897 года правительство приняло решение об ассигновании постройки ледокола, а Д.И. Менделеев был включен в со-

*И. Репин.
Портрет
Д.И. Мен-
делеева*

став комиссии, занимавшейся вопросами, связанными с этой постройкой. Первому в мире арктическому ледоколу было дано имя легендарного покорителя Сибири — «Ермак», и 29 октября 1898 года он был спущен на воду.

Но, увы, гибель С.О. Макарова в 1904 году на борту броненосца «Петропавловск» не позволила завершить этот проект. Изучение Север-

ного Ледовитого океана по-настоящему начнется лишь в СССР.

Менделеев стал также предтечей современной метрологии, в частности — химической метрологии. Он создал точную теорию весов, разработал наилучшие конструкции коромысла и арретира, предложил точнейшие приемы взвешивания. Благодаря его инициативе и участию в России появилась Главная палата мер

и весов (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии имени Д.И. Менделеева).

Помимо всего прочего, Дмитрий Иванович был выдающимся эконо-

мистом, обосновавшим главные направления хозяйственного развития России, и состоял членом Комитета Общества для содействия русской промышленности и торгов-

ли — первого всероссийского объединения предпринимателей.

Будущее русской промышленности ученый видел в развитии общинного и артельного духа. Конкретно он предлагал реформировать русскую общину так, чтобы она летом вела земледельческую работу, а зимой — фабрично-заводскую на своей общинной фабрике. Внутри отдельных заводов и фабрик предлагалось развивать артельную организацию труда. Фабрика или завод при каждой общине — «вот что одно может сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным».

Его участие в изучении уральской железной промышленности — один из важнейших этапов деятельности Менделеева-экономиста. В своем труде «К познанию России» он скажет: *«В моей жизни мне пришлось принимать участие в судьбе трех... дел: нефтяного, каменноугольного и железорудного».*

Анализ научной деятельности Д.И. Менделеева позволяет выделить 7 основных направлений, по которым он работал:

1. Периодический закон, педагогика, просвещение.

2. Органическая химия, учение о предельных формах соединений.

3. Растворы, технология нефти и экономика нефтяной промышленности.

4. Физика жидкостей и газов, метеорология, воздухоплавание, сопротивление среды, кораблестроение, освоение Крайнего Севера.

5. Эталоны, вопросы метрологии.

6. Химия твердого тела, технология твердого топлива и стекла.

7. Биология, медицинская химия, агрохимия, сельское хозяйство.

Научные интересы и контакты Д.И. Менделеева были очень широки, он многократно выезжал в командировки, совершил множество частных поездок и путешествий. Поднимался в заоблачные выси и спускался в шахты, посещал сотни заводов и фабрик, университетов, институтов и научных обществ, встречался, полизировал, сотрудничал и просто беседовал, делился своими мыслями с сотнями ученых, художников, крестьян, предпринимателей, рабочих и мастеров, литераторов, государственных деятелей и политиков. Сделал множество фотографий, приобрел массу книг и репродукций. Сохранившаяся почти полностью библиотека включает около 20 тысяч изданий, а частично уцелевший огромный архив и коллекция изобразительных и репродукционных материалов содержат массу разнородных полиграфических единиц хранения, дневники, рабочие тетради, записные книжки, рукописи и обширную переписку с русскими и зарубежными учеными, общественными деятелями и прочими корреспондентами.

Умер Д.И. Менделеев 2 февраля 1907 года в Санкт-Петербурге от воспаления легких. Похоронен на «Литераторских мостках» Волковского кладбища. □

Елена Логунова

БУКЕТ МАРГАРИТОК

— Постарайся сделать выразительное фото, — попросил редактор, отправляя меня на задание.

Казалось бы, какая проблема? Есть хороший фотоаппарат, есть прекрасная натура, и анатомических вывертов у корреспондента не наблюдается — руки растут откуда надо, и свет нормальный...

Ан нет, не вышел каменный цветок!

А почему?

А потому, что не каменный.

По-латыни маргарита — жемчужина, по-гречески — название очаровательного цветка. Одна из христианских легенд связывает происхождение маргаритки с именем Пресвятой Девы Марии.

Получив от архангела Гавриила благую весть, она отправилась сообщить об этом своей родственнице Елизавете, и долго шла по горам и долинам Иудеи. И всюду, где нога будущей Божьей Матери касалась земли, вырастали маргаритки. Их белые сияющие лепестки напоминали о славе Божией, а золотая середина — о священном огне, горевшем в сердце Марии...

Мы, современные люди, прагматичны и в чудеса верим в самом крайнем случае — когда ничто другое, кроме чуда, помочь не способно.

Но я расскажу вам кое-что о чудесах и маргаритках, а вы держите, пожалуйста, в уме ту легенду о Марии и — главное — обратите особое внимание на повод, побудивший ее отправиться в путь.

Я про благую весть, как вы понимаете...

МАРЛЕВЫЕ КУКЛЫ

Девочке три-четыре года. Маленькая еще, но такая умница.

— Посиди тут, Ритуля, подожди меня, — скажет мама.

И Ритуля сидит в комнате медсестер, ждет. Играет с марлевыми куклами и прыгучими игрушками из резиновых трубочек капельниц, которые ловко мастерят для нее сестры. По коридорам не бегают, в операционную не рвется, маме не мешает.

Маме нельзя мешать, у мамы очень важная работа. Мама лечит людей. Мама — Доктор.

Именно так — с большой буквы.

Впрочем, и пациенты, и коллеги, говоря о ритулиной маме, произносят это слово так, будто в нем все буквы заглавные: ДОКТОР Гоголь.

Официально звание «Заслуженный врач Российской Федерации» главврач многопрофильной больницы краснодарского муниципального лечебно-диагностического объединения Лариса Ивановна ГОГОЛЬ получила в 1997 году.

Уважение и благодарность огромного количества людей она заслужила много раньше.

— Мама свою работу всегда любила, горела ею, стремилась к самым высоким результатам и добивалась их, — рассказывает врач высшей категории, кандидат меди-

цинских наук Маргарита Эдуардовна Венгеренко. — А я наблюдала ее пример и воспринимала его как норму жизни. Мне было понятно без объяснений, что дело, которым человек занимается, должно быть любимым, и отдаваться ему следует полностью.

— И, глядя на маму, вы не могли не стать врачом?

— Не совсем так. Глядя на маму и папу (а он был фантастическим поваром-кондитером, делал просто шедевральные торты), я не могла не стать человеком, который абсолютно счастлив тем, что он делает. Хотя, честно признаюсь, над выбором профессии я не раздумывала. Мама брала меня с собой на работу, когда я была еще малышкой, и я с детства ощущала эту атмосферу как естественную для себя.

— Большинство людей воспринимают определение «больничная атмосфера» как негативное, тревожное...

— А я видела самоотверженность, энтузиазм, деятельное добро. И радость исцеления, и благодарность за помощь. И тоже хотела помогать!

ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ...

Девочке шесть, и она ловко управляется с аппаратом для измерения давления. У бабушки Зои Константиновны гипертония, нужно контро-

*Мargarита
Эдуардовна
Венгеренко
с сыновьями
Германом
и Эдуардом*

лизовать ее давление и пульс, следить за тем, как бабушка принимает лекарства. Рита делает это охотно и добросовестно, даже соседи иной раз просят к ней в пациенты.

Миссию следить за здоровьем четвероногих и пернатых обитателей подворья девочка возложила на себя самостоятельно, и теперь куры, кролики, канарейки и фазаны регулярно подвергаются медосмотрам и лечению...

— Я им раны обрабатывала, при необходимости даже какие-то мини-операции делала, — вспоминает хирург Венгеренко. — У нас собака была, королевский пудель Жужа. Ей как-то целый курс лечения кожного заболевания пришлось провести — промывать язвы, мазь наносить... Жужа, помнится, от этого не в восторге была, а мне очень нравилось быть звериным доктором.

— А родители как относились к вашей детской ветеринарной практике?

— Папа активно помогал, особенно, когда надо было поддержать какого-нибудь нервного «пациента», ассистировал мне. Мама давала советы по части выбора лекарственных средств и, как я теперь понимаю, присматривалась — нет ли у меня противопоказаний к врачеванию: страха, брезгливости? Ведь очень многие уходят из профессии, едва начав ее получать, — например, на первом курсе мединститута, когда начинается анатомия с препарированием трупов, когда появляется какая-то практика, а с ней приходит понимание, что медицина — это не только благородное высокое искусство, но и кровь, гной, страх. Будучи врачом, моя мама это очень хорошо понимала и, конечно, не хотела, чтобы я ошиблась в выборе профессии.

Было бы очень обидно приложить множество усилий, чтобы поступить в мединститут, а потом оставить его из-за профнепригодности.

— А вы были нацелены исключительно на мединститут? Или были запасные варианты?

— Запасным вариантом как раз была ветеринария! Хотя я понимала, что это ничуть не менее сложно, даже в чем-то труднее, ведь животное не может объяснить, где и как у него болит.

«ДОЧЕНЬКА,
МОЖЕТ, У ТЕБЯ
ПОЛУЧИТСЯ...»

Девочке пятнадцать, и надо решать, идти ли в старшие классы. Чтобы после школы поступить в мединститут, в аттестате нужно иметь самые высокие оценки. На финише — экзамены. А вдруг она получит четверку, к примеру, по физике?

Или по русскому.

Да чтоб из-за русского или физики не попасть в МЕДИНСТИТУТ?!

«Доченька, а может, у тебя получится с отличием закончить медучилище? — мягко спрашивает мама. — Это очень помогло бы тебе при поступлении в мединститут...»

— Маме всегда достаточно было только выразить желание, и я делала все возможное, чтобы его исполнить, — говорит Маргарита Эдуардовна. — Мама и папа всегда были и до сих пор остаются теми людьми, которые меня вдохновляют, направ-

ляют, оценивают мои успехи. По маминому совету я пошла в медучилище и никогда об этом не жалела.

— Хотя относительно сверстников, поступивших в вуз сразу после школы, потеряли целый год?

— Да, я потеряла время, но зато приобрела прекрасных друзей, которые со мной до сих пор, и бесценный опыт! Училище очень много мне дало в части практики и в плане становления специальности. Я врач, но знаю и медсестринскую работу, могу, в случае необходимости, подсказать и помочь. Конечно, врач не должен делать клизму, зондирование, инъекции, но мало ли, какие бывают ситуации, особенно в операционной, когда своевременная помощь бесценна... Кстати, медучилище помогло и окончательно определиться, уверенно понять: медицина — это мое.

— Вы окончили медучилище с отличием, успешно поступили в мединститут и...

— И тут мама мягко сказала: «Доченька, может, у тебя получится окончить институт с отличием, это очень помогло бы тебе с трудоустройством», — смеется доктор Венгеренко. — А я уже и сама привыкла ставить высокую планку, так что не позволяла себе расслабиться. На первом курсе вышла замуж, без отрыва от учебы родила сына, академический отпуск брать не стала — спасибо, родители мои и мужа помогли с ребенком. А потом...

— Дайте, я угадаю! Мама мягко сказала: «Доченька, может, у тебя получится окончить интернатуру, ординатуру и аспирантуру с отличием?»

— Точно, и еще блестяще защититься! — кивает Маргарита Эдуардовна Венгеренко. — Хотя меня к тому времени уже не нужно было подталкивать, я сама знала, чего хочу, четко планировала свои действия и добивалась желаемого результата. Второго ребенка родила в ординатуре, потому что понимала, что потом это сделать будет почти невозможно: хирургия — сложная отрасль, высокотехнологичная, быстро развивающаяся. Зашел в профессию, встал к операционному столу — не отходи, иначе отстанешь, дисквалифицируешься.

КОМАНДНАЯ ИГРА

Не девочка уже, взрослая женщина, без пяти минут кандидат наук, а плачет, как маленькая!

Обидно, да. Приехала к научному руководителю, на четверть часа оставила на улице машину, а ее ограбили! Ладно бы, компьютер унесли, но в сумке для ноутбука лежало бесценное — распечатанная диссертация, она же на флешке, и все документы. Годы работы, через месяц защита, и вот — все пропало!

— Я тогда очень расстроилась, не бывало раньше такого, буквально руки опустились, — рассказывает Маргарита. — Приехала к родите-

лям, сказала, что хочу все бросить, так было больно. Но папа сказал: «Давай, соберись. Другие же справляются, а ты не хуже других, все получится». И я подумала: «Правда, почему я раскисла? Это не по-нашему!» И все восстановила, защитилась в срок. Но момент отчаяния был, и не знаю, как бы я справилась, если бы не поддержка родителей.

— Для вас вообще важна команда?

— Очень! Очень! И в личной жизни, и в работе. Операционная бригада — это три врача: хирург, первый ассистент и второй ассистент. В эндоскопии — двое: хирург и ассистент. Но есть еще анестезиолог, анестезистка, операционная сестра, санитарка — каждый человек в команде очень важен. Если выпадает один — мы уже не команда. Поэтому мы держимся друг за друга, стараемся беречь один другого, только слаженная команда дает тот результат, который оправдывает ожидания.

— А что насчет роли личности в истории?..

— Всегда кто-то берет на себя роль лидера. Мне всю жизнь везет на энергичных людей с харизмой и высокой планкой. Я помню, как строилась и оснащалась наша больница — ее строил Игорь Матвеевич Ханкоев, строила моя мама, и не только они — была очень большая дружная команда. Сейчас нашей больницей руководит Григорий Артемович Пенжоян, он дает нам возможность работать на современном

оборудовании, с новыми методиками. В моем отделении гинекологии великолепный заведующий — Владислав Викторович Пономарев, он все время нас учит, настраивает на повышение профессионального уровня. Я очень благодарна ему, это тот человек, который научил меня оперировать, дал мне возможность попробовать себя как эндоскопист-хирург. Хотя у меня были и другие учителя — Светлана Георгиевна Уманская первая дала мне в руки скальпель и сказала: «Давай, мы с тобой сейчас сделаем операцию», а операция была наисложнейшая, очень высокого уровня. Конечно, перед этим я долго стояла рядом с ней.

Я очень благодарна многим людям, которые внесли свой вклад в мое становление.

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРОЛЕЧИЛИ

В профессиональной среде у Маргариты Венгеренко репутация блестящего хирурга-эндоскописта.

Пациенты говорят проще: «врач от Бога». И пишут:

«Здравствуйте, Маргарита Эдуардовна, спасибо Вам огромное за все! Благодаря Вашим золотым рукам я стала счастливицей — мамой прекрасного ангела Ариши. Дай Бог Вам здоровья, чтоб вам вернулось в десять раз больше добра и радости. Самый лучший врач, который встретился у меня на пути, это вы!»

«Оперировалась у Маргариты Эдуардовны три раза, быстро возвращалась в норму, никаких осложнений! Очень заботливая, всегда ответит на все вопросы, объяснит, расскажет! После выписки всегда оказывает помощь, даст рекомендацию по телефону, если есть необходимость! Лучше доктора я не встречала!!!! Дай Бог здоровья Вам и вашим близким, всего самого светлого и доброго, что есть в этом мире!!!! Рекомендую тысячу раз этого специалиста!!!!»

«Самый лучший врач! Добрая, отзывчивая и вселяющая надежду в таких безнадег, как я! Пять лет бесплодия, куча анализов, много врачей и, конечно, потраченные нервы и деньги! И только благодаря Маргарите Эдуардовне я, наконец, мама! Спасибо Вам! Всего Вам самого доброго!»

«Хочу выразить особую благодарность Венгеренко Маргарите Эдуардовне. Я надеюсь, она будет это читать. Спасибо Вам большое за то, что вы для меня сделали. Это очень много значит для меня. Вы вселили надежду. Вы очень чуткий, внимательный и добрый человек. Я рада, что попала на операции именно к Вам. Дай Бог Вам здоровья, личного счастья, семейного благополучия и понимания со стороны близких и коллег по работе. Спасибо Вам огромное еще раз».

(Отзывы на региональном сайте 23med.ru)

— Маргарита, как вы определились со специализацией?

— Правильнее спросить — когда я с ней определилась. А вот тогда, когда с куклами в сестринской род-дома играла. Конечно, я тогда не была в операционной, но видела режим работы врачей, чувствовала их настрой и поняла, что тихо сидеть, что-то писать, слушать больного — это не мое. Мне хотелось активности — буквально воевать с болезнями!

— Но война — традиционно мужское дело. В вашей профессии, кстати, как с мужским шовинизмом?

— Не без этого. В общей хирургии 90 процентов врачей — мужчины. В гинекологии, по понятным причинам, цифры другие — примерно 50 на 50. Тем не менее, да, хирург — профессия традиционно мужская.

— У мужчин нервы покрепче?

— Нет, они сами покрепче! Это тяжелая физическая работа: спина, руки, ноги, голова — все устает. Я хирург-эндоскопист, работаю специальными инструментами, которые требуют вынужденной позы, это очень утомительно. Ну, и концентрация внимания нужна. Я иногда прихожу вечером домой — нет сил даже двигаться. А еще — я ведь не могу выключить телефон, потому что в любой момент может позвонить кто-то из моих пациентов. Кто-то, кому именно сейчас крайне необходима консультация или просто моральная поддержка.

При первом знакомстве пациенты спрашивают, когда мне можно звонить. Да в любое время! Я не отвечаю,

если буду на операции, но потом обязательно перезвоню. Мои пациенты — это очень важные для меня люди, иначе и быть не может. Есть такие пациенты, с которыми мы уже давние добрые друзья.

— Вы так сильно влияете на их жизнь, что становитесь ее частью?

— Совершенно верно! Как только встречаешься глазами с пациентом в первый раз, делаешь первую запись в истории болезни — все, с этого момента вы живете вместе. Мне даже кажется, что не получится помочь человеку, если ты знаешь только о его здоровье, но не знаешь о его жизни. Если не держишь его в памяти, не болеешь за него, не просишь за него Бога...

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

— Маргарита, вы же ученый, вы разрабатываете новые методики, получаете патенты, но при этом верите в высшие силы?

— Потому что нельзя не верить! Конечно, я многому научилась, но человеческие силы не безграничны. Иногда просто не хватает собственного внутреннего ресурса, чтобы успокоиться, обрести уверенность и вдохновение перед сложной операцией. Бывает, ночь накануне не спишь, волнуешься, переживаешь и просишь помощи свыше. Если хотя бы мне от этого станет легче, спокойнее, это уже хорошо, шансы на успех чуть больше будут.

— **А чудеса случаются?**

— Случаются. Вот была у меня история: сделала я операцию, которая показала, что женщине, страстно желающей родить ребенка, может помочь только ЭКО. Но она была так расстроена, что морально не могла собраться, чтобы начать эту программу. Я предложила пациентке два-три месяца подождать. Она ушла и пропала надолго, почти на девять месяцев. И вот однажды открывается дверь в отделение, заходит эта девочка — уже на девятом месяце! Как, почему?! Этого не могло случиться! А вот — случилось. Может, мы своими диагностическими манипуляциями что-то изменили, и они оказались лечебными, или просто Богу так было угодно, я не знаю. Можно, наверное, найти какое-то объяснение, но, как ни крути, это чудо.

ФЕЯ-КРЕСТНАЯ

Более 70 процентов пациентов Маргариты Венгеренко — бесплодные пары, которые очень хотят ребенка.

— Когда мы проводим комплекс обследования и лечения, и ребенок, наконец, рождается — это наивысшая оценка нашего труда, — говорит Маргарита. — Не деньги, не звания, не публикации, не научные труды — одна смс-ка из родзала: «Маргарита Эдуардовна, я мама!». В этот момент я счастлива, я бесконечно рада, что смогла помочь, это мой самый большой стимул работать, мой драйв, моя награда!

Я же помню, как эти девочки рыдали у меня на плече, как им было

плохо, и мне тоже с ними плакать хотелось, но я знала, что нельзя. Сочувствовать можно и нужно, раскисать — никогда. Надо собраться и постараться помочь.

— **Счастливые мамочки приходят к вам показать малыша?**

— И приходят, и фотографии присылают, и даже пишут: «Маргарита Эдуардовна, мы назвали дочку в вашу честь!» Это, конечно, очень приятно. Все эти детки немножко и мои тоже.

— **И много уже таких деток?**

— Шестерых Маргариток точно знаю!

Целый букет... □

Вячеслав Стародубцев — молод и невероятно талантлив. Он — режиссер-постановщик, певец, актер, солист театра «Геликон-опера», художественный руководитель театра драмы и оперы «Театр ДО». Лауреат всероссийских фестивалей, 4-го конкурса молодых исполнителей русского романса «Романсиада», а также педагог по актерскому мастерству и режиссуре в ГИТТИСе, организатор и постановщик многих Международных арт-проектов.

Вячеслав Стародубцев:

*«Театр всегда
должен оставаться
сказкой»*

— В Новосибирском театре оперы и балета — НОВАТе, состоялась премьера оперы-квест «Турандот». Расскажите, пожалуйста, об этом событии.

— Дирижер Дмитрий Юровский пригласил меня в Новосибирский театр оперы и балета для постановки оперы Джакомо Пуччини «Турандот». Я рад, что судьба подарила мне возможность вновь поработать с таким блистательным музыкантом и дирижером. На фестивале Мстислава Растроповича, приуроченном к 85-летию Маэстро, мы с Дмитрием ставили оперу Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» с участием мировых оперных звезд в Большом Зале Московской консерватории, тогда Галина Павловна Вишневская высоко оценила нашу работу, это был, к сожалению, последний год ее жизни.

Дмитрий — самый молодой представитель знаменитой музыкальной династии Юровских, занимал пост главного дирижера Королевской фламандской оперы, работал в ведущих театрах мира, с ноября 2015 года является главным дирижером оперы НОВАТ.

НОВАТ — один из лучших театров нашей страны, хорошо известен во всем мире, признаюсь, что даже не мечтал о такой грандиозной театральной площадке.

Сильная оперная труппа, удивительной красоты голоса! Здесь начинала карьеру и продолжает радовать своим талантом прекрасная

актриса-певица Вероника Джигоева, а также Дмитрий Янковский, Ирина Чурилова, Роман Завадский, Ольга Колобова... Роман Завадский — это просто молодой Пласидо Доминго, он впервые в «Турандот» спел партию такого уровня, и я рад, что его Калаф получился невероятно чувственным и ярким.

— Вы поставили оперу-квест, в переводе с английского «Question» означает вопрос. Как известно из сказки Карло Гоцци, китайская принцесса Турандот задает своим женихам каверзные вопросы, а за неправильные ответы им отрубает головы. ... Что для вас означает жанр «опера-квест» ?

— «Турандот» — это сказка, и я решил придумать такой театральный жанр, предполагающий элементы головоломки, тайны, игры, мистики... Для сказочной истории он очень подходит. Мне важно привлечь и влюбить в оперное искусство молодежь, которая благодаря созданному жанру первый раз пришла в оперу. В истории создания самой «Турандот» тоже немало мистики и тайн... У самого Пуччини достаточно мистики и подводных камней, скрытых в партитуре. Как известно, великий композитор, тогда тяжело болевший, не закончил свою последнюю партитуру...

Пуччини умер в 1924 году, премьера оперы состоялась в Милане, 25 апреля 1926 года, но в середине

заключительного действия музыка смолкла. Дирижер Артуро Тосканини повернулся к публике и сказал: «Здесь смерть прервала работу над оперой, которую маэстро не сумел завершить». Занавес опустился, и зрители в глубоком молчании покинули театр. Франко Альфано, друг Пуччини, закончил оперу по имевшимся в его распоряжении наброскам и черновикам заключительного дуэта. Эта версия окончания оперы не является единственной. Композитор Лучано Берио в 2002 году и Хао Вэйя в 2008 году предложили свои варианты.

В НОВАТе мы с Дмитрием Юровским придумали свой, уникальный финал.

Юровский сделал блестящую оркестровку, аранжировав несколько музыкальных тем, связанных с Лиу

и Калафом, и теперь услышать это можно только в Новосибирске!

Интересно, что время написания оперы совпадает с премьерой спектакля «Принцесса Турандот» в Москве, в театре Евгения Вахтангова, это февраль 1922 года. Вообще период начала двадцатого века чрезвычайно интересен, так в изобразительном искусстве возникают новые течения, это время художника Василия Кандинского. Мне захотелось, чтобы каждую сцену спектакля сопровождала картина этого великого мастера, проецирующаяся на большой экран, расположенный на заднике сцены. Получилось, на мой взгляд, очень красиво.

В России опера «Турандот» идет только в НОВАТе. Открою вам секрет: Мария Гулегина захотела ис-

полнить партию Турандот в нашей постановке, сейчас ведутся переговоры, связанные с ее приездом.

— На ваш взгляд, в опере «Турандот» главные персонажи — китайская принцесса и Калаф?

— Турандот — это история любви и смерти во имя любви. В греческой мифологии всегда умирает тот, кто больше любит, и Лиу, жертвуя собой ради любимого, по значимости для меня не уступает самой Турандот, которая именно благодаря Лиу понимает, что такое настоящая жертвенная Любовь.

— Слышала, что перед спектаклем вы читаете просветительскую лекцию для зрителей в НОВАТе...

— Да, это тоже элемент квеста, в 17.30 начинается моя лекция, затем, в 19.00, публика идет смотреть спектакль, а на следующий день мы ищем по уникальному закулискому пространству корону Турандот.

— Я знаю, что у спектакля полный аншлаги, и билеты на «Турандот» расходятся очень быстро... Это так?

— Каждый спектакль «Турандот» — это стопроцентная продажа билетов. За две недели билетов уже нет, и я этому, конечно же, рад, это самая важная оценка работы режиссера, не уступающая оценке профессиональных критиков.

— Не могу не привести слова блистательной певицы Верони-

ки Джигоевой, которая пела в вашей постановке:

«Даже если я в отъезде, внимательно слежу за жизнью театра. Когда увидела фотографии «Турандот», подумала: «Боже, какой красивый спектакль!» Это моя любимая опера. Очень обрадовалась, когда со мной связался Вячеслав Стародубцев, талантливый режиссер, с прекрасным вкусом и чувством стиля. Мы работаем в удовольствие, и впереди нас ждет «Аида».

— Судьба преподнесла мне большой подарок — Вероника Джигоева пожелала петь в моей постановке «Турандот», а сейчас и в «Аиде».

Премьера «Аиды» в НОВАТе назначена под занавес театрального сезона, и опять мне захотелось придумать новый жанр, на этот раз «Fashion opera». Спектакль будет выполнен в эстетике Сальвадора Дали. Невероятные ландшафты, слоны на длинных ногах, сошедшие с полотен Дали, подвесной хрустальный мост... «Аида» была написана к открытию Каирской оперы и Суэцкого канала, и мне пришла идея сделать мост, который построен через этот канал, похожий на мост, который я видел во Владивостоке. Этот мост меня ошеломил больше, чем пирамиды Египта! Это Чудо Света! Какая невероятная красота и мощь! На сцене будет стеклянный, рукотворный мост, на вантах.

В «Аиде» у нас будут созданы интересные, классные костюмы с использованием последних современ-

ных технологий, которые мы впервые апробируем на сцене НОВАТа. Художник-постановщик — Жанна Усачева. Многие свои спектакли я оформлял сам, потом встретил Жанну — это мастер и очень близкий для меня человек, который чувствует и понимает с полуслова, мы мыслим едиными художественными структурами, и это очень важно. Чрезвычайно сложно найти своего художника, своего дирижера. С Жанной мы сделали несколько драматических спектаклей во Владивостоке, среди которых «Наказанный Распутник» и «Сирано де Бержерак».

— Какие планы на будущее?

— Слава богу, на следующие два сезона все расписано. В октябре назначена премьера шедевра П.И. Чайковского — оперы «Пиковая дама», это будет мое посвящение великому режиссеру Всеволоду Мейерхольду, затем в январе «Бал маскарад» Верди. В 2017 году исполняется 180 лет со дня гибели великого поэта Александра Пушкина. Мечтаю осуществить музыкально-драматическую постановку «Борис Годунов» с выдающимися драматическими артистами — Юрием Чурсиным и Анной Тереховой. А с 29 января по 6 июня 2017 года планирую фестиваль-посвящение Александру Сергеевичу, хочу поставить в НОВАТе все оперы по «Маленьким трагедиям». Есть договоренности с Астаной и невероятным театром «Астана Опера», туда, кстати, мы возем нашу

«Турандот». А еще — уже традиционное участие в Международном кинофестивале стран АТР «Paciës Meridian» и многое другое...

— Планов великое множество, а выходные у вас бывают?

— Ни одного! Заниматься театром — это счастье! Я весь в перелетах, Москва — Новосибирск, Москва — Владивосток, и, Слава богу, что это все у меня есть!

— Как давно вы работаете в московской «Геликон-опере»?

— Со студенческой скамьи, со второго курса ГИТИСа это мой второй дом, хотя, скорее, первый, вот уже пятнадцать лет как я в «Геликоне». Закончил ГИТИС, курс Дмитрия

Бертмана, потом преподавал на его кафедре музыкального театра, сейчас в «Геликоне» работаю как режиссер, в основном, это вводы в спектакли. «Геликон» — авторский театр, и все постановки здесь делает Дмитрий Александрович Бертман — мой Учитель, человек, открывший для меня оперное искусство. Я ему очень благодарен.

— Вы работали с Фондом культурных инициатив Светланы Владимировны Медведевой, в рамках благотворительного проекта «Белая роза». Расскажите об этом...

— В 2010 году стартовал первый проект «Белая роза» в Кремлевском дворце, где состоялся концерт

звезд мировой оперы с участием Анны Нетребко и Эрвина Шротта. За дирижерским пультом стоял знаменитый итальянский дирижер Клаудио Ванделли. Оркестр «Новая Россия» сопровождал выступления звезд.

В 2015 году в поддержку благотворительного проекта «Белой розы» я поставил спектакль-концерт «Музыки русская душа» — это посвящение великим русским певцам

Шаляпину, Лемешеву, Козловскому. Выступали певцы Олег Погудин, Ян Осин, Алексей Татаринцев и драматическая актриса Анна Терехова. Анна читала стихи Федора Ивановича Шаляпина, письма Максима Горького к Шаляпину, стихи Пушкина. Концерт прошел в старинном особняке Дома приемов Правительства. Под личным патронажем Светланы Медведевой, совместно с музеем

имени Бахрушина, мы также провели выставку уникальных экспонатов, посвященную этим великим певцам.

— В 2012 году вы поставили юбилейный вечер-концерт на родной артистки Маргариты Тереховой. Режиссер Андрей Тарковский называл ее «обыкновенной гениальной актрисой»... Как прошел концерт?

— Вечер «Гвардейцы Миледи Тереховой» прошел в Доме кино, и это мой первый проект, который я выпустил как продюсер и режиссер. В него я вложил свои средства, и нам помог лично Сергей Капков и Департамент культуры Москвы. Я преклоняюсь перед талантом Тереховой. В концерте все пели песни из кинофильмов с участием Маргариты Борисовны в сопровождении оркестра: легендарные наши «мушкетеры» — Михаил Боярский, Вениамин Смехов, Валентин Смирнитский, также Эммануил Виторган, Александр Песков, Николай Караченцев... Поздравить великую актрису пришли наши замечательные режиссеры: Роман Григорьевич Виктюк, Юнгвальд-Хилькевич. Были показаны на экране отрывки из уникальных телеспектаклей с участием Маргариты Тереховой: «История Манон Леско и кавалера де Грие», «Мне от любви покоя не найти». Вечер прошел очень тепло и душевно. Маргарита Борисовна была счастлива в этот вечер. Запись этого юбилейного вечера-концерта у ме-

ня осталась на пленке, которой, к сожалению, до сих пор не заинтересовался канал «Культура».

— Что для вас означает Театр?

— Театр — это убежище романтиков, не желающих мириться с цинизмом этого мира. Музыка — это космическая структура, которая соединяет нас с чем-то божественным, напоминает нам о Боге. И в опере режиссер никогда не может быть главнее композитора, который также является проводником этой небесной субстанции. Я люблю классическую музыкальную драматургию и считаю, что классический спектакль должен быть сделан по ее законам. Хочется, чтобы зритель, придя в театр, почувствовал себя восторженным ребенком, чтобы он попал в мир Красоты. В театре нет места цинизму. Амнерис на сцене должна быть царицей Амнерис, не обязательно в короне, но с характером, не противоречащим музыкальной линии персонажа, созданной композитором. На сцене должны быть мысль и художественная правда, но должна быть и грань реализма и фантастики. Пошлости, грязи, бытовщины на оперной сцене мне не хочется видеть. Для меня важна Красота, возвышенность, важно все то, что поддерживает и вторит великой музыке. Театр должен всегда оставаться Сказкой. Зритель идет в театр за Чудом. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Святослав
Тараховский

Универсальная

БОЕВАЯ МАШИНА

Метелило с ночи, серую рассветную федеральную трассу, на которую Сергей Потехин выкатился на своем не сильно новом «хендае», то и дело захлестывало порывами бокового ветра и зализывало снежными языками. Путь до Барвихи занял полтора часа.

Пока ехал, заметно промерз, печка опять барахлила, хоть была недавно в ремонте в гараже у Вити, и тот заверил, что все с ней «тип-топ». Чтобы отвлечься, он перебирал в уме, не забыл ли чего из того, что понадобится ему в работе. ПМ был при нем, в кобуре под мышкой слева, браслеты наручников — на поясе, кевларовый бронежилет — вот он, на соседнем сиденье, надеть — минута, оба телефона заряжены с вечера, один его собственный мобильник для связи, если понадобится, с Веркой или мамой, другой конкретно для контакта с Акимовым. А еще, не без гордости подумал Потехин, в наличии имеются его быстрые мозги, руки, ноги, сила, ловкость и знания, которым Акимов обучил его на спецкурсах. Клиент не пожалеет, что нанял его на работу.

Подумал так, вздохнул от нетерпения заняться новым делом и на вдохе как пес учуял аромат Веркиных пирожков с мясом. Успела, умница, в последний момент втиснуть их в дорожную сумку, был соблазн проглотить их тепленькими прямо сейчас, но нет, сглотнув слюну, решил, что оставит их на потом, неизвестно, как будет сегодня с обедом. Хорошая она девчонка, Верка, затемно встала, нажарила вкуснятины и вообще живет с ним как жена уже два года, дождалась после армии. Короче, Верка — человек, заботится, не возникает по мелочам, правда, мама пока продолжает на нее

«бочку катить» — но это нормально, обычное дело, маму он уговорит. А вообще, пора уже на Верке жениться, чего тянуть-то? Жениться, строить помалу свою фазенду и рожать сына — чего лучше-то?

С этими мыслями Сергей въехал в старинную липовую аллею и увидел впереди двухэтажный домик с белыми колоннами, у подножья которого пестрела полосатая преграда шлагбаума и, посмеиваясь, покуривали двое чистеньких охранников в черной униформе. «Коттеджный поселок «Мечта» — было выложено мозаикой на стене домика, а за ним в перспективе открывавшейся улицы, над высокими недружелюбными заборами возвышались дома-дворцы, один другого богаче. Мечта, точно мечта, подумал Сергей, сравнив с ними свою подмосковную избушку, кроме как мечтой такое не назовешь. Спокойно, Серега, остановил он себя, ты не имеешь права удивляться, тем более, возмущаться, не твоя это работа. Будешь стараться, будет и у тебя такой дом — так сказала бы мама, и он бы ей, конечно, ответил, что будет, как пить дать, будет — какие его годы!

Охранники проверили его документы и разрешение на оружие, заглянули в машину, но, узрев бронезилет на пассажирском сиденье, немного успокоились. Коллеги, тепло подумал о них Сергей, квалификация невысокая, но, чтобы париться на шлагбауме, сойдет.

Дом тридцать семь — прямо до конца, направо и еще раз направо, подняв шлагбаум, объяснили ему, там тебя уже ждут.

Едва тормознул перед домом, как злоеще и плавно, разваливаясь надвое, поехали в стороны половинки металлических, в завитушках, ворот. «Как в крематории», мелькнуло у Потехина, но развить такое любопытное сравнение далее он не успел — на фоне открывшегося трехэтажного дворца с античной лепниной возник более чем упитанный, крупный, лысый, знакомый по фотографии мужчина в камуфляже. Вот и клиент, сразу определил Сергей, Кортунов Андрей Максимович, пятидесяти двух лет.

— Здравия желаю. Я, наверное, к вам, — сказал он.

— Кто такой?

— От «Атланта», — ответил Сергей и, улыбнувшись, добавил: — Универсальная боевая машина.

Мужчина не сразу подал ему руку, буркнув: «Привет!» — с тренированной подозрительностью взялся изучать его документы и бланк с оформленным заказом. «Полкаш? торгаш? олигарх?» — спросил себя Сергей, но тут же вспомнил наставления Акимова: «Пусть он хоть шулер, хоть мелкий спекулянт, для тебя он клиент — и все».

— Машина, говоришь, универсальная? А чего бледный такой? Ладно, Потехин, давай, охраняй меня, — хмыкнул Кортунов. — Серго тебя буду

звать — не возражаешь? — Сергей согласно кивнул. — Ну, тогда забито. Паркуй свой «кадиллак» и включайся. Мы уже грузимся.

На бетонной мостовой перед гаражом на три машины горой громоздилась серая «тойота-секвойя» с распахнутой задней дверцей, четверо служек-таджиков таскали в машину ящики с провизией и выпивкой. Сергей загнал свой «хендай» на стоянку за гаражом, с неохотой надел и застегнул на себе ненавистный еще с армии бронежилет и направился к джипу. Погрузка как таковая его не волновала — не его проблема. Не теряя времени, он познакомился с водителем «секвойи» Николаем, таким же коренастым мордатым мужиком, что и хозяин, и дотошно осмотрел машину. И место Картунова — заднее, за своей спиной, и свое боевое спереди, рядом с водительским, и панораму обстрела на все триста шестьдесят градусов, если понадобится, и систему запираения-отпираения дверей изнутри и снаружи, если, в случае чего, придется выбрасываться из машины. Все ему быстро стало понятно, вопросов не возникло — классно его учил Акимов, спасибо ему. Пока работал, мозги были заняты, но стоило закончить досмотр, как снова ожили мысли, которые он с утра отгонял от себя: смотри, не облажайся, Потехин, сегодня твой первый день.

Оружие Андрей Максимович вынес к машине в последний момент. С винтовкой под мышкой, блеснувшим на поясе норвежским ножом, грузный мужчина превратился в воина, ступал напористо, пружинисто и грозно, не шел — накатывался. «Сайга» — определил винтовку Потехин. — На кабана, похоже, пойдем. От хряка, что ли, мужику охрана нужна?»

Махнув бледной отцветшей женщине, по-видимому, жене, прощавшейся с ним с балкона, Картунов скомандовал Николаю: «Вперед!» — и бросил себя в джип. Сергей, как положено, захлопнул за ним дверцу, занял свое место рядом с водителем.

Едва отъехали, первое, что появилось из кармана картуновской камуфляжки — бутылка французского коньяка, второе — стаканчик.

— Никому кроме себя не предлагаю, — озвучил Картунов, — вы на работе, я отдыхаю.

Сергей услышал за спиной звяканье стекла о стекло, почувствовал разлившийся по салону благородный аромат, дернулся, было, съесть Веркин пирожок, но решил повременить, посчитав, что жевать при клиенте было бы неправильно.

С Барвихи доползли до первой бетонки, где свернули на Дмитровку.

— За Талдом пойдем, Серго, на зимнюю дачку, — объявил Картунов. — Расслабься, охрана, Коля все знает.

Коля лишь что-то неразборчиво угукнул.

— Понял, — кивнул Потехин. Он действительно понял, что ехать еще часов четыре-пять, будет ли остановка, неизвестно, так что спасибо за пироги, Верунчик, где ты сейчас, дорогая, что делаешь?

— Коля, вруби-ка нам музон, — распорядился КОРТУНОВ.

«Русское радио» ворвалось забойным шлягером, и клиент заметно повеселел.

— Сидит как-то Василий Иванович на лавочке, на перроне, — начал он. — Смотрит, слева на него Петр Ильич идет. Не фи́га себе, думает Василий Иванович, сам Чайковский! Глянул, а справа подходит Анна Каренина и спрашивает, где здесь поезд на станцию Луговая?.. Вот приблизительно так, мужики, Чапаев встретился с Петькой и Анкой-пулеметчицей! — КОРТУНОВ расхохотался, несколько раз, смакуя, повторил финал анекдота и снова расхохотался.

Водитель Николай охотно вторил ему.

— А ты чего не смеешься, Серго? — удивился КОРТУНОВ.

— Смеюсь, Андрей Максимович, еще как.

— То-то.

«Шутливый, блин, мужик, легкий, — подумал Потехин. — С таким клево, не то, что со злыднем типа прапора моего в армии».

Ополовинив бутылку, КОРТУНОВ извлек телефон и надолго, словно глухарь по весне, затоковал с какой-то «киской» и «солнышком», после чего приказал Николаю остановиться на восьмидесятом километре, чтобы «прихватить Люську». Николай снова угукнул.

«Давно с ним работает, — догадался Сергей. — Везет же людям».

Храп, донесшийся сзади, заставил Николая и Потехина понимающе переглянуться. «Устал человек, бывает, — задумался Сергей. — А Верочка сейчас, наверное, чай пьет. Затопили печку, сидят с мамой, греются, лялякают и пьют чай с пирогами. Воскресенье, дров я полно наготовил, идти куда не надо, можно не спешить. Им хорошо, мне тоже пока неплохо».

— Коля, прижмись к обочине, — вдруг хриплым голосом попросил КОРТУНОВ. Отвернув в сторону, «секвойя» остановилась. — Прикрой меня, охрана, — распорядился он.

— От кого? — сразу не понял Сергей, но уже в следующую секунду сообразил, вслед за КОРТУНОВЫМ вышел из машины и, пока клиент справлял нужду, закрывал его телом от чужих, проносящихся мимо глаз. «Подумаешь, проблема, — успокоил себя Сергей, — почему бы человеку не помочь?»

— Теперь видно, что ты в спецназе служил, — довольно проговорил КОРТУНОВ, возвращаясь к машине. — Слушай, охрана, правда, что вас на

выживание тренируют, приучают, типа, коровью мочу глотать и гусеницами закусывать?

Когда тронулись с места, он продолжал расспрашивать телохранителя о спецназе. Потехин не любил вспоминать армию, с ним почему-то всегда так происходило — когда вспоминал, первым, как живой, вставал перед глазами лучший друг Лешка Лапочкин, с его кривой улыбочкой, гитарой, последней сигаретой и короткой очередью, сбившей его с ног. Вспоминать о том бое было тяжело. Сергей поначалу отмалчивался, но Картунов был настойчив, ахал от удивления и восторга, и, мало-помалу, Потехин разоткровенничался и стал подробно, с деталями и примерами, рассказывать о той веселой службе, недосыпах, усталости и потерях, которые всегда кажутся нелепыми. Пока снова не услышал за спиной храп. «Бывает, — подумал он. — Устал человек, что ему моя армия?»

Миновали Икшу. Дорога сделалась свободней, машина пошла ровней, и Потехин тоже задремал — с открытыми глазами, как научился спать в армии. Смотришь на человека, вроде бы спит, окликнешь — тотчас включается.

«Большой дом строить не буду, — размышлял Сергей в полусне. — Надо, чтобы небольшой, но удобный получился. Чтобы одна комната для мамы — самая большая, самая лучшая, одна для нас с Веркой — подальше от мамы, и одна для парня, надо только, чтобы она мне парня родила, попросить ее родить России пацана. А сбоку веранду пристрою — чай летом пить, грибы сушить, рыбку вялить. А потом цветы насажу, яблони, вишни, малину, собаку умную заведу, зимой буду приваживать краснопузых снегирей. Короче, будет нормальный дом, будет жизнь...»

Очнулся Сергей от удара по тормозам. Его бросило к окну, и он увидел, как с обочины к «секвойе» шагнула блондинка с яркими пухлыми губами. Мгновенно сработал рефлекс, и шевельнулся, словно живой, под мышкой ПМ — кто такая? «Люська», — масляно пропел Картунов, и Сергей сразу расслабился. Блондинка рванула дверцу, в машину влетел холод, молодой смех, аромат сладких духов и что-то особое, неосязаемое, женское, что изменило общую атмосферу.

— Пупсик, змей, наконец-то! Совсем я тут продрогла!... — Чмокнув Картунова в щеку, Люська упала к нему на колени. — Коленька, привет, печка у тебя фурычит? Подтопи по-быстрому. А это что за красавчик? — увидела она Сергея. — Андрюша, это кто?

— Это... — Картунову вдруг захотелось сострить, и, усмехнувшись, он проговорил: — ... это универсальная боевая машина. В прошлом спецназ.

— Ой, ну и машина... — хохотнула Люська. — Хорошенький. Самого охранять надо.

— Хорошенький, Люська, здесь только я один! — возмутился Картунов.

Зря девушка смеется, подумал Потехин, он не виноват, что так ему Акимов внушил, формулировка про телохранителей существует, что они такие универсальные, такие боевые и такие, как машина «тойота», безотказные. И сам он, наверное, такой. А, может, пока еще не такой, черт его знает, что за хитрая работа, он еще толком не разобрался.

Голод все сильнее подгрызал Сергея под ложечкой, подталкивал мысли к пирожкам, но правила, вложенные с детства матерью, сильно ему мешали. «Нельзя есть одному в присутствии другого человека, — учила она. — А если уж очень хочется, сперва предложи другому разделить с тобой твою еду».

— Пирожок с мясом кто хочет пожевать? — спросил Потехин.

— Я — пас, спасибо, — отозвался Картунов, Люська и Николай вообще равнодушно промолчали.

«Черт, подумал Сергей, придется терпеть». Вспомнив акимовские уроки, приказал себе отвлечься от пирожков и сконцентрироваться на чем-нибудь другом, дорогом и важном. Снова стал думать о новом доме, прикидывать, сколько денег понадобится на кирпич, штукатурку, черепицу и вагонку на стены и закопался в своих невеселых подсчетах так глубоко, что на самом деле выпал из происходящего вокруг...

«Секвойя» тем временем мчалась в ночи мимо редких огней, и странные мысли приходили Сергею в голову. Вокруг нас, в темноте этого леса, земли, воды и неба, размышлял он, прямо сейчас происходит какая-то неизвестная, непонятная нам жизнь, но ведь и у нас внутри машины тоже происходит своя жизнь — спрашивается, эти две жизни хоть как-то соотносятся, взаимодействуют друг с другом? И, если да, то как соотносятся, как взаимодействуют? Как космос и земля, как организм и клетка, выскочили в нем скороспелые ответы, которые его, однако, не удовлетворили. Он понял, что его знаний слишком маловато, чтобы отвечать на такие вопросы, необходимо капитально подучиться. «Подучусь, обязательно, какие мои годы. Да и маме я обещал».

И вдруг у Потехина странно екнуло в груди, он явственно почувствовал, что вот-вот должно произойти нечто непредвиденное, опасное, плохое. Почувствовал всеми фибрами души, подкоркой, печенью, затылком. В машине все было по-прежнему спокойно: негромко ласкала слух музыка, Николай профессионально смотрел на дорогу, Люська и Картунов, крепко обнявшись, дремали, но Сергей настолько разволновался, предчувствуя опасность, что даже снял пистолет с предохранителя.

«Секвойя» свернула с большой трассы, перешла на местную дорогу, которая была намного уже, и долго тащилась по ней, пока не въехали в по-

селок зимних дач, и дорога-однопутка не завилась меж угрюмых необитаемых домов. «Хорошо быть бдительным, — подумал Потехин. — Правильно Акимов учил: будешь бдительным, опасность пронесет». Похоже, ее действительно пронесло, и мысли Потехина снова переключились на дом, маму и Веру. «Если первым родится не парень, а девчонка, тоже неплохо, значит, пацан родится у нас вторым, и будет двое детей. Правильно в народе говорят: «Сначала роди няньку, потом Ваньку». Маме-то двое только в радость, а если трое будет, еще лучше. Не то, что я — один у нее был, дышала надо мной, дрожала от каждого моего насморка, чтобы, не дай бог...»

И тут ночная тишина разорвалась, словно сердце, — сразу и навсегда.

Перегороженная бревнами дорога. Выстрелы по лобовому стеклу, вздрагивание испуганной «секвойи», Люськин визг, фонари в глаза. Мелькание фигур в камуфляже — сколько их, четверо, пятеро? Крики: «Без глупостей! На выход! Руки за голову!»

— Коля, Серго! — холодно приказал Картунов и лязгнул затвором «Сайги».

Коля выхватил из-под сиденья «калаш». «Ого!» — отметил про себя Потехин и, распахнув дверцу, кувыркнулся, как учили, через голову. Приземлившись, он выстрелил по камуфляжному силуэту и сразу завалил одного из нападавших. Последовал густой ор из темноты: «Кого бережете, псы? Преступника! Бандита! Мразь!» В ответ заработал Колин «калаш», заухала кортуновская «Сайга»... Вскоре крики стихли. «Так он, блин... Зачем же я тогда?.. — возникло в мозгу у Сергея, но тотчас всплыл перед ним Акимов: «Для тебя он клиент — и все». Больше Потехин ничего в своей жизни не слышал...

...Картунов с фонарем обошел поле боя. Залпом допил коньяк, оставив, впрочем, несколько глотков Люське.

— Тебе не предлагаю, — сказал он Николаю, — тебе еще баранку крутить.

— А с этим что делать? — спросил Николай, кивнув на телохранителя.

— Оружие заberi, остальное сам придумай, — сказал Картунов, сплюнул и закурил. — Сосунок, блин, универсальная боевая машина!

Люська с хмурым видом разглядывала Сергея.

— Красивый мальчик. На брата моего похож, только еще моложе, — сказала, наконец, она, и медленно направилась к машине... □

Алла Зубкова

Молодые

История любви Жорж Санд и Фредерика Шопена считается едва ли не самой романтической из всех известных веку девятнадцатому. Но и сегодня, спустя полтора столетия, не существует однозначного ответа на вопрос, какие чувства связывали этих двух незаурядных людей...

Графиня д'Агу прищурила свои прекрасные зеленые глаза, которые в парижских салонах сравнивали с глазами хищной рыси, глядя на свою собеседницу баронессу, недавно

вернувшуюся в столицу после долгого пребывания в провинции, и спросила:

— Мадам Санд? Значит, наш бедный Шопен обречен? — Она наста-

ДЛЯ МАДАМ

вительно подняла пальчик, словно желая подчеркнуть значимость своих слов. Любовники для нее всего лишь кусочки мела, которыми она пишет на грифельной доске. Закон-

чив, давит мел каблучком, наблюдая, как улетучивается пыль.

— Я вижу, дорогая, вы разделяете мнение большинства, — усмехнулась баронесса. — Разумеется,

*Аврора-Люсиль
Дюпен
(Жорж Санд)*

образ беспомощной пташки, бьющейся в когтях могучей орлицы, очень романтичен. Вопрос в том, соответствует ли эта картина действительному положению дел. Наш Шопен неподражаемо грациозен, когда кашляет, но, извините за невольный каламбур, в этом нерешительном и непостоянном человеке только кашель и есть нечто постоянное. Так что поверьте, дорогая, неизвестно, кто у кого в когтях...

Тридцать с небольшим лет, которые Аврора-Люсиль Дюпен, позднее получившая титул баронессы Дюдеван, но известная всему миру как Жорж Санд, провела до встречи с Фредериком Шопеном, вместили в себя множество событий. Здесь и раннее неудачное замужество, и рождение двоих детей, и блестящая литературная карьера, которую она избрала лишь потому, что нуждалась в деньгах.

Среди предков этой удивительной женщины короли перемешались с монахинями, знаменитые воины и авантюристы с актрисами, маркизантками, а, возможно, и с цыганками. Что и говорить — взрывоопасная смесь. Вероятно, именно ей Жорж Санд и обязана своим потрясающим жизнелюбием, смелостью в поступках и неутомимой жадностью в любви.

Составлять список ее любовников дело недостойное, а, главное, бесполезное. Ведь в течение не-

предлагала ему стать ее любовником, но он отказался, не желая оказаться номером «четырнадцатым» или «пятнадцатым». Впрочем, в подобных делах великий Оноре всегда был склонен фантазировать и преувеличивать. Вот его собрат по перу Проспер Мериме действительно был любовником Жорж Санд. Правда, их связь длилась всего лишь... неделю. Кстати, большинство ее романов с сильными, уверенными в себе мужчинами были столь же быстротечны. Напротив, хрупкие,

ридцать с небольшим лет, которые Аврора Дюпен, позднее получившая титул баронессы Дюдеван, но известная всему миру как Жорж Санд, провела до встречи с Фредериком Шопеном, вместили в себя множество событий. Здесь и раннее неудачное замужество, и рождение двоих детей, и блестящая литературная карьера, которую она избрала лишь потому, что очень нуждалась в деньгах...

скольких десятилетий молва приписывала ей практически всех сколько-нибудь известных литераторов, художников и политиков. Сама же Санд отличалась большой скрытностью во всем, что касалось ее интимной жизни, и потому имена мужчин, пользовавшихся ее благосклонностью, за исключением героев совсем уж «хрестоматийных» связей, остаются неизвестными. Бальзак утверждал, что Санд якобы сама

женственные, нерешительные и болезненные создания, возбуждавшие в ней материнские чувства, надолго привязывали ее к себе. Таковы были отношения Жорж с Жюлем Сандо, Альфредом де Мюссе и, наконец, с Фредериком Шопеном.

Шопен... Уже начавший завоевывать европейскую известность двадцатилетний польский музыкант появился в Париже в 1836 году и сразу же стал желанным

гостем самых аристократических парижских салонов. Экзальтированные светские дамы бурно восхищались изысканными полонезами, мазурками и вальсами молодого гения. Внешняя привлекательность и обаяние Шопена в немалой степени способствовали росту его популярности. Не высокий, хрупкого телосложения, он отличался грацией и изяществом движений. Пепельно-русые волосы обрамляли одухотворенное лицо, на котором сияли выразительные карие глаза. Тонкий, с легкой горбинкой, нос придавал Фредерику вид несколько надменный и отчужденный. Одевался он всегда с большим вкусом, предпочитая жемчужно-серые цвета. Не располагая сколько-нибудь

принадлежал к аристократии, но всегда преклонялся перед людьми с титулами. Он не любил большие аудитории, предпочитая музицировать в салонах знати для избранных. Насмешники утверждали, что, чем титул слушателей был выше, тем лучше играл Фредерик.

Интересная бледность молодого поляка и легкий налет печали и меланхолии, отличавшие все его поведение, убеждали парижских дам в том, что он недавно пережил некую любовную драму. Это было тем более очевидно, что в своих отношениях с великосветскими поклонницами его таланта Фредерик никогда не выходил за рамки вежливого платонического восхищения их красотой.

Уже начавший завоевывать европейскую известность 26-летний польский музыкант появился в Париже в 1836 году и сразу стал желанным гостем самых аристократических парижских салонов. Экзальтированные светские дамы бурно восхищались изысканными полонезами, мазурками и вальсами молодого гения. В немалой степени его растущей популярности способствовали внешняя привлекательность и обаяние

значительными средствами, он, тем не менее, постоянно держал для своих надобностей наемную карету, не говоря уже о лакее, который заботился о его белье и завивал ему волосы.

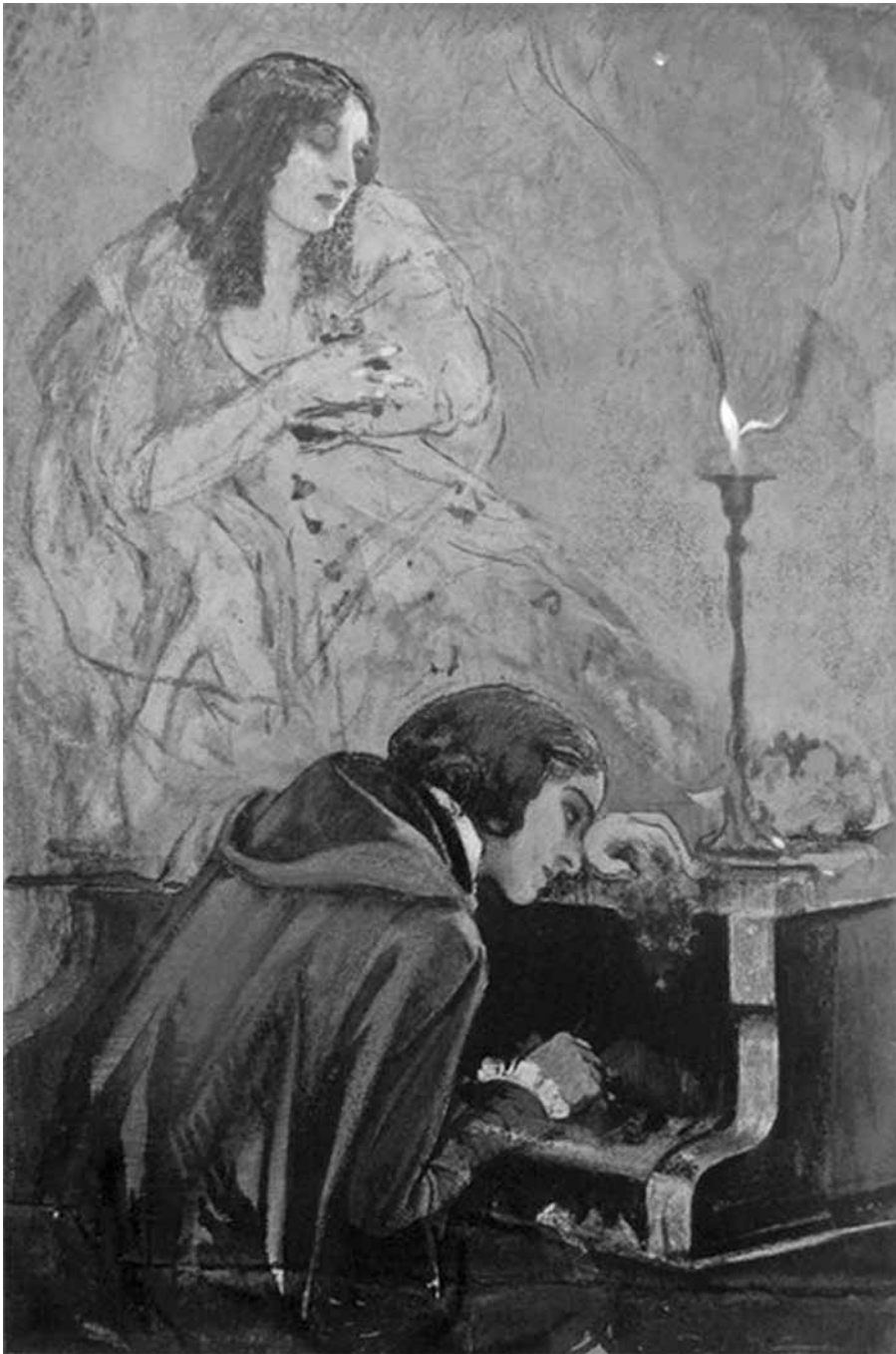
Сын матери-польки и отца-француза, Шопен по праву рождения не

Что ж, стоит отдать должное пронзительности парижанок. Шопен действительно оплакивал неудачную любовь. В течение последних лет его сердцем владела юная польская аристократка Мария Водзинская, которой он давал уроки музыки. Между

ними ничего не было, кроме робких пожатий руки и часов, совместно проведенных за фортепиано, когда он импровизировал, стремясь выразить чувства, не имея смелости облечь их в слова. Фредерик посвятил ей очаровательный вальс. Он считал

себя обрученным с Марией после одной из прогулок по вечернему дрезденскому парку, когда, наконец, решился признаться ей в любви. В ответ он тоже получил робкое признание. Однако отец Марии граф Водзинский, владевший крупным

имением в Польше, вовсе не соби-
рался отдавать дочь бедному музы-
канту, к тому же имевшему еще и
серьезные проблемы со здоровьем.
(Сестра Шопена умерла от чахотки,
но сам он считал, что его постоян-
ный кашель вызван частыми про-
студами и бронхитами). Марии и в
голову не пришло противиться воле

отца. Тем не менее, желая поща-
дить гордость молодого человека,
родители, особенно мать девушки,
не объявляли отказ окончатель-
ным. По большому счету, это лишь
усиливало агонию Шопена, кото-
рый продолжал на что-то надеять-
ся. Лишь летом 1837 года он полу-
чил письмо от графа, в котором

окончательно ставились все точки над «i».

Жорж Санд Шопен был впервые представлен зимой 1836 года. Впечатление, которое она произвела на него, благоприятным назвать трудно. Санд никогда не была красавицей — вытянутое лицо, с высокими скулами и большим лбом, задумчивые, даже несколько сонные карие глаза — все это, разумеется, не отвечало канонам классической красоты. Странная же одежда — мужской редингот и галстук, сапожки на высоких каблуках и неизменная сигара, придавали ей, по мнению Шопена, вид немного даже агрессивный.

Он, конечно, ошибался. Ничего угрожающего в манерах Жорж, своим необычным нарядом напоминавшей миниатюрного пажа, не было. Но слишком уж отличалась она от мягкой и нерешительной Водзинской, которую так целомудренно любил музыкант. После их встречи Фредерик заметил: «Какая несимпатичная женщина эта Санд. Она действительно женщина? Я готов в этом усомниться». Жорж пришлось потратить немало усилий, чтобы развеять эти сомнения неопытного музыканта, которого она твердо решила завоевать. Усилий и времени, ибо форсировать события в данном случае было неразумно и опасно. Шопен был пуглив как молодой олень. Любая лобовая атака немедленно заставляла его спасаться бегством. С перерывами эта борьба длилась более полутора лет и закончилась

полной победой Жорж. «Она проникновенно смотрела мне в глаза, пока я играл, — писал он в своем дневнике, — и ее ласкающие взоры отуманили меня. Она меня любит... Аврора, какое очаровательное имя!» (Кстати, Фредерик, единственный из всех любовников Санд всегда называл ее настоящим именем — Аврора.) Жорж обожала своего возлюбленного, преклонялась перед его гением, а он нашел в ней великодушные и силу, которой ему часто не хватало, и сердце его целиком было отдано новой возлюбленной.

Идиллическое настроение Жорж нарушало лишь одно — Фредерик медлил сделать последний шаг. Она всегда считала, что, если мужчина и женщина хотят быть вместе, они не должны оскорблять природу, отступая перед кульминацией любви, и слова Шопена о том, что «некоторые действия могут испортить воспоминания», оскорбляли и обижали ее, Санд не терпела ханжеского презрения к плоти. К счастью, Фредерик благополучно преодолел его с помощью опытной подруги.

Влюбленные были безмятежно счастливы. Впрочем, одно облачко на горизонте все-таки маячило. Последний любовник Санд, репетитор ее сына, Фелисьен Мальфиль, тяжело переживал свою отставку. Это не только огорчало, но и пугало Жорж. Страстный и ревнивый, как все креолы, Мальфиль вздумал каждый день дежурить напротив квартиры Шопена, поджидая Санд. Однажды,

увидев ее выходящей из дома любовника, он с пистолетом в кармане ринулся ей навстречу. Но тут огромная неуклюжая карета преградила ему путь, и перепуганная Санд, подобрав юбки (в тот день она не надевала мужской костюм), успела добежать до угла и прыгнуть в наемный экипаж.

Не желая вновь подвергать себя и своего возлюбленного опасности, она решила на время покинуть Париж. Это было, тем более кстати, что ее сын Морис после болезни нуждался в отдыхе в теплых краях, да и кашель Шопена вызывал тревогу. По совету друзей они уехали на Майорку.

Пальма, главный город острова, встретил их в ноябре ярким солнцем, лазурным морем и благоуханием апельсиновых и лимонных садов. Поначалу они вообразили, что попали в рай. Впрочем, это впечатление скоро рассеялось — с них содрали чудовищную плату за две скромные меблированные комнаты, в которых только и были складные кровати, жесткие соломенные матрацы да несколько стульев, к тому же все было буквально пропитано запахом прогорклого оливкового масла и чеснока. Утонченный избалованный Шопен страдал невыносимо.

Жорж нашла другой, более просторный домик. И первые дни любовь помогла сделать приятными. Прекрасные вечера на террасе, поцелуи под гранатовыми деревьями и магнолиями... Но вскоре начался

сезон дождей. С небес низвергались потоки воды, а крыша домика напоминала сито. Все вещи отсырели, а согреться можно было лишь с помощью маленьких жаровен, которые топились древесным углем. Их чад вызывал у бедного Шопена приступы мучительного кашля. Он чувствовал себя настолько плохо, что пришлось вызвать сразу трех докторов. После осмотра и краткого консилиума эскулапы поставили неутешительный диагноз — чахотка. С быстротой молнии распространился слух о том, что болезнь парижанина заразна, это, в общем-то, было сущей правдой, и от Шопена стали шарахаться на улице. Владелец дома потребовал, чтобы жильцы немедленно покинули квартиру, пока «зараза не въелась в стены дома, сделав его непригодным для жилья». При этом они обязаны заплатить за побелку стен и даже за постельное белье, которым пользовались. По испанским законам о заразных больных оно должно было быть сожжено.

Кто-то подсказал Жорж, что можно поселиться в заброшенном монастыре, так называемой Вальдемоской обители. Мрачные кельи не улучшили настроения Шопена. Помимо всего прочего, он очень нервничал по поводу своего пианино, которое застряло в местной таможне. Лишь благодаря героическим усилиям Санд инструмент удалось, наконец, получить, и Жорж лично руководила целым взводом солдат, с невероятным трудом тащившим

тяжеленное пианино на отвесную скалу, где высился монастырь.

Жорж вообще проявляла во время пребывания на Майорке чудеса самоотверженности. Она нежно и терпеливо ухаживала за Шопеном. Привередливый Фредерик не выносил местной кухни, и ей пришлось самой готовить ему обеды, а также закупать провизию, торгуясь с лавочниками, старавшимися содрать с приезжих побольше. Кроме того, она подтягивала детей по школьным предметам, а вечерами, браня

цузская семья. Забегая вперед, скажем, что ее потомки затем в течение целых ста лет считали эту вещь своей главной гордостью и ценностью. Сейчас пианино Шопена находится в Вальдемоской обители, превращенной в музей, и является основной приманкой для приезжающих туристов.

Путешествие из Пальма в Барселону Жорж с детьми и Шопен совершили на судне, где кроме них «пассажирами» было около сотни... свиней. Животным был создан большой ком-

Они были очень разные, Жорж и Фредерик. Она — свободная и независимая в своих взглядах и высказываниях, он — консерватор и достаточно ограниченный человек во всем, что не касалось музыки. Жорж часто подтрунивала и над его консерватизмом в одежде. Зато ему удалось добиться от нее серьезной уступки — она перестала носить мужской костюм

скверные местные чернила, писала очередной роман — ведь семье нужны были деньги. Так прошло несколько месяцев. Когда, наконец, Шопену стало лучше, они начали готовиться к отъезду. Опять возникли проблемы с инструментом. Везти его домой было безумно дорого, а в Пальма никто не хотел покупать пианино, клавиш которого касались пальцы чахоточного. В конце концов, инструмент за весьма скромную сумму приобрела одна фран-

форт, чем бедному Фредерику, которому капитан выделил самую старую и скверную койку — ведь после использования ее надлежало сжечь. Подобное отношение к любимому человеку вызвало негодование Санд, всячески убеждавшей себя в том, что причиной постоянного кашля Фредерика являются бронхиты и катары. По приезде во Францию Жорж повезла «своих троих детей», теперь она включала в их число и Шопена, в свое поместье в Ноан. Нежный

заботливый уход и чудный воздух Ноана сделали свое дело — Шопен чувствовал себя теперь гораздо лучше.

Фредерик любил Ноан. В последующие годы они каждое лето приезжали сюда, и ему здесь очень хорошо работалось. Однако сельские радости и развлечения были чужды Шопену. Жорж так ни разу и не удалось заставить его искупаться в реке. Не любил он и пешие прогулки по полям, лишь изредка поддаваясь на уговоры Жорж и ее детей, Мориса и Соланж, сопровождать их в близлежащий лес. Впереди по тропинке со смехом бежали дети. Иногда Жорж бегала с ними наперегонки. Процессию замыкал Шопен верхом на ослике и... в белых перчатках.

Правда, большую часть года Санд и Шопен должны были проводить в Париже. Ей необходимо было постоянно общаться со своими издателями, а Шопен зарабатывал преимущественно уроками фортепиано светским барышням, так как его гениальная музыка была слишком новаторской, и нотные издатели не платили ему тех денег, которые его произведения, безусловно, заслуживали. Подсчитано, что за всю свою, в общем-то, очень короткую жизнь он заработал в общей сложности не более 25 тысяч франков. Для примера скажем, что Жорж лишь за год зарабатывала около 20 тысяч. Тем не менее, Шопен очень серьезно относился к своей педагогической деятельно-

сти, к тому же гордость не позволяла ему жить на средства возлюбленной.

Санд с детьми поселилась на улице Пигаль, 16, где занимала два павильона, отделенных от улицы большим и красивым садом, а Шопен поначалу устроился поблизости на улице Тронше. Но так как он постоянно нуждался в уходе и моральной поддержке, а их связь была уже секретом Полишинеля для всего Парижа, Фредерик переехал к Жорж.

Жизнь на улице Пигаль протекала спокойно, в трудах и приятных отдохновениях. Утром и днем Шопен давал уроки своим великосветским ученицам. Он был мил с ними и в то же время отличался взыскательностью. К примеру, если исполнение какой-то вещи ему не нравилось, он вполне мог сказать: «И это, по-вашему, музыка? А я думал, что где-то лаяла собака». Иногда Фредерик выезжал на дом к ученицам. В этом случае Жорж настаивала, чтобы за ним присылали карету и на ней же привозили домой. Кроме того, опять же по настоянию Жорж, цена за урок повышалась с двадцати до тридцати франков. По тем временам это были немалые деньги.

Шопен высоко ценил музыкальный вкус своей любимой, и, исполняя перед ней свои новые произведения, внимательно прислушивался к ее замечаниям. Со своей стороны, он тоже помогал Жорж советами. Когда она работала над романом «Консуэло», главная героиня кото-

рого была певицей, именно Фредерик был ее музыкальным «консультантом». Кстати, прообразом героини этого романа была близкая приятельница Жорж и Фредерика Полина Виардо, впоследствии подруга И.С. Тургенева.

Дом Жорж и Фредерика (через три года они переехали в более фе-

шенебельный район) словно магнитом притягивал многих выдающихся людей того времени. Частыми гостями здесь были Бальзак, Гейне, Делакура, Лист. По вечерам в салоне Жорж виртуозной игрой Фредерика восхищались самые блестящие дамы парижского света. Они приносили роскошные букеты и собст-

венноручно расшитые ими изящные пуфики. Именно им, княгине Вюртемберг, графиням Эстергази и Потоцкой, баронессе Ротшильд польщенный Шопен посвящал свои произведения. Жорж Санд ни одной вещи он так и не посвятил. Возможно, здесь сказывалась его болезненная застенчивость и нежелание афишировать свою связь с известной писательницей. Впрочем, кто знает? Жорж, во всяком случае, на него за это не обижалась.

Когда в гостиной собирались лишь самые близкие друзья, Шопен иногда позволял себе подурчиться.

нием «Собачий вальс». Любопытно, что этот вальс, идею создания которого подала ему Жорж, Шопен посвятил... графине Потоцкой.

Они были очень разные, Жорж и Фредерик. Она — свободная и независимая в своих взглядах и высказываниях, он — консерватор и достаточно ограниченный человек во всем, что не касалось музыки. Жорж со смехом вспоминала, как был шокирован Фредерик, когда узнал, что она не верит в существование ада. Подтрунивала она и над его консерватизмом в одежде. В этом смысле, однако, ему удалось добиться от

Ж

х последняя случайная встреча состоялась в начале марта 1848 года в дверях дома одной общей знакомой. Они вежливо поздоровались. Жорж хотела задержать Шопена и хотя бы немного побеседовать с ним, но он почти вырвал у нее свою холодную дрожущую руку и сбежал...

Он обладал изумительной способностью подражать голосам разных людей и часто до слез смешил Жорж. Однажды они с улыбкой наблюдали, как маленькая собачка Жорж крутилась по комнате, стараясь поймать собственный хвост. «Если бы у меня был ваш талант, я бы положила на музыку движения этого песика», — заметила Жорж. Фредерик тут же наиграл вальс, который теперь известен едва ли не каждому под назва-

нее серьезной уступки — Жорж перестала носить мужской костюм.

Но все это, так сказать, фасад, внешняя сторона. А что внутри?

Большинство общих знакомых считали слабого Шопена «жертвой» сильной целеустремленной Жорж. В воспоминаниях некоторых современников Шопен предстает едва ли не пресмыкающимся перед Санд. Один русский пианист с большим неодобрением писал о том, как Санд

при нем, вытащив из кармана передника огромную сигару, повелительно крикнула: «Фредерик, огня!» — и маэстро со всех ног бросился к ней с зажженной спичкой. Казалось бы, ясная ситуация. Однако не все лежало так близко к поверхности. Польский поэт Адам Мицкевич, человек на редкость наблюдательный и проницательный, утверждал, что Шопен по отношению к Жорж выступает в роли «морального вампира», что он мучает ее и, возможно, в конце концов, сведет в могилу. Помилуйте, это он о мягком деликатнейшем Шопене?! А что, разве впервые более слабый из двоих использует свою слабость, чтобы стать тираном?

Девять лет Жорж самоотверженно ухаживала за Шопеном. Задача не из легких. Шопен относился к числу «трудных» пациентов. Он нуждался в тщательном уходе, но устраивал сцены, когда забота становилась слишком явной. В еще большей степени не выносил он пренебрежения к своим нуждам. Когда Фредерик бывал чем-то раздражен, то мог дуться часами, даже целыми днями. Порой он проявлял чисто детское упрямство и обидчивость, но мог быть также резким, язвительным и даже грубым.

Жорж научилась не только терпеть его выходки, но и достаточно быстро гасить их. Вообще Санд с самого начала относилась к Шопену скорее как мать, нежели любовница. Уже вскоре после их возвращения с Майорки ей пришлось сделать кое-какие выводы. Она поняла,

что Шопен не создан для пылких любовных утех. Ни его темперамент, ни слабое здоровье не позволяли ему особо увлекаться чувственными удовольствиями, и постепенно страсть, которую она испытывала к нему, трансформировалась в чувство спокойной и нежной привязанности и опеки. Вот что писала она другу Шопена графу Гржимале в 1847 году: «Вот уже семь лет я живу как девственница с ним и с другими. Я состарилась раньше времени. Все это произошло безо всяких усилий или жертв с моей стороны. Я устала от страстей и разочарований. Многие считают, что я истощила его необузданностью своих чувств. Но вы знаете правду. Он обвиняет меня в том, что я убиваю его отказами, тогда как я уверена, что убила бы его, поступая иначе».

Несмотря на это, Шопен был страшно ревнив. Он подозревал и обвинял Жорж в том, что она изменяет ему со своими многочисленными друзьями. А так как ничего доказать не мог, поскольку ничего и не было, то порой устраивал ей сцены, во время которых в истерике рвал собственные манжеты и носовые платки.

С самого начала их связи между Жорж и Шопеном был заключен негласный договор — Фредерик не вмешивается в ее отношения с детьми. У него были превосходные отношения с Морисом и Соланж. Однако постепенно, в простоте душевной, он возомнил себя главой семейства,

который имеет право диктовать свою волю другим его членам. Становится между собой и детьми Жорж не позволяла никому — Шопен вступал на опасный путь. Морис и Соланж были уже взрослыми людьми. Отношение Мориса к Шопену со временем резко изменилось. Во-первых, он ревновал мать к музыканту, во-вторых, не мог понять, почему этот, в общем-то, чужой человек присвоил себе право учить

жизни его, двадцатитрехлетнего мужчину. Однажды во время особенно бурной ссоры молодой человек вспылил и заявил, что покидает родительский дом. Жорж вмешалась, выступив на стороне сына. Шопен чувствовал себя обиженным и глубоко уязвленным. В тот раз кризис удалось преодолеть, однако год спустя последствия очередного вмешательства Фредерика в семейные дела Жорж оказались куда бо-

лее серьезными. На этот раз дело касалось Соланж. Отношения между Шопеном и Соланж носили особый характер. Идеалом Фредерика всегда были женщины, которые нуждались в защите и покровительстве. Жорж в эту категорию явно не входила. Напротив, она сама служила Шопену щитом, прикрывавшим его от житейских бурь. А вот Соланж с детства научилась использовать Фредерика, апеллируя к его рыцарским чувствам. К сожалению, Фредерик плохо разбирался в людях. Соланж ненавидела мать и брата и делала все, чтобы рассорить Шопена с ними. Он же, считая себя обиженной стороной, доверчиво внимал наветам Соланж, уверявшей музыканта в том, что Жорж изменяет ему с другими мужчинами. Свои ссоры с матерью Соланж преподносила Шопену в исключительно выгодном для себя свете. Так что если в семейных распрях Жорж принимала сторону сына, то Шопен всегда поддерживал Соланж.

По сути, роман между Жорж и Фредериком уже давно закончился, вот только действующие лица еще не знали об этом. Их отношения исчерпали себя. Завершилось все без излишнего нагнетания страстей, без надрыва. Шопен просто перестал отвечать на письма Санд. Последнее послание Жорж гласило: *«Прощайте, мой друг! Скорее поправляйтесь от всех ваших недугов. У меня есть все основания полагать, что так оно и будет. В этом случае я мо-*

гу только благодарить Бога за такую странную развязку дружбы, которая в течение девяти лет поглощала нас обоих без остатка».

Их последняя случайная встреча состоялась в начале марта 1848 года в дверях дома одной их общей знакомой. Они вежливо поздоровались. Шопен поинтересовался, давно ли Жорж не получала писем от дочери, и сообщил, что Соланж накануне родила дочку. Жорж хотела задержать его и хотя бы немного побеседовать, но он почти вырвал у нее свою холодную дрожащую руку и скрылся...

Шопен скончался 17 октября 1849 года. За два дня до смерти один из друзей, наклонившись над его изголовьем, услышал, как Фредерик прошептал: *«Она говорила, что я должен умереть только в ее объятиях».*

Жорж так никто и не сообщил о последней болезни и смерти ее бывшего возлюбленного. В спальне Шопена, буквально заваленной цветами, не было букета от нее. Впрочем, она не роптала: *«Те, кто скрывали от него, что я готова была на крыльях лететь к нему, были правы. Я не простила бы себе, если б волнение от нашей встречи укоротило его жизнь на день, или даже на час».*

Ей суждено было пережить Шопена на двадцать семь лет. Забыла ли она его? Вряд ли. Ведь это ей принадлежат слова: *«Жизнь — это глубокая рана, которая редко затягивается и никогда не заживает».* □

В твои губы, чтоб порадовался ты,
Жизнь прошедшую насвистывая после
Дивным птицам, прикорнувшем у воды.
Белый лебедь над землей расправит крылья,
Позовет тебя озябшего домой.
Двери — настезь...
И калитка приоткрыта...
И услышишь, как шепчу я: «Милый мой!
Милый мой, сентябрь — как в винных пятнах скатерть...
Может, хватит в синем небе пропадать?..»
И не грусть, а комом облако накатит,
И не надо будет больше умирать.
Мы как прежде будем вслушиваться в шелест
Изумрудно-фиолетовых дождей,
И смотреть, как, выгибая важно шею,
Кружит в небе пара белых лебедей.
Поднесу к губам ладонь твою
И — Боже! —
Закружусь над синим озером твоим,
Чтобы каждый, кто завидовал нам, ожил,
Ну, хотя бы как туман или как дым.

Судимся с судьбою...
Только по старинке
Шелестят листвою
Памяти тропинки.
Это время бродит,
Канувшее в Лету.
К нам во сне приходят
Гости с Того света.
В чередѣ событий
Вспомнятся потери —
Точно фильм забытый
Снова посмотрели... □

Ирина Опимах

Илья РЕПИН

*И. Репин.
Автопортрет*

Илья Репин — признанный мастер портрета. За свою долгую жизнь в искусстве он запечатлел на холсте множество современников — великих и не очень. Но эта его работа выделяется из всех. В ней соединились два великих таланта, музыкальный и живописный, и в результате родился образ невероятный по силе воздействия, трагической мощи, а кроме того, по значимости в истории всей русской культуры. Это — единственный прижизненный портрет великого русского композитора Модеста Мусоргского.

Они познакомились еще в начале 1870-х годов. И подружился — у них было много общего. Оба хотели правды в жизни и в искусстве, и каждый выражал эту правду по-своему — Мусоргский в музыке, Репин — на холсте. И тот, и другой не подчинялись общепринятым нормам в искусстве, оба мечтали совершить нечто грандиозное, и им это удавалось, только вот не

всегда они находили понимание у публики...

Впервые они встретились в доме Владимира Васильевича Стасова. Мусоргский, тогда еще юный гвардейский офицер, (позже он оставил службу в Преображенском полку ради занятий музыкой), живой, остроумный, элегантный, бывал у этого выдающегося музыкального и художественного критика почти каждый

Портрет

М.П. Мусоргского

И. Репин. Портрет композитора Модеста Петровича Мусоргского

вечер и с удовольствием играл на рояле свои новые сочинения. А порой просто импровизировал, и как же были хороши эти его свободные полеты в мир гармонии! Стасов обожал молодого музыканта — он слышал в его музыке то, что еще не понимали другие, слышал в ней мощь и энергию истинного, большого таланта.

Однако таких, как Стасов, было немного, и чаще всего Мусоргского жестко и жестоко ругали — как раз за то, что было в его творениях свежего и оригинального. Так, в феврале 1871 года репертуарный комитет Императорских театров забраковал оперу «Борис Годунов». Отклонили оперу, которая совсем скоро была признана главной русской оперой, оперу, прославившую Шаляпина и ставшую жемчужиной «Русских сезонов» Дягилева! Как говорил один из членов комитета Э. Направник, причиной отказа стало отсутствие в опере «женского элемента». Публика услышала «Бориса Годунова» лишь через четыре года — оперу все-таки поставили на сцене столичного Мариинского театра, причем композитору пришлось внести и в драматургию, и в партитуру большие изменения. В последующие десять лет «Бориса» давали в Мариинском театре всего 15 раз, а затем и вовсе сняли с репертуара. В московском Большом театре «Борис Годунов» был поставлен впервые в 1888 году, уже после смерти композитора. Впоследствии оперу играли и пели в редакции Римского-Корса-

кова, который объяснял необходимость редакции плохим качеством авторского текста! (В наше время «Бориса Годунова» ставят во всем мире, причем в авторской редакции, а тогда даже Римский-Корсаков не все понимал в музыке Мусоргского, столь новаторской она была и по духу, и по форме).

В 1872 году Мусоргский начал работу над «Хованщиной» (ее идею подал ему все тот же Стасов). Одновременно он сочинял комическую оперу на гоголевские сюжеты «Сорочинской ярмарки». И все это любители музыки смогли услышать уже после смерти Мусоргского — при жизни его музыку никто не хотел исполнять. Он очень переживал свои неудачи, непонимание близких друзей-музыкантов, даже собратьев по «Могучей кучке». Ну а чтобы забыть и хоть как-то утешиться, у русских людей всегда было одно хорошее средство — водка. И Мусоргский пил. Стоило Стасову куда-нибудь уехать, Модест Петрович тут же шел в кабаки и быстро превращался из веселого щеголя в опустившегося на самое дно пьянчугу-оборванца. Все эти загулы не проходили даром...

Тогда, в начале 1870-х, опекал Стасов и молодого Репина, заканчивавшего Академию художеств. Уже были написаны «Бурлаки», и Стасов знал: Репин — восходящая звезда русской живописи. «Со смелостью у нас беспримерною, Репин окунулся во всю глубину народной жизни, народных интересов, народной ще-

«Запорожцы пишут письмо турецкому султану»

мящей действительности», — писал он. «Бурлаки» имели успех и в Европе, особенно на Венской всемирной выставке 1873 года. А потом Репин, как пенсионер Академии художеств, уехал в Париж на три года. Он очень скучал там по своим друзьям, писал письма и Стасову, и Мусоргскому, Мусорянину, как композитора нежно называли приятели. И не раз признавался, как не хватает ему музыки, и, в первую очередь, музыки Мусоргского — «экстракта всей русской музыки». А в другом письме он говорил, как ему хочется слушать сочинения Мусоргского, как он «хочет облопаться этой музыкой!»

И вот зимой 1881 года Репин, тогда живший в Москве, прочел в газетах, что Мусоргский тяжело, смертельно болен и лежит, как бывший

военный, в петербургском Николаевском военном госпитале. А ведь совсем недавно, 4 февраля, Мусоргский выступал в Петербурге на вечере памяти Ф.М. Достоевского: на сцену вынесли окаймленный траурным полотном портрет писателя, и Мусоргский сел за рояль, а дальше было нечто невероятное: он играл похоронный колокольный звон. Эта импровизация потрясла до глубины души всех, кто тогда присутствовал на том вечере. Мусоргский играл реквием и по умершему писателю, и по себе самому, словно предрекая и предчувствуя свой близкий уход. Это было, как образно сказал один из очевидцев профессор В.Г. Дружинин, его «последним «прости» не только усопшему певцу «униженных и оскорбленных», но и всем

Справа:
*«Крестный
ход в Курской
губернии»*

*«Царевна
Софья в Ново-
девичьем
монастыре»*

живым». И вот теперь он с приступом «белой горячки» попал в Николаевский госпиталь.

«Болезнь» Мусоргского, его страшные запои уже давно беспокоили друзей композитора. Еще в середине 1870-х годов Репин говорил Стасову: «Как жаль, что Мусоргский болен. Как жаль, что он так глупо распорядился своим талантом и своим могучим

телом». Репортеры столичных газет писали, что на этот раз дело очень серьезно, у Мусоргского «белая горячка», он при смерти. Репин тут же собрался, бросив начатых «Запорожцев», и поехал в столицу, полный решимости написать портрет друга, пока тот еще жив.

Мусоргский был в это время очень беден, и на большой комфорт

в больнице рассчитывать не мог. Но друзья позаботились, чтобы ему отвели хоть и весьма скромную, но все-таки отдельную палату и наняли сиделку. Лежал он в отделении для душевнобольных. Говорили, что умирает от алкоголизма, однако, как писал один из его современников, скорее всего, композитор погибал «под бременем превышающих человеческие возможности свершений, на которые обрекла его гениальность, и от нищеты», на которую его обрекло непонимание современников.

Мусоргский уходил. Это знали опытные врачи госпиталя, знали медицинские сестры. Ему давали лекарства, делали уколы, но все понимали — не жилец. Понял это сразу и Репин, войдя в палату и увидев печать смерти на лице друга. И только сам Мусоргский, по-видимому, этого не понимал — он хотел жить, еще

столько музыки надо написать! И он еще так молод — всего 42 года! Ему уже бывало плохо, но ведь пронесло, пронесет и в этой раз, наверное, думал он в ожидании своего очередного дня рождения. А тут еще приехал друг, и будет писать его портрет. Жизнь продолжается! Мальвина Рафаиловна Кюи, жена друга по «Могучей кучке», привезла Мусорянину роскошный красный халат с отворотами, под него он надел вышитую косоворотку — во всем этом Репин и будет его писать. Мольберта не было, а потому Репин, пристроив холст к тумбочке, открыл этюдник и начал работать, подгоняемый страшными предчувствиями. Они не разговаривали — у Мусоргского не было сил, он уже был почти парализован, тяжело дышал, а Репин был так сосредоточен, что тоже предпочитал молчать. Он создавал одну из лучших

*«Мужичок
из робких»*

своих картин. В ней — сострадание и любовь, в ней мастерство невероятной силы, когда уже не видишь красок и живописных приемов, на холсте есть только человек — яркий, талантливый, знающий и понимающий о нас, людях, все, а теперь уходящий в другие миры...

Сеансы продолжались четыре дня, а на пятый состоянии Мусоргского резко ухудшилось. Больше Репин не видел друга живым. 16 марта, в день его рождения, композитора

не стало. На маленьком столике у койки лежали ноты его последних сочинений, новых произведений Балакирева, а еще книга Гектора Берлиоза «Об инструментовке». Его последние мысли были о музыке...

Портрет было решено показать на Девятой передвижной выставке в Санкт-Петербурге, открывшейся 1 марта в Юсуповском дворце. Стасов прямо с панихиды примчался на выставку — торопил, чтобы нашли подходящую раму. А потом бы-

*«Садко
в подводном
царстве»*

ло решено поставить картину на мольберт и просто задрапировать черным холстом. Картина произвела на публику ошеломляющее впечатление. Великий композитор, автор грандиозных музыкальных полотен «Хованщины» и «Бориса Годунова», которого только что отпели и похоронили, предстал перед зрителями как живой — со всеми его страстями, мыслями, дерзновенными прозрениями и гениальной музыкой. Крамской, увидев портрет, сел на

стул, придвинулся поближе и замер, потрясенный. *«Что это нынче Репин делает! Просто непостижимо! — воскликнул он. — Неслыханные приемы Рембрандта и Веласкеса вместе. Написан быстро, огненно. Глаза глядят, как живые, они задумались. Тело, щеки, лоб, нос, рот — живые. Совсем живое лицо, да еще все в цвету, все в солнце, ни одной тени. Такое создание».*

А затем Стасов написал статью об этом портрете. Она была столь

восторженная, что это даже смутило Репина. «Мне сказали, что после вашей статьи на выставке было две с половиной тысячи народу. Это невероятно! И все искали какой-то совершенно необыкновенный, грандиозный портрет Мусоргского, проходя мимо этого маленького холста и сбивая его просто на пол... Вы меня смущаете этой статьей. Вы пишете, так безудержно восхваляя этот портрет, но не замечаете на выставке истинного шедевра, вы проходите почему-то своим вниманием мимо "Стрельцов" Сурикова».

Узнав из письма Стасова, что портрет получился великолепный, Третьяков тут же заявил, что покупает картину для своей галереи, и переслал Репину 400 рублей. Но Репин их не взял, а передал их Стасову: «Верните эти деньги! Эти деньги не мои. Я писал этот портрет не для денег, не по заказу. Я писал этот портрет для себя, развлекаясь разговором с любимым другом». Потом тема возврата денег не раз возникает в переписке Стасова, Репина и Третьякова. Репин вернул деньги, но при этом отдал портрет в галерею Третьякова, полагая, что она — вполне естественное место для портрета великого русского композитора. Он отдал свою картину совершенно безвозмездно. Репин, который зарабатывал на жизнь живописью, который уже тогда был очень недешевым художником, брал за свои работы тысячи рублей и, не стыдясь, торговался с тем же Третьяковым, не взял ни копейки за портрет друга, считая его создание своим долгом. Вот та-

кие это были люди, и такие это были отношения. Он писал Стасову: «Как я могу торговать этим портретом? Как я могу какую-то выгоду извлекать? Для меня это немыслимо! И возьмите эти деньги! Они не мои. Мне даже странно, что они находятся в моих руках». И спрашивал у него: «Получили ли Вы 400 р., которые не хотели взять тогда на нужды нашего милого друга Модестиуса покойного? Я не мог их держать даже у себя; так они меня тяготили!.. Неужели же я стану торговать или эксплуатировать как-нибудь изображением такого человека!»

Репин отдал эти деньги на сооружение памятника композитору, и в 1886 году в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге он был установлен на могиле Мусоргского, с выгравированным репинским портретом Модеста Петровича (Репин сам гравировал его в мастерской знаменитого гравера В.В. Матэ, пользуясь его инструментами и указаниями.)

У Репина впереди еще была долгая жизнь, годы напряженного творчества. Ему предстояло пережить Первую мировую войну, революцию... Многие люди и многие события забывались, но Мусоргский всегда оставался в его памяти. После 1917 года репинское имение «Пенаты» оказалось за границами России. Репин мечтал вернуться на родину, и его очень звали, однако поначалу он боялся переезжать в большевистскую Россию, а потом уже и сил на переезд не стало — с годами его здоровье не улучшалось. Одна-

*«Гопак»
Картина, посвященная Мусоргскому*

ко, несмотря ни на что, он продолжал работать.

В 1928 году художник задумал написать новую картину. И она должна была быть посвящена его другу, великому композитору Модесту Мусоргскому. *«Прежде всего, я не бросил искусства, — писал в «Пенатах», в Куоккале, 84-летний Репин. — Все мои последние мысли о нем, и я признаюсь: работал все, как мог, над своими полотнами. ...Вот и теперь уже, кажется, полгода я работаю (довольно секретничать) над картиной «Гопак», посвященной памяти Модеста Петровича Мусоргского. Такая*

досада — не удастся кончить...» Но он все-таки сумел ее закончить. (Картина сегодня хранится в частном собрании).

Великий русский художник Илья Ефимович Репин скончался 29 августа 1930 года, оставив потомкам поистине великие полотна. Это и «Бурлаки на Волге», и «Крестный ход в Курской губернии», и «Царевна Софья», и «Иван Грозный...», и многие другие, и среди них — портрет его незабвенного друга Мусоргянина, гениального русского композитора Модеста Петровича Мусоргского. □

О.П. ТАБАКОВ

Георгий Кричевский

ЛИЦЕДЕЙ

нашего времени

Когда произносишь слова «человек-оркестр», одним из немногих среди ныне здравствующих деятелей искусства, полностью соответствующих этому широкому определению, сразу вспоминается Олег Павлович Табаков.

Блистательный артист любых амплуа и жанров. Яркий театральный режиссер. Признанный во всем мире театральный педагог, воспитавший целую плеяду известных мастеров сцены и экрана и буквально на голом месте основавший популярнейший театр. Наконец просто мудрый и веселый человек, умеющий доверительно говорить о самом важном в жизни и творчестве.

Удивительно, но в его долгой, насыщенной, многогранной и многотрудной жизни не было ни единого «прокола», ни одного ложного шага. Истинный баловень судьбы, любимец публики и товарищей по цеху, он шел от успеха к успеху, и ему неизменно удавалось все, на чем порой спотыкались, а то и ломали себе шею другие очевидные таланты.

«Стартовые условия» саратовского мальчика, чье детство прошло в коммунальной квартире и научило его ценить каждый заработанный рубль, были самые обыкновенные. Лев по гороскопу (ну, как тут не поверить звездам!), он родился в авгу-

сте 1935-го, в семье врачей, счастливо избежавшей сталинских репрессий и познавшей все тяготы Великой Отечественной войны. Отец ушел на фронт начальником санитарного поезда, мать, чтобы прокормить детей, работала в военном

госпитале. После войны родители расстались. Но свои детские годы Олег Павлович вспоминает как очень счастливые, светлые.

Он рос с мамой, бабушками, теткой и дядей в обстановке любви и взаимоуважения, видел честность, доброту и трудолюбие близких, столь отличные от лицемерия, ханжества и приспособленчества окружающих. «Ген» порядочности, подлинной интеллигентности был привит ему с детства. А еще — романтические идеалы, с которыми Олег в 1950 году записался в театральный кру-

его отговаривать, успехи мальчика на сцене Дворца пионеров убеждали в правильности выбора. Судьба отнеслась к нему благосклонно — подав документы одновременно в ГИТИС и Школу-студию МХАТа, он по результатам творческих конкурсов был принят сразу в оба учебных заведения, но предпочел МХАТовское училище, которое всегда считал «вершиной театральной педагогики».

Юноша попал на курс легендарного В. Топоркова, булгаковского друга, звезды труппы Станиславского, и вошел в число лучших студен-

О

н рос с мамой, бабушками, тетей и дядей в обстановке любви и взаимоуважения, видел честность, доброту и трудолюбие близких, столь отличные от лицемерия, ханжества и приспособленчества окружающих. «Ген» порядочности, подлинной интеллигентности был привит ему с детства

жок «Молодая гвардия» при саратовском Дворце пионеров. Руководила им замечательный педагог Н. Сухостав, которая стала «крестной матерью» для 160 профессиональных актеров.

Занятия в кружке определили выбор будущей профессии. Окончив в 1953 году мужскую среднюю школу (то было время нелепых педагогических экспериментов), Олег твердо решил ехать в Москву поступать в театральный институт. Близкие не стали

тов. А уже через пару лет состоялся его кинодебют у самого М. Швейцера в положенном на полку фильме «Тугой узел» (исправленный потом вариант получил название «Саша вступает в жизнь»). Здесь, как и в других первых ролях начинающего актера, присутствует весь набор табакских «kozyрей» — обаяние, органика, открытое лицо и доверчивая улыбка.

Он был худой, подвижный, неутомимый на выдумки. «Первые годы

обучения я занимался в основном проблемами любви», — с присущим ему юмором вспоминал Олег Павлович. Но, конечно, занимался не только этим.

В училище Табаков много работал над актерской техникой, хотя, казалось, ему все давалось легко, «с ходу». Однако главные его актерские «университеты» были еще впереди. В 1957 году под крышей Школы-студии МХАТ ее предыдущий воспитанник, дерзкий и непокорный Олег

Ефремов организовал Студию молодых актеров, из которой затем вырос Театр-студия «Современник», новаторский и вместе с тем продолживший лучшие традиции Московского Художественного театра. Олег оказался самым младшим по возрасту среди семи основателей нового театра, ставшего вскоре настоящей меккой театральной Москвы. И — счастливой судьбой самого Табакова.

Коллектив единомышленников — Олег Ефремов, Олег Табаков, Евге-

ний Евстигнеев, Галина Волчек, Игорь Кваша, Светлана Мизери и Лилия Толмачева — сочинили устав своего театрального «Дома», призванного возродить товарищество актеров. Все творческие и административные вопросы решались в «Современнике» коллегиально. В группу его основателей входили также крупные режиссеры Анатолий Эфрос и Борис Львов-Анохин.

Однако первый, программный спектакль нового театра — «Вечно живые» по пьесе Виктора Розова — Олег Ефремов поставил сам, сыграв в нем главную роль. С этого памятного спектакля и началась головокружительная актерская карьера Олега Табакова. Следующие его работы в спектаклях «Голый король»,

«Три желания», «Всегда в продаже» публика приняла на «ура». Яркое комедийное дарование молодого артиста дополняли тонкий лиризм и психологическая глубина. Уже через год-два он стал одним из ведущих актеров театра. Табакова начали все чаще приглашать в кино. «Обыкновенная история» И.Гончарова, где он точно и жестко сыграл молодого конформиста Адуева, перекочевала с театральной сцены на телеэкран и принесла ему первую Государственную премию. Однако чрезмерные нагрузки дали себя знать — в 29 лет с ним случился инфаркт.

Оправившись, Олег Павлович вернулся в родной театр, в котором стал директором, после того как Ефремов, по настоятельной просьбе

*К/ф
«Семнадцать
мгновений
весны»*

Слева:

*К/ф
«Гори, гори,
моя звезда»*

Минкульта, возглавил в 1970 году гибнувший МХАТ. Причем директором оказался толковым и удачливым. И, продолжая играть в спектаклях, занимал эту ответственную должность почти семь лет, в содружестве с выдвинутой им в главные режиссеры Галиной Волчек.

Вдобавок взвалил на свои плечи еще одну нелегкую ношу — обучать юные дарования актерскому ремеслу. В 1973-м году он провел беспрецедентную акцию, объявив набор в театральную студию при Бауманском дворце пионеров. Отобрал 49 детей, которые занимались по вузовской программе: им преподавали историю мирового и русского театра, историю искусств, сценическое движение и пластику. Тремя годами

позже Табаков набрал в ГИТИСе актерский курс из 26 человек, основой которого стали ребята, приведенные им из его студии.

Олег Павлович еще давно говорил, что необходимо «постоянно приобретать и коллекционировать свои профессиональные умения». Чем и занимался на протяжении всей своей жизни. Большой педагогический талант и общественный темперамент его беспокойной натуры искали выход, и он задумал создать театральную студию из выпускников своего курса.

Мастер и его ученики сами очистили и отремонтировали заброшенный подвал бывшего угольного склада на улице Чаплыгина, которому

*С первой
женой —
актрисой
Людмилой
Крыловой*

суждено было превратиться в знаменитую «Табакерку».

В 1978 году состоялась первая премьера «Подвала» — спектакль по пьесе А. Казанцева «...И с весной я вернусь к тебе...» Вскоре о «Подвале» заговорили за пределами Москвы. О студии Табакова начали писать лучшие критики того времени. Но официального статуса она так и не получила и распоряжением первого секретаря МГК

КПСС В. Гришина была вскоре упразднена. Новая перспективная труппа, собранная и воспитанная О. Табаковым, оказалась не у дел. Ребята разошлись по разным театрам, однако еще два года продолжали по ночам собираться с Олегом Павловичем в подвале, репетировали новые спектакли, выпускали премьеры.

А он тем временем набрал в ГИТИСе курс, студенты которого че-

рез несколько лет составят костяк новой «Табакерки».

По счастливому стечению обстоятельств (как всегда у Табакова!), в 1986 году в Москве решено было открыть сразу три новых театра. Одним из них и явилась табакерковская студия. Причем свое шутовское название она получила не только по фамилии художественного руководителя, но и за размеры постоянно переполненного вот уже которое десятилетие зрительного зала.

Олег Павлович полагает, что театр — это большая семья, где все

Олега Табакова мало кто видел в угнетенном, подавленном состоянии, да и просто опечаленным, расстроенным. Задумчивым — случалось. Но и тогда — с его традиционной плутовской улыбкой в уголках губ и хитрецей в глазах. Такой уж он человек — закрытый для посторонних флером вальяжности и юмора. Настоящий дипломат и политик, осторожно взвешивающий каждое сказанное им слово. Пожалуй, в этом плане из сыгранных им в кино героев он больше всего напоминает умного и утонченного шефа абверовской

В

1957 году дерзкий и непокорный Олег Ефремов организовал Студию молодых актеров, из которой затем вырос театр «Современник». Олег оказался самым младшим по возрасту среди семи основателей театра, ставшего настоящей Меккой театральной Москвы. И — счастливой судьбой самого Табакова

дети должны жить по справедливости, и ему удалось осуществить такой, казалось бы, очевидный принцип на практике. Результатом стали аншлаговые спектакли «Табакерки» и десятки воспитанников, имена которых у всех на слуху. Достаточно назвать Дмитрия Певцова, Евгения Миронова, Сергея Безрукова, Владимира Машкова, Алексея Серебрякова, Ирину Апексимову.

разведки Вальтера Шелленберга в «Семнадцати мгновениях весны».

Этот культовый многосерийный телефильм снимался с 1969 по 1972 год. А в 1968 году пражский театр «Чиногерны клуб» пригласил набравшего международную славу актера сыграть Хлестакова в постановке гоголевского «Ревизора». Тридцать спектаклей с участием Табакова прошли там под восторженные аплодисменты зрителей. Оказались

*К/ф
«Человек
с бульвара
Капуцинов»*

Справа:
*К/ф
«Война
и мир»*

востребованы за рубежом также преподавательские и режиссерские таланты Олега Павловича. Российский мэтр поставил более 40 спектаклей русской и мировой классики в театрах Финляндии, Дании, Венгрии, Германии, Австрии, США. На базе знаменитого Гарвардского университета открыл и возглавил Летнюю театральную школу имени К.С. Станиславского.

Трудно сказать, кто Табаков больше — театральный или киноартист. Сам он говорит, что, в первую очередь, принадлежит сцене. Вероятно, это так. Но диапазон его экранных работ поражает. При этом ему доступны любые амплуа и жанры, как в незабываемых эпизодических, так и в главных ролях. Восторженный

Искремас в картине «Гори, гори, моя звезда», ипохондрик Людовик XIV в «Трех мушкетерах», ограниченный лейтенант Крутиков в «Живых и мертвых», беззащитный Обломов в экранизации одноименного романа, решительный Николай Ростов в «Войне и мире», самодовольный помещик Щербук в «Неоконченной пьесе для механического пианино», страдающий Николай Павлович в «Полетах во сне и наяву», застенчивый воришка Альхен в «Двенадцати стульях», алчный бармен-киноман в «Человеке с бульвара Капуцинов», забулдыга-скандалист в «Ширли-мырли»... А ведь вкрадчивым голосом Табакова еще озвучены любимые персонажи мультфильмов — кот Матроскин, пес Барбос и другие.

В недолгий период вынужденного простоя, когда в «Современнике» и в кино у него почти не было новых ролей, этот универсальный художник пришел на телевидение и создал там немало прекрасных постановок, одним из первых участвуя в телеспектаклях, которые транслировались в прямом эфире.

Удача сопутствовала ему и в личной жизни. На любовном фронте у него было не счесть громких побед, включая пылкие романы с известными актрисами. Счастливым оказался и первый многолетний брак Табакова с актрисой Людмилой Крыловой. Когда они в 1960 году поженились, Олегу Павловичу было 25 лет, а ей — 22.

В одном интервью он признался: «В детстве от меня ушел отец. Ис-

пытав эту боль, я думал, что никогда не смогу причинить ее своим детям... Несмотря на все мои грехи, романы, увлечения, я всегда возвращался в свое стойло. По сути дела, можно сказать, что ложь никогда не проходит бесследно. Она отравляет жизнь... Долгое время мне казалось, что мы будем жить с женой долго и умрем в один день. Я помню все доброе, что было у нас. Жена сделала максимум для того, чтобы я встал на ноги, когда у меня случился инфаркт, и многое другое... Но десять лет назад наши отношения испортились. В конфликтах наших, доходивших порой до предела, она нередко говорила: "Нам надо разойтись". Наверное, это надо было сделать десять лет назад. В этом моя

вина перед ней». Вину перед бывшей женой Олег Павлович постарался искупить крупной суммой отступного. Дочери Александре, ставшей актрисой и телеведущей, построил двухкомнатную квартиру, сумел сохранить добрые отношения с сыном Антоном.

Второй женой Табакова стала его бывшая студентка Марина Зудина. Как говорится, возраст любви не по-

под его голос, когда он читал по радио «Пятнадцатилетнего капитана», она готовила уроки. И, надумав после школы поступать на актерский факультет, услышала от матери: «Иди к Табакову!»

Смолоду этот уникальный артист был абсолютно свободен в стихии буффонады, гротеска, уже тогда проявляя себя настоящим виртуо-

О

лега Табакова мало кто видел в угнетенном, подавленном состоянии, да и просто опечаленным или расстроенным. Задумчивым — случалось. Но и тогда — с его традиционной плутовской улыбкой в уголках губ и хитрецей в глазах. Такой уж он человек — закрытый для посторонних флером вальяжности и юмора

меха. Тайный роман между учителем и ученицей завязался, еще когда худрук был женат. Расписались, проверив, что называется, чувства, лишь через десять лет, в 1995 году. Зудина подарила мужу сына и дочь, окружила его вниманием и заботой.

Докучливым журналистам, которых, между прочим, Олег Павлович никогда не избегал, он, с присущей ему обезоруживающей прямоотой, так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Как это ни банально звучит, пришла любоф-ф-ф...» По словам его избранницы, Олег Табаков нравился ей с самого детства,

зом искусства перевоплощения. Достаточно вспомнить его комедийные женские роли — деспотичной домохозяйки в фильме «Мэри Поппинс, до свидания!» и вздорной буфетчицы в спектакле «Современника» «Всегда в продаже». Образы современников и исторические персонажи у Табакова абсолютно достоверны, без малейшей тени фальши и наигрыша. Таковы на сцене «Современника», помимо упомянутого уже молодого Адуева в «Обыкновенной истории», Балалайкин в спектакле «Балалайкин и К^о.», шофер Федор в «Провинциальных

*Со второй
женой —
Мариной
Зудиной*

анекдотах», Егор Полушкин в постановке «Не стреляйте в белых лебедей».

Сегодня у себя в «Табакерке» Олег Табаков все с тем же блеском играет уже Адуева-старшего. А перейдя в 1983 году, по зову своего наставника и старшего собрата, во МХАТ, сразу «отметился» сложнейшей ролью Сальери, крупного композитора, отравленного ядом зависти, в пьесе П.Шеффера «Амадей». По-новому представил на сцене напыщенного обскуранта Фамусова в «Горе от ума». Проникновенно играл в спектаклях «На всякого му-

дреца довольно простоты», «Чайка», «Иванов», «Кабала святош», «Последняя жертва». Достойное место занимали в его мхатовском репертуаре герои-современники («Скамейка» А. Гельмана, «Серебряная свадьба» А. Мишарина). Одной из самых удачных табаковских ролей на сцене Художественного театра продолжает оставаться Тартюф.

В 1987 году при драматическом разделе МХАТа на две независимые труппы Табаков решительно поддержал Олега Ефремова. А после его кончины был назначен художественным руководителем и директором

МХТ имени А.П.Чехова, оставшись также худруком «Табакерки», где выходит на сцену в спектаклях «Последние», «Матросская тишина», «Анекдоты». Недавняя работа мэтра — постановка «Комната смеха. Русская народная почта». Это горький рассказ об одинокой старости, оставившей пенсионеру Жукову единственное утешение — письма к самому себе.

При всем том, хозяйственные дела и проблемы театра Олег Табаков умеет решать по-директорски профессионально. Он не побоялся начать с 2005 года масштабную реконструкцию мемориального здания театра в Камергерском переулке, возведенного по проекту выдающегося русского архитектора Ф. Шехтеля,

включавшую в себя замену технологического оборудования и коммуникаций. Согласно решению руководства театра, были даже заменены некоторые детали шехтелевского интерьера, которые сегодня выглядят недостаточно представительными. Вынашивает директор и план строительства на месте нынешних непригодных более художественно-производственных мастерских во дворе театра современного театрального здания...

Вроде бы, куда больше. Можно ведь в столь почтенные лета и слегка ослабить нагрузку, позволить себе немного попочивать на лаврах. Ан, нет. Неугомонный Олег Павлович с юношеским задором объявил в 2008 году об открытии при «Табак-

*К/ф
«Мэри
Поппинс, до
свидания!»*

Слева:

*К/ф
«Кадриль»*

керке» театрального колледжа-пансиона для способных детей со всей страны. И они там уже живут и учатся будущей профессии. Где еще в мире найдется нечто подобное?

Неизменная самоирония, с толикой здорового цинизма, неоднократно выручала Олега Павловича в непростых ситуациях. Член партии, он в советские времена, занимая в двух театрах номенклатурные посты, со спокойным достоинством принимая высокие звания и правительственные награды, ни разу не поступился совестью в угоду конъюнктуре, ни разу не запятнал свою честь. Эти черты незаурядной человеческой личности, равно как и высокая мера неподражаемого актерского талан-

та, сближают Табакова с его младшим, до срока ушедшим земляком и тезкой Олегом Янковским. Во многом оба корифея театрального и киноискусства схожи.

Первую свою премию — часы «Победа» — Олег Табаков получил за роль Пети Трофимова в студенческом спектакле «Вишневый сад» на фестивале «Московская театральная весна». Впоследствии стал «Человеком кинематографического года» (1995), лауреатом премий «Хрустальная Турандот» (1999, 2004, 2011) и «Золотая маска» (1996). В 2006 году ему вручили национальную премию «Лучший россиянин года», а в 2007-м — национальную премию «Лучший руководитель России» и премию имени Г. Товстоногова «За выдающийся вклад

в развитие театрального искусства». Он удостоился престижной премии Европейской культуры «Треббия» и международной премии (Гран-при) «Персона года» (2011), а также высшей Российской общественной награды — знака ордена святого Александра Невского. Народный артист СССР, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» всех четырех степеней, офицер Ордена Почетного легиона, Олег Павлович Табаков спокойно несет свои многочисленные регалии и звания, нигде не выпячивая собственные заслуги и достижения, но, если надо, используя их во благо любимого дела и взятой на себя миссии.

Его творческие и человеческие принципы, его общественная позиция не подвержены колебаниям. Независимые суждения он высказывал при любых обстоятельствах и в важных для себя вопросах никогда не шел на компромиссы.

Он рано обрел экономическую независимость, являющуюся частью его «остойчивости» (излюбленное словцо в витиеватом стилизованном лексиконе Табакова). Одним из первых выезжая на Запад, быстро освоился там и сделал вывод, что актер, не способный прокормить себя, бесперспективен. Дарвинскую теорию «естественного отбора», селекцию, жестко применил на практике у себя в студии и театре. И одновременно экономическими методами, за счет резкого повышения рентабельности, добился в качестве директора двух

театров достойной зарплаты для своих актеров, продолжив начатое в МХАТе и МХТ Олегом Ефремовым.

Он легко умеет выбивать помощь у начальства любого уровня, досконально изучив все ходы и лабиринты власти. Одной лишь волшебной фразой по телефону: «Добрый день, это Олег Табаков» — достает необходимое театру, получает разрешения, больничные палаты, московские прописки, квартиры... Природу власти, переиграв сильных мира сего разнообразных мастей, знает изнутри.

Олег Табаков никогда не мечтал сыграть Гамлета, но всегда — Полония. Дар характерного артиста в себе, в товарищах по цеху и в учениках ценит более всего, поскольку характерный артист — это непредсказуемость, непохожесть ни на кого, это фактически способ существования. Такими яркими лицедеями были его учитель Василий Топорков и коллега Евгений Евстигнеев. Сегодня Олег Табаков без преувеличения главный лицедей нашего времени. Тут сказывается и его волжский «замес». Даже собственные национальные корни он варьирует по ситуации — то затащит за столом бабушкину украинскую пИсню, то помянет в роду мордвина или поляка.

Ему по-прежнему интересно погружаться в среду, где его не знают в лицо. В Москве и других российских городах, где он бывает на гастролях, смешаться с толпой Табакову редко удается, его быстро узна-

*К/ф
«Двенадцать
стульев»*

ют и начинают просить автограф, а вот за границей он делает это с удовольствием. В Бостоне отказался от машины и добирался до своей актерской школы на метро. Но и там его публичное одиночество обыкновенно нарушалось восторженным возгласом узнавания какой-нибудь туристки-соотечественницы.

Ключевое табаковское понятие — Успех. И в жизни, и в театре. Он отвергает театр без публики, театр экспериментальный, режиссерский. Такой же линии придерживались, кстати, отцы-основатели Московского Художественного театра Станиславский и Немирович-Данченко, для которых главным мерилем успеха была билетная касса. МХАТ ведь поначалу являлся акционерным об-

ществом, и каждый из актеров получал дивиденды от продажи билетов. Олег Ефремов старался следовать принципу рентабельности театра, а сменивший его Табаков возвел этот принцип в абсолют.

Стремясь к успеху, он подчас ошибался, снимал только что выпущенные спектакли, ссорился с режиссерами, драматургами, лишь бы изгнать из репертуара неуспешные постановки. И что же? Репертуарное удушье двум театрам под руководством Табакова никогда не угрожало. В отличие от его «альма матер», «Современника», который он шесть с лишним лет пытался спасти на посту директора. А когда понял тщетность своих усилий, ушел к Ефремову, хотя именно там нашел

дорогих своему сердцу партнеров и прожил лучшие годы своей сценической жизни.

Наработанное в «Современнике» он перенес в «Табакерку». Его труппа состоит из учеников разных поколений, у которых с мастером общие традиции, легенды, праздники. Он знает своих артистов до мельчайших подробностей, говорит о них с нежностью, называет именитых Вовками, Сережками, Женьками. Делает

им, как собственным детям, щедрые подарки, подолгу и со вкусом выбирая каждый. Элемент игры — непременный атрибут поведения Табакова на работе. Удивлять окружающих непредсказуемостью человеческих проявлений — его давнее хобби. Он любит поиграть в эдакого купчину, прохаживаясь с внушительной связкой ключей на поясе. Приносит в театр баночки с лакомствами, леденцы, морс и потчует артистов, со-

бравшихся на совещание у него в кабинете. В Международный день театра ежегодно награждает театральных деятелей и просто тех, кого с благодарностью вспоминает. Не скрывает патронажной гордости женой Мариной Зудиной, ведущей актрисой «Табакерки», и сыном Павлом Табаковым, который успешно идет там же по его стопам.

Олег Павлович большой гурман и до сих пор помнит, как бабушка выбирала на рынке в Саратове помидоры. Помнит и голодные военные годы, скудные студенческие «пайки» и

Его постоянная заряженность на игру, готовность к импровизации не ослабевают с возрастом, и в этом залог творческого долголетия Табакова-артиста и педагога, отметившего недавно свое 80-летие. Говорят, нельзя не заслушаться, когда он наставляет своих любимых артистов уму-разуму, по-детски радуясь их победам, помогая преодолевать трудности и незгоды.

В последние годы Олег Табаков вновь проявил непредсказуемость, пойдя, вопреки прежним художественным убеждениям, на осторож-

Его постоянная заряженность на игру, готовность к импровизации не ослабевают с возрастом, и в этом залог творческого долголетия Табакова-артиста и педагога, отметившего недавно свое 80-летие. Нельзя не заслушаться, когда он наставляет своих любимых актеров уму-разуму, по-детски радуясь их победам, помогая преодолевать жизненные трудности и невзгоды

то, как досуха подчищал хлебным мякишем вкусную подливу. Он и сегодня не стесняется делать так. Жизнь и искусство Табаков тоже привык пробовать на вкус, а ученики и соратники ему в этом подыгрывают. На 60-летие накрыли на сцене МХАТа пиршественный стол, и юбиляр, на протяжении трех часов благосклонно выслушивая поздравления, неторопливо выпивал и закусывал перед залом гостей и миллионами телезрителей.

ные контакты с видными режиссерами-новаторами. Что принесет под его началом «Табакерке» и МХТ имени А.П. Чехова подобный творческий альянс, покажет время. Но альянс этот обнадеживает. И опять начались в театральных кругах разговоры, мол, Табакову, как всегда, везет. Ответ прост: везет тому, кто везет. А Табаков везет без усталости.

И дай ему Бог везти так и дальше! □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

12

Дружба между Анатолием Петровичем и Иннокентием Авдеевым зародилась еще в те годы, когда они были вихрастыми пацанами, звались просто Кеша и Толя и, как все мальчишки, страшно любили играть в так называемую войнушку. Как-то само собой получилось, что вся ребятня улицы Короленко, на которой они проживали, разделилась на две не то чтобы враждующих стороны, но на противоборствующие команды — это точно. В зимнее время, когда ночные, навзрыд воющие вьюги наметали огромные — в два метра и более! — высотой сугробы, в которых снег так плотно слеживался, что при помощи ножевок члены обеих команд выпиливали что-то вроде блоков, — из них строили крепости с толстыми стенами и смотровыми башнями. А чтобы они были крепкими и могли выдержать штурм вооруженных не только тугими, как резиновые мячики, снежками, но и деревянными саблями и пиками осаждающих «воинов», крепость обильно поливали водой, привозимой на конских санях в железной бочке с реки добродушным дядей Петей, мужчиной пятидесяти лет, высоким, с густыми темными бородой и усами, в которых прятались тонкие губы, обнажавшие при улыбке желтые от никотина зубы. Скорее всего, он потакал шустрой ребятне потому, что своих детей у него почему-то не было,

а посмотреть, с каким отчаяньем и упорством «воюют» чужие, было ему в большую радость. При взятии одной из команд «вражеской» крепости, «завоеватели» ее не ломали, а лишь на самой высокой башне вывешивали свой символичный победный флаг. И, как их далекие предки в Масленицу, «братались» вечером, собираясь в местном клубе, — и, бурно подводя итоги прошедшей «войнушки», заодно намечали срок новой, еще более грандиозной, как правило, в следующее воскресенье — единственный свободный день от многочасовых занятий в поселковой школе-десятилетке.

В одной команде верховодил Виктор Авдеев, и хоть Кеша приходился ему двоюродным братом, «воевал» он во второй, руководимой Анатолием. И в школу они ходили вместе. Двухкилометровой дорогой в один конец, говоря о волнующих их юные души вопросах, все больше и больше сближаясь духовно. И казалось, что во взрослой жизни они пойдут параллельными путями, но судьба рассудила иначе. Иннокентий как окончил школу механизации, так и сел за баранку трактора «Беларусь» и словно прикипел к ней до конца жизни, а Анатолию, тоже выучившемуся на тракториста, тем не менее, в двадцать шесть лет, можно сказать, чисто случайно представилась возможность на деле проявить все свои незаурядные организаторские способности.

И он не растерялся! Словно много лет только и ждал этого судьбоносного времени — окунулся в него с головой, — и какими ни были бурными его стремительные волны, не утонул, выплыл на крутой, обрывистый берег судьбы победителем. Это тотчас было отмечено вышестоящим начальством — и жизненная колея Анатолия совершила крутой — на целых сто восемьдесят градусов — поворот: если прежде он с умом подчинялся начальственной воле, то теперь сам стал повелевать чужими жизнями, по крайней мере, на производстве. По-разному повернулась к ним судьба и на семейном фронте. А именно, если Анатолий женился слишком рано, то его друг, можно сказать, с большим опозданием — только аж под тридцать лет. Однако это ничуть не мешало двум мужчинам оставаться друзьями, делить, как в знаменитой песне, «хлеба краюху — и ту пополам...»

В жены Иннокентий, видный парень, на которого заглядывалась, по которому вздыхала и сохла не одна девушка в поселке, взял не местную, а из города, воспитательницу детского сада Наталью. Была она ладного сложения, светловолосой, с немного скуластым лицом, на котором, как весенние небесные всполохи, горели искренним жизнелюбием голубые глаза. Тонкие губы говорили о сильном характере. Так оно на самом деле и было. Вступив в брак, она сохранила независимость взглядов, как на саму жизнь, так и на процессы, происходившие в ней. Даже на всевозможных выборах

отдавала свой голос только за того кандидата, которого лично считала более достойным, чем другие. Переехав к мужу в двухкомнатную квартиру, она и на работу устроилась по своей профессии в совхозный детсад, кстати, расположенный через дорогу от дома, в котором жила, — в новом одноэтажном просторном брусом здании, для красоты и сохранения тепла обитого вагонкой по двухслойному толю.

Заслышав машину, въезжающую во двор, Иннокентий с Натальей выбежали встречать гостей на высокое, со сплошными перилами, крыльцо, приветливо улыбаясь. Анатолий Петрович, захлопнув дверцу, помог немного смущенной жене выйти, и, неся в одной руке тяжелый рюкзак со спиртным, а другой держа Марию за руку, пошел навстречу друзьям-молодоженам и, подойдя, крепко за руку поздоровался с другом, а его жене галантно поцеловал ручку. И тотчас восторженно произнес:

— Друзья, представляю вам свою половинку Марию! Прошу любить и жаловать не меньше, чем меня, нет, даже больше!

— Ну, Анатолий, ай, да молодец — какую писаную красавицу взял себе в жены! — восхищенно сказал Иннокентий, слегка пожимая точеную руку зардевшейся легким румянцем Марии.

— То, что у твоего друга губа не дура, всем известно! — высказала свое мнение Наталья. — Только, мужики, не забывайте, поражаясь до глубины души женской красоте, поклоняться ей!

— Это не в мой ли огород камушки? — делано обиделся Иннокентий.

— А хотя бы и так! — отпарировала жена и воскликнула: — А что же это мы на улице стоим? Проходите, дорогие гости, в дом!

Когда Анатолий Петрович с женой, сопровождаемые хозяином, вошли в уютную, но небольшую гостиную, на разложенном и покрытом свежей узорчатой скатертью столе уже стояла закуска. С кресла, стоящего в углу, рядом с мягким диваном, тотчас, повернувшись к гостям лицом, поднялась очень даже симпатичная, с большими синими глазами, среднего роста, хрупкая, как созревший тростник, девушка. Во всем ее непорочном облике было что-то одновременно и вызывающее, говорящее о глубоком чувстве собственного достоинства, и притягивающее к себе, как магнит, причем, настолько выразительно, с такой силой, что Анатолий Петрович на несколько секунд задержал на ней свой удивленный взгляд. Это не ускользнуло от ревнивого внимания Марии, но она лишь плотно сжала губы. А между тем Иннокентий весело произнес:

— Друзья, с удовольствием представляю вам младшую сестру моей дрожайшей жены — Ирину! Она студентка Иркутского политехнического института. В настоящее время, находясь на каникулах, решила навестить нас! И мы, конечно, этому очень рады!

Гости познакомились с Ириной. Но при этом если Анатолий Петрович, взглянув озорным взглядом ей в глаза, наклонился и прикоснулся горячими губами к ее прохладной руке, то Мария лишь краешками губ улыбнулась и кивнула головой студентке. Снимая на ходу передник, вошла Наталья, видать, только что стоявшая у плиты: лицо ее было разгоряченно-пунцовым, на кончике носа выступили капельки пота, — и пригласила всех сесть за стол. Иннокентий тем временем возился с магнитофоном с двумя круглыми, большими — аж полуторачасовыми бобинами, наконец включил его — и из разнесенных по углам гостиной динамиков невидимыми волнами поплыла эстрадная итальянская музыка. Заметив, как довольно улыбнулся друг, он несколько хвастливо промолвил:

— Анатолий, как видишь, я не думал забывать о твоих музыкальных пристрастиях! — И вдруг шлепнул себя по лбу: — Ба! А я, вот дурень, и не поинтересовался, какую музыку любишь ты, Мария! Извини! И если итальянская тебе не нравится, то я мигом поставлю другую кассету с музыкой, которая тебе больше по душе, чем эта!

— Что ты, Иннокентий, не стоит, ибо я тоже большая поклонница и Фольки, и Кутуньо, и Пупо! — услышал он ответ, к своей радости. — Мы с девочками в институтском общежитии чуть ли не каждый вечер буквально заслушивались их мелодичными, красивыми голосами!

Пока они так увлеченно разговаривали между собой, Анатолий Петрович осторожно открыл бутылку шампанского и разлил шипучий напиток по хрустальным бокалам.

— Друзья, как говорит мой один хороший знакомый, — весело сказал он, — самозванцев нам не надо — председатель буду я, то есть хотел бы первым произнести тост! Надеюсь, вы не будете против этого?

— Конечно, нет! — за всех тотчас ответила Наталья.

— Спасибо, дорогая! Во-первых, я хотел бы напомнить, что сегодня мы собрались по случаю нашего бракосочетания с Марией. Я понимаю, насколько это оказалось для вас неожиданным, но, уверен, не продолжительность знакомства является гарантией долговечности семьи, а та мудрость, которую проявят очень даже симпатизирующие друг другу люди. Во-вторых, как сказал один известный поэт: «жизнь прожить — не поле перейти...» — поэтому я хочу предложить выпить не столько за наше с Марией вступление в брак, сколько за нашу веру в счастье!

И одним махом до дна осушил бокал. Но едва выпили и остальные, как Иннокентий протестующе воскликнул:

— Нет, дорогие друзья, так дело ну никак не пойдет!.. А именно — ни в поле жизни, ни в счастье любви невозможно без свадебного поцелуя! В общем, горько! Горько! Горько!

— Действительно, горько! — поддержала мужа Наталья. — Иначе точно семейная жизнь сладко не сложится!

Не осталась в стороне и Ирина. Но она лишь с озорными огоньками в глазах захлопала в свои небольшие, аккуратные ладоши.

Новобрачным ничего не оставалось, как только впервые на людях сомкнуть уста. Но Анатолий Петрович вложил в поцелуй столько продолжительной нежности, что у Марии, словно от хорошего сухого вина, слегка зашумело в висках и закружилась голова.

— А слово для следующего тоста я предоставляю своей супруге! — сказал Иннокентий. — Она умеет это делать куда лучше, чем я! Наталья, не подведи мужа — держи речь!

— Я буду кратка! Хочу пожелать вам, Анатолий и Мария, жить в достатке, любить друг друга и, конечно, завести как можно больше детей! И вслед за мужем я тоже провозглашаю: «Горько! Горько!..»

И опять новобрачные сомкнули свои еще не остывшие от прежнего поцелуя уста. Только в этот раз Мария уже не пыталась смущенно прикрыться лицом мужа, ибо после первого тоста успела солнечно подумать: «А что это я так ревниво отреагировала на взгляд мужа, словно он совершил что-то неприличное? Посмотрел да и посмотрел. От этого ни с меня, ни с него ведь точно не убудет...»

После второго тоста Наталья принесла из кухни только что вынутый из духовки, с коричневой, смазанной сливочным маслом и оттого нежно поблескивающей корочкой рыбный пирог и, ловко разрезав его на ровные кусочки, разложила всем по тарелочкам.

— Не знаю, удалась ли мне стряпня, но я старалась!

— Тут и сомневаться не стоит! Заранее говорю: удалась! Да так, что наши гости пальчики оближут!.. — похвалил жену Иннокентий.

Анатолий Петрович попробовал пирог и аж причмокнул:

— Точно, такой вкуснятины я еще не ел!

И все принялись аппетитно ужинать. Но женщины как-то незаметно повели между собой свои разговоры, а мужчины, быстро управившись с едой, вышли на крыльцо. Анатолий Петрович просто подышать свежим воздухом, а Иннокентий, заядлый курильщик, подымить «Беломором», который предпочитал всем другим папиросам. Дневная жара, раскалившаяся за день до зноя, заметно остыла. И хотя казалось, что воздух недвижим, легкое дуновение ветерка с реки обвивало лица шелковистой прохладой. Давно спустившийся с высоких небес на землю вечер был настолько светло-синим, что взгляд, устремленный далеко вперед, ясно различал и противоположную улицу, с одноэтажными, рубленными в лапу старинными домами, и на другом берегу Лены поросшие густым ело-

вым лесом крутолобые скалистые сопки, над которыми, чуть ли не касаясь вершин деревьев, всходил матово-серебристый месяц. За оградой по улице изредка, стрекача, как полевые кузнечики, проезжали мотоциклы. Густая песчаная пыль, поднятая ими, крылатым облаком стелилась по-над дорогой, захватывая своими серыми крыльями и стоящие вдоль улицы дома с оградами и огородами. В соседнем дворе разожгли дымокур в железном баке с коровьими лепешками. Сизый, горьковато щиплющий ноздри дым медленно поднимался вверх, полупрозрачными волнами расходился вокруг. Все это было до боли знакомо Анатолию Петровичу, и все же он поймал себя на мысли, что смотрит на те же дома как-то больно уж по-другому, словно со стороны. И в его голове невольно вспыхнула мысль: «Да это все потому, что теперь я отвечаю за благополучие всех людей, работающих в совхозе. И только от моих действий и решений зависит, поверит ли мне народ... Да, тяжела ноша руководителя, ох как тяжела...»

Иннокентий, закурив, глубоко вдохнул горьковатый дым и, сощурив глаза, как бы с облегчением выдохнул. Тотчас противно зудящие вокруг комары стали отлетать в стороны.

— Слушай, друг, — спросил его Анатолий Петрович, — а что думают наши совхозные рабочие по поводу моего приказа?

— По разному... Одни, которым надоела чехарда с руководством и связанный с этим бардак, — положительно. Даже говорят, что наконец-то пришел хозяин, знающий дело. Другие, те, что привыкли плыть по течению, всерьез задаются вопросом: «А точно директор не только выгонит на прополку своих заместителей, но и выйдет сам?» А третьи — знай, есть и такие! — вдруг сделались больными, которым почему-то сразу стал противопоказан труд в наклонившемся состоянии, да еще на жаре, — и, уверен, они завтра с утра побегут в амбулаторию на прием к врачу, чтобы тот посадил их, страх как «хворых», на больничный. Но таких «вечных» лоботрясов немного. Их мнимое недомогание ни коим образом не повлияет на выполнение задуманного тобой плана.

— Ну а сам-то ты что скажешь?

— Только одно: если бы ты не действовал решительно, напористо, то никогда не стал бы тем, кем стал сейчас! А хорошо это или плохо — решать лишь тебе самому. Вот так-то, друг! Однако пора возвращаться за стол. Да и наши любимые, наверно, заждались уже!

Но когда они вошли в гостиную, то были немного разочарованы, ибо женщины продолжали так увлеченно обсуждать волнующие их вопросы, что не сразу заметили их, неожиданно почувствовавших себя не то чтобы лишними, но рано вернувшимися — точно. И вдруг Иннокентий, выключив

магнитофон, отчего в комнате враз повисла глубокая тишина, громким голосом, не принимающим возражений, произнес:

— У меня есть классное предложение! И заключается оно в том, что мы сейчас быстро соберемся — и поедем купаться на Нюю! Она уже вполне после затянувшегося паводка вошла в русло, обнажив свои пляжи зернистым, шелковым песком. Он за день настолько прогрелся, что лежать на нем будет одно удовольствие! Не менее теплой стала и речная вода. Она, словно бархат, охватит тело с такой освежающей ласковостью, что вылезать на берег не захочется! Да и нашим гостям после долгой, пыльной дороги из города надо снять накопившуюся усталость, тем более что завтра в поле, где на жару сил потребуется немало!

— Ой, дорогие друзья, а я даже совсем не думала в этот вечер купаться — и поэтому, конечно же, не захватила с собой купальник! — как бы несколько виновато сказала Мария.

Наталья, смерив взглядом ее фигуру, успокоила:

— Это дело поправимое! Я тебе один из своих на выбор одолжу!

И женщины сорочьей стайкой упорхнули в спальню переодеваться.

— А мы, Иннокентий, что, в трусах предстанем перед нашими красавицами? Гони плавки! — потребовал Анатолий Петрович.

— Нет проблем! — согласился друг. — Тебе какого цвета больше по нраву — черного, белого или, может, голубого?..

— Тоже спросишь! Черного, конечно!

Через десять минут друзья в машине, управляемой Анатолием Петровичем, проехав по улице метров пятьсот, сразу за совхозной конторой свернули в правый проулок, с одной стороны которого стояли дома с огородами, сплошь засаженными картофелем, с другой — возвышался длинный, рубленый из сосновых, окантованных с двух сторон бревен, коровник с огромным сеновалом. Миновав его, повернули влево и выехали на обрывистый берег Лены. По нему, поднимая столбы серой, въедливой пыли, пронеслись до Старицы, успевшей обмельеть настолько, что она представляла собой безобидный, можно даже было сказать, жалкий ручей в ширину не более пяти-шести метров. Зато за ним возвышались такие зыбучие, вязкие сугробы песка, что только с включенным передним мостом на повышенных оборотах первой скорости удалось с трудом преодолеть их — и покатить по Большому острову, который в паводок полностью уходил под воду, потому неизменно каждое лето на нем рождался густой, высокий травостой, — и сенокосному звену, возглавляемому много лет отцом Иннокентия, удавалось заготавливать сена почти на всех буренок центрального отделения совхоза.

Вскоре впереди замаячил высоченный темно-зеленый ельник, окруженный со всех сторон утиными озерами с крепким глинистым дном, обрам-

ленными, словно природный бриллиант дорогой оправой, сочной, но больно уж вострой осокой, с берегами, богатыми такой черной смородиной, что ее гроздья, налившись, матово отливая боками крупных ягод, отягощали ветви до самого среза воды. Сразу за ельником дорога, прорубленная в густом тальнике, нырнула вниз к самому речному берегу в каких-то двухстах метрах от устья, за которым степенно и величаво, словно самая настоящая царица всех сибирских рек, несла себя далеко — на Крайний Север — державная красавица-Лена.

Здесь Анатолий Петрович и остановил машину, поставив ее на ручной тормоз. Тотчас защелкали дверные замки — и на песок — один за другим высыпали поздние купальщики. Иннокентий быстро сбросил рубашку с брюками, снял сандалии и вприпрыжку, как в далеком детстве, с задорным улюлюканьем побежал по песку так быстро, что из-под успевших загореть до шоколадного цвета пяток забились песчаные фонтанчики. А влетев в воду, стал смешно, по-лягушачьи высоко поднимая ноги, по пологому дну уходить все глубже и глубже, пока, наконец, не поплыл, как рыбацкий поплавок при поклевке, то погружаясь с головой в стремнину, то выныривая на гладкую поверхность реки. Следом за ним, оказавшись проворней старшей сестры и новой знакомой, к реке пошла Ирина, неся свою, словно выточенную на природном станке, стройную фигуру с покатыми плечами, с волнующе округлыми бедрами так величаво, что Анатолий Петрович невольно несколько секунд любовался ей, при этом даже напрочь забыв, что снятые брюки продолжает держать в руках... Это не ускользнуло от ревнивого внимания Марии. Она, сузив глаза, раз-другой с осуждением посмотрела на мужа и гневно подумала: «Нет, это уже слишком!.. Он что, точно запал на более молодую, чем я, ну самую настоящую пигалицу?! Если я все же ошибаюсь, то, в любом случае, зачем меня ставить в неудобное положение перед Натальей — ведь она же не слепая!..»

В этот момент ей вдруг до боли захотелось побыть одной. Но, словно сойдя с небес на грешную землю, Анатолий Петрович, как ни в чем не бывало, подошел к жене и, взяв за руку, потянул за собой... Но у среза реки он, увидев, что Марию словно охватила боязнь воды, отпустил ее руку — и стал входить в реку один, причем медленно, приятно чувствуя, как она своей бархатной прохладой понемногу охватывает тело, по коже пронеслись легкие мурашки, заставившие слегка сжаться душу. Но когда он, с головой окунувшись в реку, начал мощно грести руками, то ему быстро стало тепло — захотелось плыть и плыть. Быстрое течение сносило его к широкому, разделенному большой водой на два рукава, устью. Тогда он, словно по воле свыше, вступил с ним в борьбу, ощущая все усиливающуюся нагрузку на мышцы рук и ног. Минут через двадцать порядком устал, зато ясно почувствовал

сильное просветление в голове — и все треволнения прошедшего дня враз бесследно пропали, на душе стало так легко, что даже захотелось петь, но он только все продолжал упрямо плыть и плыть, словно забыв обо всем на свете. И только когда с песчаного пологого берега Иннокентий энергично замахал ему, мол, пора возвращаться, увидел, что женщины уже оделись, и, хотя и пошатываясь от усталости, но с сожалением, будто не доделал край как нужную работу, вышел из воды. С сияющим от полученного от плавания удовольствия лицом подбежал к машине и, достав из сумки махровое полотенце, докрасна растер свое молодое, мускулистое тело.

— А вот теперь можно и ехать! — весело сказал он.

— Конечно, едем, время-то к полуночи приближается! — воскликнул Иннокентий. — Но, отдав столько сил борьбе с течением, завтра, нет, можно сказать, уже сегодня на прополке капусты каким огневым порохом зарядишь себя, ведь хочешь не хочешь, а в передовиках тебе, Анатолий, надо во что бы то ни стало быть?!

— А тем самым, неоднократно проверенным — волевым! Зря, что ли, я на твоих глазах с самого детства непосильным трудом кую и кую характер, как заправский кузнец?! Поверь, дорогой, не зря!

Высадив друзей у дома, Анатолий Петрович с женой, всю дорогу молчащей, словно ушедшей глубоко в себя, через пять минут езды въехал во двор и у самого крыльца под окном остановился. Мария сразу же зашла в дом, а он, наконец увидев перемены, произошедшие с ней, и немало им удивившись, в полном недоумении остался стоять на улице, словно надеялся под небом со слабо горящим, одиноким месяцем, как бы опустившимся в легких сиреневых сумерках, проанализировав праздничный вечер, понять, в чем же он провинился перед женой, чем обидел ее. Но в глубокой тишине, нарушаемой лишь звоном страшно надоедливых, больно кусающих комаров, серьезных причин для изменения поведения жены не нашел и, глубоко, словно разочарованно, вздохнув, вошел в дом. Свет ни в одной комнате не горел. Мария, вместо того чтобы разобрать постель, сидела в гостиной и, опершись рукой о мягкую спинку кресла, молча смотрела грустным взглядом куда-то в сумеречное окно, за которым, освещенные серебристыми лучами месяца, плывущего в небесной синеве, были хорошо видны конусообразные верхушки меднокорых высоких сосен с густыми хвойными кронами.

— Мария, ты мне можешь толком объяснить, что с тобой, в самом деле, происходит? — стараясь быть спокойным, тихо спросил Анатолий Петрович расстроенную жену.

— Извини, но этот вопрос, мне кажется, должна задать тебе я! Считаю, что уже это сделала! Будь добр ответить на него как на духу!

— Да мне нечего отвечать, поскольку я за собой не чувствую никакой вины, по крайней мере такой, чтобы о ней говорить!

— Даже так!.. Ну, ты и даешь!.. А унижать меня, между прочим, свою жену, в глазах своих старых друзей и их студентки-родственницы — это, по-твоему, нормально?! В порядке вещей?!

— Милая, ты о чем таком странном говоришь?!

— О том, дорогой, что мой законный муж весь вечер неприлично пялился на студентку! Знаешь, смотрела я на тебя — и в самом деле по-настоящему боялась, как бы твои, извини, бесстыжие глаза из орбит не вылезли! Если ты такой влюбчивый, то зачем женился на мне и привез в эту захолустную таежную дыру? — и, не дожидаясь ответа, вызывающе заявила: — В общем, так — я решила завтра же первым автобусом возвратиться в город! А оттуда улететь домой, чтобы как можно скорее забыть все, что было между нами, как страшный сон!

Анатолий Петрович, поймав себя на мысли, что его предположение насчет ревности Марии, к сожалению, оправдалось в полной мере, на некоторое время еще не с сожалением, но с грустью замолчал. Тогда у него все-таки оставалось только два выбора, первый — это сказать себе: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...» — и как-нибудь попытаться уснуть, предоставив жене время успокоиться и утром, которое, как известно, вечера мудренее, скорей всего, изменить свое ультимативное решение. И второй, строго заключающийся в том, чтобы сполна, несмотря на позднее время, объяснить с надеждой если не на полное, то хотя бы терпимое примирение. И, решив сделать именно так, он, не спеша, но твердо заговорил:

— Конечно, ты вправе поступать по своему усмотрению — и я это не собираюсь оспаривать! Но должен напомнить старую истину, гласящую, что редко когда решения, принятые в горячке, в обиде и в ревности, бывают на поверку единственно верными. Да и потом, совсем не зря же сказано: прежде чем один раз отрезать, семь раз отмерь! В отношении Ирины — честно признаюсь, что я порой действительно восхищенно любовался ее красотой и не по возрасту ранним умением показать себя в чужих глазах равно самостоятельной и величавой, что ли... Это природный дар! Поэтому к нему иначе, как с уважением, относиться нельзя! Но я смотрел, как ты выразилась, на студентку с не большим восхищением, чем делал бы это в музее, глядя на мастерски написанную картину. Да-да, именно так — и только! Что она для меня? Вспыхнувший на мгновение-другое небесный всполох, который, быстро сгорев, кроме светлого воспоминания лицезрения прекрасного, в душе ничего не оставит. И сколько еще в моей жизни будет таких ярких всполохов, только одному Богу известно. Но чем больше, тем лучше, ибо с каждым из них моя душа будет очищаться от накипи горького

бытия, чтобы взлетать на такую высоту жизненного вдохновения, на которой только и возможно творить счастье, чтобы делиться им с другими!

К сожалению, я еще пока не могу сказать, что от любви к тебе схожу с ума. Но ты — женщина, которая мне нравится, которую я назвал своей женой, заметь, уже раз жестоко обжегшись на супружестве. Это говорит о том, что я вполне осознанно, взвесив, обдумав все твои хорошие и не очень качества, принял для себя, может быть, самое главное в жизни решение — связать до конца дней моих свою судьбу с твоею. При этом я никаких клятв, заверений в верности от тебя не потребовал! Да и сам не давал! Чтобы жить в мире и согласии одной семьей, надо в одночасье не бросаться высокопарными словами, а, словно дом, пусть по кирпичику, но неутомимо, день за днем, строить отношения доверия, надежды и любви между мужем и женой. Другого, чтобы в супружестве быть счастливым, не дано, да и не надо!

Я отдаю себе отчет, и было бы хорошо, если бы ты смогла меня понять, что десятилетняя разница в возрасте, которая существует между нами, некоторое время будет чаще мешать, чем помогать, не только слушать, но и, самое главное, слышать друг друга. Значит, если мы хотим на самом деле создать настоящую семью, в которой, в конце концов, не только наши будущие дети были бы скрепляющим цементом, но и великая любовь, то должны запастись терпением, выдержкой, от недовольства друг другом не уходить в себя, как сегодня сделала ты, а спешить в спокойном разговоре произвести так называемый «разбор полетов». Принято считать, что в начале всего было Слово — так пусть оно никогда не изменит нам... Все, волнующее мою душу, я, кажется, со всей присущей мне честностью, сполна сказал. Поймешь ли ты меня или нет — не знаю!.. Но очень хочу надеяться хотя бы на то, что ты смогла услышать крик моей души! А теперь, извини, — я хочу спать, тем более что мне ни свет ни заря подниматься...

И Анатолий Петрович, больше ни слова не сказав, быстро разделся, разобрал постель, лег на пружинистую кровать и, накрывшись легким жаккардовым одеялом в белоснежном пододеяльнике, наконец-то с удовольствием позволил телу, весь день сжатому, как стальная пружина, расслабиться. Минут через пять легла и Мария, повернувшись к нему спиной. Но он от этого не расстроился, а, обняв ее за такие милые, хрупкие плечи, нежно прошептал: «Дорогая моя, хорошая! Все будет хорошо, вот увидишь!..» И, резко откинувшись на подушку, даже не заметил, как провалился в глубокий, полный сновидениями молодой сон. Все, что было хорошего и плохого пережито за совсем непростой день, выходило из его горячего сознания, освобождая его для новых, скорей всего, еще больших треволнений нарождающегося дня.

В это утро подернутое маревой дымкой солнце, выкатываясь на синий, почти безоблачный небосвод из-за лесистого горизонта, пылало с такой силой, что уже к шести часам на улице было ясно, как днем. Не успевший довершить свой небесный путь полный месяц, словно человек, напроочь забытый жизнью, как-то уж очень непривычно одиноко смотрелся среди ликования золотого света. На окнах в большой комнате, где спали новобрачные, был подвешен к деревянным коричневым карнизам лишь прозрачный, воздушный узорчатый тюль, через который солнечные лучи лились стремительно широким потоком, горяча лица спящих супругов. Если Мария, во сне ощутив их тепло, лишь повернулась на бок и натянула на голову одеяло, то Анатолий Петрович, словно по армейской команде, широко открыл глаза, бросил взгляд на ручные часы — и тотчас, смахнув с себя одеяло, поднялся. Взглянул с грустью на сладко спящую жену, может быть, на самом деле в последний раз, тяжело вздохнул, подумав: «Чему быть, того не миновать! Хотя, ничего не скажешь, все как-то до обидного нескладно у нас с ней получилось... А ведь так славно начиналось! Жаль, даже очень жаль... И все-таки раньше времени лить слезы по второй семье не стоит!..»

По-армейски быстро оделся в рабочую одежду: брезентовые брюки и куртку, ноги обул в проверенные спортивные кроссовки, в которых для поддержания спортивной формы набегал не одну тысячу километров. От прогретых за прошедший день сосновых стен веяло теплом — и в гостиной было душно. Захотелось как можно скорее выйти на свежий воздух. Пройдя на кухню, Анатолий Петрович на скорую руку позавтракал пирогом — гостинцем Натальи, успевшей при расставании заботливо вручить его молодоженам, и осторожно, чтобы не разбудить жену, вышел на улицу, оставив дверь незапертой.

Несмотря на ранний час, в соседних дворах уже раздавалось звяканье подойников, говорящее о том, что хозяйки приступили к дойке коров. Пестрокрылый петух с черными перьями на груди, развернув крылья, взлетел на ограду и деловито громко, словно заявляя на всю округу о своем птичьем значении, несколько раз прокричал: «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!», почти заглушая звонкое чириканье воробьев, синиц и чижей. Въедливая мошकारа, придавленная ранним солнцем, скрылась, зато на смену ей, как угорелые, залетали, гудя грозно и натужно, многочисленные слепни, предвещаая днем очень сильный зной. В немного остывшем за ночь воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. А утреннее огромное красно-золотое солнце так ослепительно палило, что от взгляда на него слезились глаза. До капустного поля — через низкорослый сосняк —

было не больше пяти минут ходьбы. Быстро пройдя через него по петляющей между деревьев тропинке, сплошь усыпанной старой коричнево-желтой хвоей, Анатолий Петрович вышел к самой крепкой городьбе — в пять лиственничных, ошкуренных с двух сторон жердей, прибитых к вкопаным в землю на глубину не менее чем на метр столбам.

Одним махом преодолев ее, невольно остановился... Широкая межа густо заросла темно-зеленым пыреем, на котором утренняя роса еще не успела высохнуть — и радужно сверкала в солнечных лучах. Радостно казалось, что природа щедро рассыпала, словно полными пригоршнями, по траве слегка влажный морской жемчуг. От одного взгляда на его красоту душа начинала восторженно петь, словно в голове должны были вот-вот вспыхнуть долгожданные стихи... Сразу за межей больше чем на километр простиралось море вымахавшей по пояс сочной, с крепкими, как проволока, стеблями лебеды. Где-то в ее глубине, напрочь задавленная мощным сорняком, погибала едва пошедшая в рост капуста, но рядки, на которых она была посажена, еще проглядывали... Оглядывая этот своеобразный сорняковый фронт, не верил, что его можно было не только прорвать, но сполна ликвидировать. Анатолий Петрович тяжело и глубоко вздохнул, но твердо и смело сказал сам себе: «Глаза боятся, но руки делают!..» — и, сразу захватив два рядка, приступил к прополке. Ему хотелось до начала рабочего дня лично провести хронометраж, чтобы верно установить такую норму, которая была бы посильна каждому работнику, пришедшему на прополку. А значит, и позволяла бы с учетом премиальной доплаты в самом деле хорошо заработать!

За час непрерывной работы Анатолий Петрович, как ни старался, но смог продвинуться вперед лишь метров на двести. Основная трудность прополки состояла в том, что лебеду, пустившую свои крепкие корни глубоко в рядок, надо было выдергивать с оглядкой, чтобы вместе с сорняком не выдернуть и саму капусту. Смотреть на нее без жалости было невозможно, настолько она стала чахлой — с поникшим и наполовину высохшим стеблем, с свернувшимися, схожими с сильно истертой в руках бумагой, белыми-белыми, ну совершенно безжизненными листьями. Незнающий человек безнадежно махнул бы на все это рукой. Но год работы в «Сельхозхимии» для Анатолия Петровича не прошел даром. Он верно понимал, что, если удастся быстро освободить капусту из сорнякового плена и несколько раз обильно полить ее с подкормкой мочевиной и калием, она не только продолжит рост, но еще и успеет к осени налиться упругими кочанами. Конечно, придется рисковать — тянуть с ее рубкой как можно дольше, но это уже другое дело, успех которого зависел лишь от умения организации уборочной.

В установленное приказом время первыми со всех сторон от поселка к полю стали подходить и собираться на меже в группы совхозные рабочие. За ними, чуть ли не строем, пришли во главе с учительницей школьники. А следом по одному, по двое с тямками на плечах потянулись и домохозяйки. Радости Анатолия Петровича не было предела. Да и как он мог не ликовать душой, когда рабочего люда в течение получаса собралось не меньше двухсот человек! Подойдя к ним, он приветливо, громко, чтобы слышали все, поздоровался и заговорил:

— Уважаемые друзья, во-первых, хочу поблагодарить всех вас от всего сердца за отзывчивость. Во-вторых, я специально, встав пораньше, как вы видите, на собственном опыте убедился, что каждый из вас сможет, понятно, не без труда, отягчающегося дневным зноем, прополоть по одному рядку. Справившемуся с этой нормой кроме положенной оплаты будет выплачена премия, а те, кто перевыполнит ее хотя бы наполовину, получит двойное вознаграждение! Все односельчане, пришедшие на помощь совхозу по доброй воле, получают деньги сразу же после окончания рабочего дня! В-третьих, чтобы не тратить время на дорогу на обед, он будет организован здесь, на меже, причем за счет совхоза. В связи с этим прошу коменданта к часу дня подвезти из сельповской столовой и первое, и второе, и третье. Ответственным за расстановку людей по полю и подсчету сделанной работы назначаю управляющего центральным отделением Дмитрия Ивановича Козлова. А за расчет — главного бухгалтера совхоза. Если есть вопросы, то смело задавайте!

— Конечно, есть! — сказала женщина средних лет, полноватая, с головой, повязанной белым платком, одетая в серую юбку и светлую, видать, мужью рубашку с короткими рукавами. — А точно не назовете максимальную сумму, которую можно будет заработать?

Анатолий Петрович быстро прикинул в уме необходимые цифры расценок с учетом премиальных — и уверенно произнес:

— Не менее двенадцати рублей!

— Это, получается, из расчета в месяц — больше трехсот! В три с лишним раза больше, чем я получаю в сельповской пекарне, мучаясь от жары, исходящей от печи, не меньше, чем на солнечном зное! — довольно воскликнула женщина. — Да за такие деньги, честно говоря, я день и ночь готова не уходить с этого поля!

— Тогда что же мы стоим?! — поддержал ее мужчина пенсионного возраста, но еще очень даже крепкий, широкоплечий, выше среднего роста, с карими, от солнца прищуренными глазами, в синей, клетчатой рубахе и кирзовых сапогах. — Где там управляющий, пусть скорей нас, страшно охочих до работы, расставляет по рядкам!

И, не дожидаясь управляющего, сам отправился в поле, следом за ним потянулись и остальные, воодушевленно жестикулируя руками и переговариваясь на ходу. Провожая их радостным взглядом, Анатолий Петрович вдруг услышал, что к нему обращаются... Обернулся — и увидел стоящего рядом со смущенным лицом главного бухгалтера.

— Слушаю вас! — сказал он.

— Простите, но ведь вы знаете, что денег в кассе нет! Как же я выполню без них ваше распоряжение?!

— Очень просто! В последние полгода я жил один и, получая хорошую зарплату, смог скопить кое-какую сумму... Зная от вас же наши финансовые проблемы, захватил ее с собой. Думаю, на несколько дней этих денег хватит, а там еще чего-нибудь придумаем... — Достав из внутреннего кармана куртки довольно толстую пачку ассигнаций, Анатолий Петрович передал ее совхозному финансисту.

Между тем Мария все не появлялась. «Неужели точно решила уехать? Если это так, то или, в самом деле, я ничего не понимаю в женщинах, или предела самолюбию жены действительно нет! И все же обидно не это, а что разум не может укоротить гордыню!..» — с болью в сердце подумал Анатолий Петрович и с понурой головой вернулся к своим начатым рядкам. Но через совсем небольшое время, с головой уйдя в работу и твердо решив прополоть во чтобы то ни стало больше всех, вдруг над собой услышал прозвучавший тихо, но словно прогрохотавший громом среди ясного дня, уже успевший стать ему дорогим и милым голос жены:

— А товарищ директор со мной рядком не поделится?

— Мария! — поднимаясь, радостно воскликнул Анатолий Петрович. — Все-таки пришла! Ну, какая ты молодец!

И, еле сдержав себя, чтобы порывисто, словно забыв, что они в поле не одни, не прижать к груди и на глазах у всех не расцеловать в губы супругу, окрыляясь душой, произнес:

— Ну конечно, присоединяйся, родная!

Теперь, несмотря на то, что женская сила и выносливость, по сравнению с мужской, является более слабой, он, с удовольствием принимая ее, тем не менее, должен был для достижения поставленной перед собой задачи работать еще упорней. А солнце палило все сильнее и сильнее, словно решило именно в этот день проверить на излом людские характеры: сдюжат, вынесут или, в придачу к жаре донимаемые кусачими насекомыми, в конце концов, ругая жизнь последними словами, бросят прополку и безоглядно уйдут с поля. Однако люди, в меру своих сил, медленно, но неуклонно, буквально на коленках двигались и двигались к маячившей на противополож-

ной стороне яркой зеленью и казавшейся такой недостижимой — будь она трижды неладна! — меже.

Как соленый пот ни заливал въедливо глаза, с ладонями, ставшими от обильного сока лебеды зелеными, Анатолий Петрович, краем глаза время от времени поглядывая за женой, старавшейся изо всех сил не отстать от мужа, вдруг поймал себя на мысли, что каждый прополотый метр рядка придает ему дополнительные силы, ибо лицезрение освобожденных от сорняка капустных кустиков вызывало в душе звонкую радость. Порой ему даже казалось, что это он сам на последнем пределе своей стальной воли, пусть всего лишь по пяди, с руганью, с криками, но вылезает из мрачной губительной трясины к жизнеутверждающему свету! Поэтому совсем неожиданно для него прозвучал продолжительный автомобильный сигнал, возвещающий об обеде. Выпрямившись во весь рост, он оглядел поле и радостно увидел, что впереди него с женой никого нет, а до межи осталось не больше ста метров! С глубокой нежностью и заботой посмотрел на усталое, даже слегка осунувшееся красивое лицо Марии, держащейся руками за поясницу:

— Притомилась, милая?!

— Есть немного!

— Да нет, притомилась, коли я, хотя с детства привычный к прополке, и то сам спины почти не чувствую! Но ничего, скоро поедем, чуток отдохнем — и сразу намного легче станет, тем более что через два часа палящий зной наконец-то на спад пойдет!

И они направились к поросшей густой травой пыреем широкой меже, где комендант с водителем уже расставили кверху днищем обыкновенные ящики, а на них — одна на другую — горками! — положили эмалированные глубокие миски, рядом с ними — алюминиевые, от времени сильно потемневшие кружки и ложки. Попросив жену сесть спиной к изгороди, чтобы можно было, прислонившись к ней, расслабить тело, Анатолий Петрович, как все, выстоял быстро продвигавшуюся очередь, хотя и постоянно слышал со всех сторон:

— Да проходите, проходите прямо к раздаче!

На что вежливо отвечал:

— Спасибо! Но мне будет удобней вместе со всеми...

Не спеша, подкрепив свои силы вполне добротным обедом, народ довольно расслабился: мужчины, закурив, с жадностью вдыхали никотиновый дым, а женщины, разбившись еще перед обедом на стайки, делились поочередно последними поселковыми новостями. В этих словесных сводках, — Анатолий Петрович готов был биться об заклад, — конечно, в первую очередь говорилось о нем и его новой молоденькой жене, приехавшей, можно сказать, за тридевять земель. Но он не только не расстраивался,

но вообще не придавал этому никакого значения, ибо был в душе уверен в незлобivosti женских пересудов — так, между делом, посплетничают раз-другой, да и умолкнут, захваченные более новыми, по-настоящему значительными событиями. Несмотря на то, что Мария нет-нет да вопро- сительно поглядывала на него, продолжать ночной разговор именно сей- час, когда так ладно заспорилась очень важная работа, ему явно не хоте- лось. Все необходимое, значимое он, как мог, убедительно еще ночью ска- зал. И коли она все-таки, переломив гордыню, пришла, и рядом с ним — плечо к плечу! — спасает капусту, значит, его слова для нее, к счастью, не оказались пустым звуком. Но, прекрасно понимая, что впереди еще це- лых полдня страшно утомительной работы, он крепко, может быть даже до боли, сжал ее горячую ладонь, словно хотел, чтобы часть его еще большой, нерастроченной силы как можно полней перетекла в ее нежное тело.

Мимо проходил управляющий. Анатолий Петрович остановил его. И, не без радости посмотрев ему в глаза, поинтересовался:

— Дмитрий Иванович, как думаете, до обеда процентов десять от об- щей площади капусты освободили от сорняков?!

— Если не больше!

— Вот и славно! После прополки прошу вас зайти ко мне для подведе- ния итогов и определения плана на завтрашний день. Но уже сейчас не- обходимо заняться организацией ночного полива тех участков поля, на котором капуста прополота. Поставьте на ночь самых ответственных по- ливальщиков и строго накажите им, чтобы они не торопились — на каждой стоянке делали не менее десяти кругов поливного дождя. А еще лучше, если они будут лить и лить до тех пор, пока внешняя влага не соединится с земляной. Да пусть обязательно одновременно произведут подкормку мочевиной... Мария Васильевна норму внесения рассчитает! Хотя в таком плачевном состоянии капусты, как говорится, кашу маслом не испортишь! И все же... Дмитрий Иванович, надеюсь, вы меня достаточно хорошо по- няли?

— Понял! Но можно вопрос?

— Пожалуйста!

— Откуда у вас, Анатолий Петрович, такое глубокое знание агрономии, ведь вы, насколько я знаю, по профессии — строитель?

— Верно говоришь — строитель, причем, как и ты, светлого коммуни- стического будущего, хотя сам я себя и в шутку, и всерьез называю самым настоящим пожарником!..

— Кем-кем, извините, не понял?!

— Повторяю, пожарником, только борющимся не с обыкновенными по- жарами, а с теми, которые возникают, к примеру, как у нас в совхозе,

из-за нерадивого хозяйствования! А растениеводство со всеми его проблемами я знаю хорошо потому, что вырос на земле. И если, говорят, норвежцы рождаются с лыжами на ногах, то, следуя этой легенде, обо мне можно смело сказать, что я появился на свет с тяпкой в одной руке, с литовкой — в другой! Вот так-то! До вечера! — И, повернувшись к Марии, нежно сказал: — Дорогая, надо идти, ведь хочешь не хочешь, можешь не можешь, но сегодня необходимо не только закончить наши рядки, но и прополоть еще по одному. Не знаю, почему, но мне кажется, что фундамент моего успешного директорства закладывается именно на этом поле! А раз так, то надо его сделать максимально крепким!

Между тем солнце, вкатившись на самую вершину своей небесной горы, раскалилось до малинового цвета, словно кузнечная поковка, — и прогрело воздух настолько, что, вдыхая его, чувствовалось, как он горячит гортань, печет голову. Чтобы не получить солнечного удара, Анатолий Петрович, едва опустившись между рядками, наломал лебеды и сплел из нее два сплошных венка в виде кепок. Один надел на голову Марии, другой — на себя, и с новой силой начал полоть. В одном месте неосторожно с силой дернул огромную лебеду — толщиной с указательный палец — и ахнул, ибо увидел, что держит в руке и вырванный из земли с корнями капустный кустик. Тотчас с огорчением подумал: «Нет ничего глупее, спасая растение, вдруг пусть нечаянно, но самому убить его!..» — и стал более внимательно следить за быстрыми движениями рук.

Чем ближе они с женой продвигались на коленках к начальной меже, тем вместо радости хорошо сделанной работы в голове у Анатолия Петровича все упрямей горел вопрос: «А придет ли завтра столько же, как сегодня, народу?..» И спросил себя не случайно, ибо по себе чувствовал, как он, молодой, выносливый, привыкший с детства к тяжкому сельскому труду, и то сильно устал — руки налились свинцом, спина протяжно ныла, в висках кровь гулко стучала. Хотелось прямо в поле лечь между бороздами, чтобы хоть на несколько минут расслабить натуженное тело, дать возможность сердцу унять частый пульс.

Но наконец-то зной, достигнув своей наивысшей температурной степени, действительно начал спадать, а с широких просторов реки подул ветер, пусть легкий, но приятно ласкающий прохладой разгоряченное, с пылающими щеками, с потрескавшимися от частого облизывания губами, уставшее, словно ссохшееся лицо. «Конечно, — продолжал напряженно думать Анатолий Петрович, — можно собрать людей, сказать пламенную речь о важности их участия в общем деле. И я это обязательно сделаю! Но дураку понятно, что теперь, когда в магазинах стали наблюдаться сбои даже с продуктами первой необходимости, а промышленные вещи, в первую

очередь тот же велосипед, можно было купить лишь по блату или по распределению торговой комиссии при сельсовете, время голых призывов к жертвованию здоровьем, благом семьи, да и просто личной свободой безвозвратно прошло! Единственно, что может сегодня в труде заинтересовать народ — это, бесспорно, одно — деньги и только деньги... Значит, надо их во чтобы то ни стало достать... Пусть даже влезть в долг, но — достать!»

И, дополов с женой свои рядки первыми, Анатолий Петрович, отправив ее домой, сам пошел к людям, растянувшимся по огромному полю друг от друга на значительное расстояние, по пути твердо заверяя каждого, что тот, кто отработает до самого конца прополки всего многогектарного поля, получит премию уже в двойном размере. В ответ одни люди одобрительно кивали ему головой, другие — обещали подумать, третьи, а таких, к счастью, оказалось немного, были так измучены работой на жаре да еще и в наклонку, что хоть и выражали готовность работать и дальше, но Анатолий Петрович верно понимал: на них, увы, скорей всего, больше рассчитывать не стоит.

Управляющий центрального отделения зашел в кабинет директора в семь часов вечера. С заострившимся лицом, на котором глаза выражали сильную усталость, сначала молча сел за стол и, сняв запыленную кепку, положил ее на колени, вытер носовым платком вспотевший лоб и лишь потом вопросительно посмотрел на Анатолия Петровича.

— А что так смотришь, как будто забыл, для чего я тебя пригласил! — сказал тот. — Давай-ка не спеша, подробно доложи, сколько все-таки сегодня удалось прополоть!

— По моим подсчетам, выходит не менее десяти гектаров!

— Так ведь это пятая часть от всей площади капусты!

— Наверно, так и есть! Но, думаю, с каждым днем темп борьбы с сорняками, пусть постепенно, но будет падать — слишком уж тяжело дается прополка! Да еще на такой жаре, словно нарочно резко усилившейся с началом основных полевых работ!

— Дмитрий Иванович, ты не паникуй! Согласен, какого-то количества работников мы завтра точно не досчитаемся! Предвидя это, я решил удвоить самым стойким премию при окончательном расчете!

— Слышал! И дополнительные деньги, конечно, свою положительную роль сыграют. Только как бы, спасая капусту, мы не оставили на зиму без достаточного корма весь совхозный скот. Если с заготовкой сена еще можно некоторое время и потянуть, но к закладке силоса надо приступать немедленно, — зеленка уже в колос пошла. Не мне вам, Анатолий Петрович, объяснять, что это значит...

— Точно — не мне! Поэтому сегодня же из самых крепких, надежных мужиков создай звено в количестве десяти человек — и пусть они уже с утра приступят к работе... Но в первую очередь все же будем закладывать в траншею не зеленку, а лебеду с капустного поля. Неразумно позволять такому добру задаром пропадать! Да и лишнее количество сочного корма никогда не помешает.

— Какого добра?! Этой лебеды — сорняка, что ли?!

— Именно ее, которая, действительно, для капусты — смерть, а для буренок — самая что ни на есть жизнь! Или забыл, сколько в войну, можно сказать, миллионов сельчан она спасла от голодной гибели?!

— Извините, я в городе вырос, потому и неверно подумал!

— Это не беда, если сердцем примешь село! А вопрос с лебедой считай решенным! — сказал Анатолий Петрович. — И еще, будь добр, список всех работников, вдруг ушедших на больничный, предоставь мне к завтрашнему утру! После прополки разберемся, кому, в самом деле, противопоказана работа в наклонку, а кто является самым настоящим, без совести и чести, симулянтом! Слух о списке быстрее всякой молнии разлетится по поселку — и лоботрясы будут поставлены перед выбором: или все же вместе со всеми делить полевые тяготы, или, в конце концов, быть уволенными! А уж по какой статье, время решит...

— Анатолий Петрович! — чуть не взмолился управляющий. — Все ваши распоряжения верные и своевременные, но когда же я спать-то буду?! Да и дома меня совсем потеряют!..

— Во-первых, не ты один, поскольку, чтобы несколько разгрузить тебя и быть самому спокойным, контроль за поливальщиками этой ночью я буду осуществлять сам. Во-вторых... — Тут директор сделал паузу, как-то непонятно грустно посмотрел в глаза своего подчиненного и то ли шутя, то ли всерьез, продолжил: — Знаешь, Дмитрий Иванович, у нас с тобой на том свете будет столько времени, что и на невероятный отдых, и на ох какой долгий сон с лихвой хватит!..

— И все-таки — вам-то зачем за поливом следить? В конце концов, для этого в совхозе есть главный агроном!

— Согласен, это так! Но, к сожалению, должен констатировать, что пока только в штатном расписании он и значится... Исполняй он свои прямые должностные обязанности на совесть, с честью — не пришлось бы в такое горячее время, край нужное для закладки силоса и подготовки к сенокосу, устраивать поселковый аврал!

— Выходит, вы ему не доверяете?

— Отвечу так: не хочу работу, проделанную сегодня с таким трудом, пустить псу под хвост!.. Хоть ты и вырос в городе, но уже должен знать, что для

ускоренного роста капусты, начавшей получать в необходимом объеме солнечный свет и тепло, необходим полив, полив и еще раз — полив! А так называемых окладчиков, то есть людей, даром получающих деньги, наподобие нашего главного растениевода, всегда хватало, а вот, образно говоря, трубукладчиков и сегодня днем с огнем в необходимом числе вряд ли сыскать!

— А вы, Анатолий Петрович, случайно, не поэт?

— Даже и не знаю, что сказать! Но, по моему глубокому убеждению, все люди рождаются поэтами, но со временем по-настоящему становятся ими, увы, единицы! А ты почему меня об этом спросил?

— Да больно вы красноречиво говорите!

— Ах, если бы еще так и работать!.. Однако время бежит, а нам с тобой надо хоть немного отдохнуть. Будь здоров!

Анатолий Петрович, каким ни чувствовал себя уставшим, домой решил пойти пешком. По почти часовой дороге хотелось обдумать не только завтрашний день, но и, как шахматист, просчитать вплоть до самой уборки весь производственный ход совхоза. Ведь душу и сознание тревожила не одна сенозаготовка — надо было еще спешно готовить к долгой зиме котельные, теплотрассы, опрессовывать отопительные системы зданий школ, детских садов, клубов и больниц, а там, где они изнашивались, то и капитально ремонтировать, причем во всех пяти отделениях. Напряженно думая об этом, он, по профессии строитель, наверно, впервые в жизни с грустью отметил, что при его предшественнике за целый год так и не приступили к строительству ни одного серьезного объекта... Что там ни говори, а народная поговорка: «Сани надо делать летом, а телегу — зимой...» — была, есть и будет в сельском хозяйстве крайне актуальна.

Дневной зной окончательно спал, но почти от полного безветрия было душно, поэтому хоть и дышалось в полную грудь, но не без труда.

К тому же автомашины и мотоциклы, проезжая мимо по высохшему до скрипа под ногами песчаному полотну улицы, поднимали такие огромные облака пыли, что она долго висела в воздухе, влезала мошкаркой в глаза, словно напильник, драла гортань и, забивая нос, заставляла громко чихать, а насквозь пропитанную соленым потом рабочую одежду покрывала толстым серым слоем — и она на ходу аж сыпалась на землю. Но желанию осмыслить будущее в этот раз не суждено было сбыться. Едва Анатолий Петрович вышел на улицу Новую, всего лишь полтора года назад под его началом целиком построенную, как на него океанской волной нахлынули воспоминания...

В то время, когда он десятилетним мальчишкой был родителями приведен на постоянное место жительства в этот поселок, здесь со стародавних времен, отвоеванное у вековой тайги, простиралось в длину на добрый километр просторное поле, засеянное ячменем. Стоило напрячь память, как

перед глазами начинали ходить, словно в ветровом море, золотистые волны, своей солнечной красотой восхищая взгляд, радуя сердце. На огромных брезентовых полах, расстеленных по колкому жнивью, возвышалось внушительными горками промолоченное ядреное зерно, чтобы, обдуваемое горячим воздухом, скорей просохло. Через это поле был самый короткий путь до школы. И на протяжении целых долгих шести лет, с сентября по май, Анатолий проходил его два раза в день туда и обратно — осенью по непролазной слякоти, сквозь дожди, а зимой в сорокоградусные морозы, которые от дующего с юга сильного ветра и крутящегося по-над дорожным снежным полотном хиуса словно усиливались вдвое.

Казалось, что ветры, словно разъяренные медведи своими страшно когтистыми лапами, раздирали в кровь лицо. Они пробирались сквозь теплое ватное пальтишко до самых костей, вызывая в теле до дрожи сильный озноб. Чтобы напрочь не обморозить уши и щеки, порой приходилось, пригнувшись, шаг за шагом, идти против ветра спиной вперед, словно на ощупь в глубокой темени продираться через густую лесную чащу! Но стоило, миновав поле, войти в хвойный лес, как ветер с хиусом, словно запутавшись в густых ветвях, стихали, лишь верхушки сосен, мерзло поскрипывая, продолжали качаться из стороны в сторону. Воспоминание оказалось таким острым, что Анатолий Петрович, будто наяву, ощутил, как по телу пробежали холодные мурашки. Но вместе с тем тотчас появилась свежесть — и он ускорил шаг.

Взбежав по крыльцу на веранду, резко распахнул дверь — и замер, ибо перед ним во весь проем, прикрепленная к верхней колоде, свисала до самого пола техническая сероватая марля, позволяющая на всю ночь дверь оставлять открытой, чтобы остывший воздух освежал комнаты, а комары с мошкой и другие гнусы, в бессилии облепив марлю с уличной стороны, затихали... Осторожно отвернув марлю и войдя в коридор, Анатолий Петрович оказался в светлых сумерках. Посмотрев на окно, увидел, что оно занавешено плотными шторами. Вкусно пахло жареным картофелем и котлетами. Из кухни в синем переднике, с пылающими щеками, с вилкой в руке, выглянула сияющая Мария.

— Пришел наконец-то! — заботливо сказала она. — Давай скорей, дорогой муж, приводи себя в порядок и садись за стол!

— Слушаюсь, товарищ домашний командир! — шутливо в ответ произнес Анатолий Петрович, страшно радуясь перемене в настроении жены — с хмурого до веселого, — словно в природе, когда затяжные, нудные дожди наконец сполна сменяет солнечная погода.

На веранде сбросив с себя потную, пыльную одежду, набрал из бочки, стоящей возле калитки, полный таз воды. Поставил его на большую листовен-

ничную чурку — и, довольно пофыркивая, помылся, чувствуя, как влажная прохлада чудодейственным образом, словно рукой, отвалила от тела огромный камень усталости. В голове солнечно светились мысли: «А Мария-то — какая молодец! — несмотря на то, что сама тоже страшно устала, все же нашла в себе силы, пусть, понятно, не без помощи комендантши, но оборудовать гостиницу в семейное гнездо и даже приготовить вкусный ужин. В чем, в чем, а в активности ей не откажешь!» И тут он вдруг впервые в полной мере осознал, что у него, действительно, есть жена, с которой он может быть спокоен за свой, так сказать, тыл. И его душу с силой наполнила такая глубокая нежность к родной женщине, что он, весенним ветром влетев в кухню, на секунду-другую остановил горящий взгляд на прекрасном лице жены, затем, не говоря ни слова, подхватил ее на руки и понес в большую комнату, где одиноко стояла кровать. Мария, словно ждала этой минуты целую вечность, обвила его шею руками, всем горячим, упругим телом прижалась к нему, но все же обессиленно, заплетающимся языком, словно впадая в глубокий сон, прошептала:

— Милый, а ужин?..

Анатолий Петрович, порывисто дыша, приглушенно, но с сердцем, казалось, бьющимся в горле, ответил:

— Потом, родная, потом!..

Позже, уже в поздних вечерних сумерках, накрывших волной комнату, между шторами каким-то чудом проскользнул лунный свет и упал на лицо сладко спящей Марии. Любуясь милым образом, Анатолий Петрович с душой, умиротворенно тающей, как восковая свеча от огневого пламени, неожиданно вспомнил стихи великого русского поэта Николая Некрасова, как никакие другие, соответствующие времени и его душевному состоянию, и несколько раз умиленно прочитал про себя:

«...Если проза в любви неизбежна, / так возьмем и с нее долю счастья: / после ссоры так полно, так нежно / возвращенье любви и участия...» □

Продолжение следует.

ПОЗВОНИТЕ СЫНУ

В блоке интенсивной терапии чистота и порядок. Один на ИВЛ, другой на водителе ритма. Тяжелый пациент по определению не может быть стабильным, но мы с дежурным врачом Михаилом Борисовичем знали, эти двое еще нас переживут, поэтому дядя Миша откупорил бутылку красного полусухого и разлил в два стакана.

— Но ты много не пей, — сказал он, — тебе еще больного принимать.

— Больного? — нахмурился я.

— Уже везут. Не осложненный инфаркт. Сейчас примем, потом закроемся.

Существовал негласный лимит: врач по дежурству должен принять хотя бы одного пациента, чтобы было что доложить на утренней пятиминутке начальству.

Вообще-то прием пациентов — дело врачей блока, но, под личиной «обучающего процесса», эта функция всецело легла на плечи ординаторов, и, надо сказать, был в этом здравый смысл... но все равно не хотелось, ведь надо еще сделать обход в отделении, написать пару дневников ...

Дядя Миша годится мне в деда, он учит меня не только медицине.

— Лентяй — человек, который НЕ делает вид, что работает, — как-то сказал он.

— Михаил Борисович, гениально!

— Это цитата. Ты, кстати, — лентяй.

Я не хочу таковым быть, но вынужден признать, что это так.

Но рассказ совсем не о том. О чем — я толком не знаю, только вот иногда так бывает...

Больного привезли ближе к полуночи. Крепкий, поджарый дед семидесяти лет. У него спокойное, красивое лицо, изрезанное глубокими морщинами. Загадочным иероглифом они хранят историю жизни, тайны, секреты и мечты Трифонова Олега Ивановича.

— Сильно болит? — спросил я.

— Сейчас уже меньше.

— Дали морфий 15 минут назад, — пояснил врач «скорой».

Я расписался в бланке о приеме пациента за дежурного врача, и карета «скорой помощи» укатила.

— Оцените боль по десятибалльной шкале, когда болело максимально сильно, — попросил я.

Это вопрос не столько медицинский, сколько «на вшивость». Врач хочет слышать конкретный ответ на четко поставленный вопрос.

Трифонов секунду подумал и ответил:

— 6–7 баллов.

Молодец, — подумал я.

Подошел Михаил Борисович. В своей деликатной манере чуть пообщался с пациентом.

— Вы у нас кем работали?

— Бывший метростроитель.

— Слышал, Глеб? Таких людей надо особо ценить. Повнимательнее: анамнез, осмотр. — И обратился к больному: — У вас инфаркт. Сами понимаете, хорошего мало, но его удалось ограничить. Рубец на сердце, конечно, будет, но маленьким.

— Не больше, чем оставила супруга? — уточнил Трифонов.

— Можете ей позвонить, — улыбнулся дядя Миша.

— Схоронил как три года, — мрачно ответил больной.

— Вот об этом сейчас лучше не думать, — вставил я.

— Слушайте и слушайтесь молодого специалиста, — поддержал Михаил Борисович. — Сейчас ваша жизнь вне опасности. Отдыхайте. — Он похлопал Олега Ивановича по ноге и ушел.

Я же остался, что называется, оттачивать мастерство. Случай типичнейший. Сестры, опережая команды, уже приготовили необходимые инфузии и препараты — взаимодействуем без слов. Наконец анамнез собран, осмотр проведен, лечение назначено. «Отдыхайте», и вот уже я ухожу вслед за дядей Мишей.

Мы ужинаем все вместе греческим салатом, запивая вином со льдом.

— Хороший дядька, — говорю я.

— А ты брат не хотел.

— Да не говорил я такого, Михаил Борисович!

— Ты, Глебушка, меня не проведешь.

— Я его, пожалуй, под свое крыло возьму, — заключаю я.

— А мне можно? — смеется сестра Катя.

Я, улыбаясь, киваю, но мне не нравятся шутки такого рода.

— А как же я? — развивает тему дядя Миша.

— Вы старый!

За окном осень, ветер, ночь. В больнице сестры, запахи их парфюма и медикаментов, борьба за жизнь или отсутствие таковой. Там и здесь уныние, тоска.

Очередной забор крови. Я беру жгут, шприц, подхожу к Олегу Ивановичу. Он просыпается и смотрит в пространство отсутствующим взглядом.

— Все нормально?

Трифонов медленно кивает головой и тихо спрашивает:

— Вы можете позвонить моему сыну?

— Конечно. Но лучше завтра, уже поздно.

— Позвоните сейчас. Он поймет. Только скажите, что это я попросил. Пусть он приедет завтра. Это очень важно, потому что в шесть часов вечера я умру.

— Да что за глупости? Олег Иванович, вы абсолютно стабильны! И вообще, что за настрой такой?!

— Я просто вас прошу, позвоните.

— Хорошо...

Я наполнил пробирки кровью и озадаченный вернулся в каморку к Михаилу Борисовичу.

— Трифонов говорит, что умрет завтра в шесть часов вечера.

Дядя Миша, оторвавшись от журнала, коротко взглянул на меня и бросил:

— Пошли!

Войдя в палату, он присел на край кровати пациента:

— Ну что, голубчик, помирать собрались?

Олег Иванович, слегка задумался и проговорил в ответ:

— Мне кажется, я уже готов. Так вы позвонили сыну?

Я набрал номер и передал ему трубку, а мы с Михаилом Борисовичем вернулись к себе.

— Почему вы не попытались его переубедить? — спросил я.

— Вот ты, молодой, веришь в Бога и Судьбу?

— Нет и нет, — ответил я. — А вы?

— Не знаю. Но точно знаю, что завтра он не умрет. — Дядя Миша смотрел на кривую ЭКГ Трифонова, которая on-line выводилась на монитор в нашей каморке. — У него нет для этого никаких возможностей, и мы ему не позволим. Так ведь, Глебушка?

Я закивал.

— А кому во что верить — это дело лично каждого. Уволь меня от вравоучений, а сейчас иди спать. Он же сказал завтра, а сегодня иди спать.

Утром Михаил Борисович поблагодарил меня за помощь и передал дежурство другому врачу, умолчав о сомнительном предсказании Трифонова о собственной смерти. На пятиминутке я доложил о новом пациенте, тоже не упомянув слова больного, и подтвердил, что буду его лечащим врачом.

Сын появился около 11 часов. Бедолага приковывал на костылях. Правая нога его была загипсована. Я вышел к нему и протянул один бахил, мы посмеялись.

— Когда сломали? — спросил я.

— Вчера.

— Не надо было вас звать, приехали бы позднее.

— Не-е-т, — протянул он, — что вы?! Правильно, что позвонили. Вы знаете, у него дар предвидения. Отец еще ребенком предсказал смерть бабушки, потом матери — за несколько месяцев вперед, и, наконец, жены. Он ни разу не ошибался. Так что это очень и очень серьезно.

— Ваш отец абсолютно стабилен. Инфаркт маленький, гемодинамика в норме, нарушений ритма, повторных приступов стенокардии нет. Кардиограмма хорошая. Я не представляю, что должно случиться.

— Дай Бог, все обойдется, — пожал плечами сын. — Ведь все ошибаются.

Они провели вместе около трех часов. Это не принято в блоке, но мы не стали возражать. Новой смене врачей я соврал, что сын уезжает на долгий срок, поэтому попросил провести с отцом больше времени.

К трем часам дня я закончил всю работу, но решил остаться. Подойду к Трифонову после шести и спрошу как бы невзначай: «Ну, как дела? Все хорошо?» Бога нет. Судьба не предначертана. А что касается самого себя, то я буду жить долго и счастливо, потому что Я ТАК ХОЧУ.

Не зная, чем себя занять, я подошел к кровати Олега Ивановича в пятом часу. Приятный он все-таки мужик. Если бы не этот его заскок, цены бы ему не было как пациенту! Он спокойно лежал, не фокусируя взгляда на чем-то конкретно, а, завидев меня, улыбнулся:

— Интересно вам, молодой человек?

— Вы не отказываетесь от своих слов?

— Нет.

— Но с чего вы взяли? Откуда эта уверенность? Ваш сын рассказал мне про ваши предсказания...

Олег Иванович похлопал по кровати рядом с собой, призывая меня сесть. Я сел.

— Вчера, до того как вы пришли брать кровь, я был в полудреме, но видел ясно, как вас сейчас, человека. Он был одет в какую-то темно-коричневую мантию. Я был уверен, что это мужчина, но когда он повернулся, я увидел лицо своей покойной жены. Она сказала: «Завтра в шесть часов вечера твоя земная жизнь закончится, и мы с тобой встретимся. Ничего не бойся. Будь спокоен». А потом пришли вы, и образ рассыпался как мозаика. Я посмотрел на место, где она сидела, так же, как вы сейчас, и... вы можете встать?

Я поднялся.

— И, так же, как сейчас после вас, я увидел углубление в кровати, а когда провел по нему рукой, оно было теплым.

Меня не впечатлишь такими трюками, поэтому я ответил:

— Сон и морфий. — А уже уходя, оглянулся и спросил: — Но вы же не хотите умирать?

— Не хочу.

17.40.

Резонанс частоты сердечных сокращений больного с ходом секундной стрелки настенных часов блока — шестьдесят ударов в минуту.

Пациент посмотрит на часы на запястье, а я молча буду стоять в углу и наблюдать.

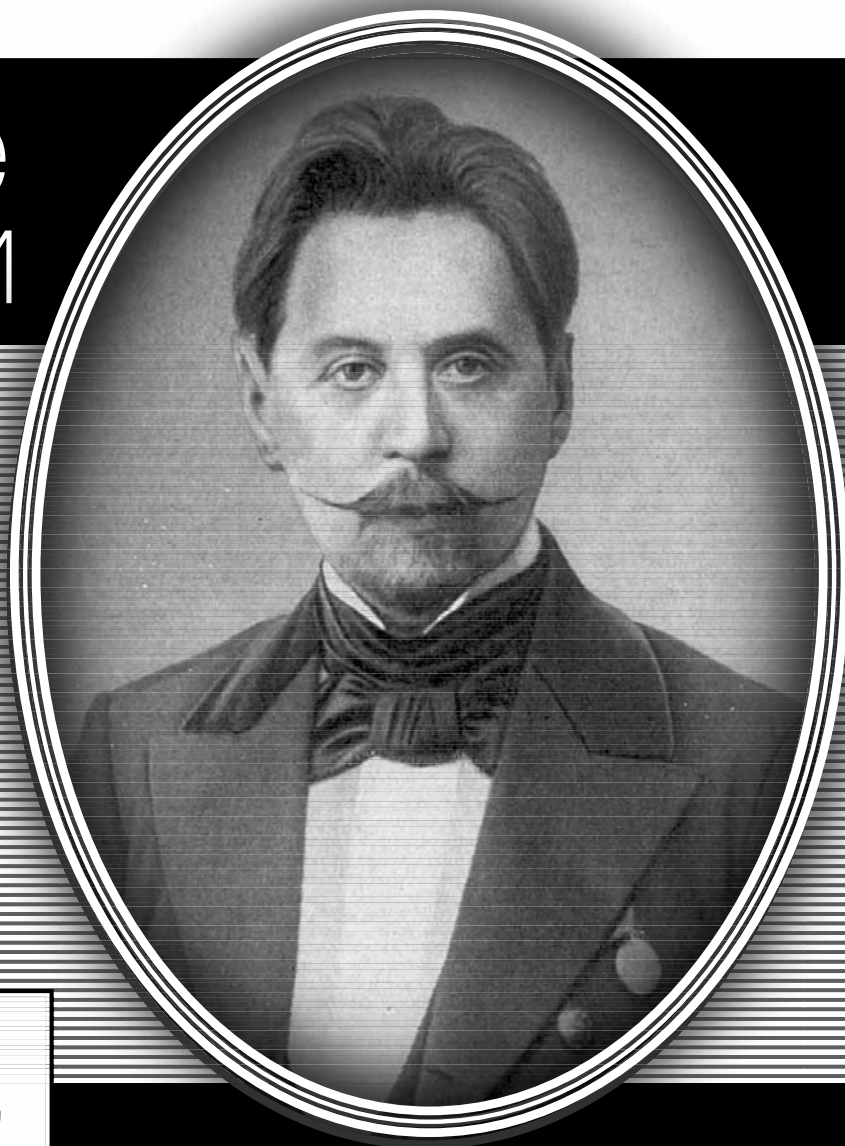
Когда Олег Иванович потеряет сознание, с лица его исчезнет какое-либо выражение. Реанимационные мероприятия в полном объеме — от дюжины разрядов в 300 джоулей. В промежутках между ними непрямо́й массаж сердца и пара сломанных ребер. Еще несколько обезображивающих процедур уже над мертвым телом как доказательство врачебных усилий.

— Закончили, — скажет врач, посмотрев на часы в начале седьмого.

Сын воспримет случившееся внешне спокойно, в посмертном вскрытии откажет. □

Юрий Осипов

Тихие
песни

А И ннокентия Анненского

16 октября 1886 года по навощеному паркету приемной директора Царскосельской Императорской Николаевской гимназии твердым спокойным шагом прошел худощавый человек средних лет в темном длиннополом сюртуке и, скрипнув резной створкой двери, скрылся в кабинете. Секретарь, дожидавшийся нового директора с папкой неотложных бумаг, поспешил следом за ним, гадая, каким начальником тот окажется.

Иннокентий Федорович Анненский, сменивший на этом посту неизвестного Льва Георгиевского, оказался начальником хоть и строгим, но хорошим. Даже очень. Во многом именно благодаря его десятилетнему директорству Николаевская гимназия заняла особое место среди учебных заведений России. И точно так же, как о Царскосельском лицее принято говорить, как о «Пушкинском», Царскосельскую гимназию с полным правом можно назвать «Анненской».

Иннокентий Федорович действительно обладал талантом выдающегося педагога и деятеля отечественного просвещения. Однако при этом он был также замечательным поэтом, одним из зачинателей символизма, предтечей акмеизма и футуризма, а еще — драматургом, филологом-эллинистом и литературным критиком нового направления.

Родился Иннокентий Федорович Анненский в Омске, 20 августа 1855 года. Отец его, Федор Николаевич, служил начальником отделения Главного управления Западной Сибири. Туда его командировали из столицы в 1849 году, а когда Кеше исполнилось пять лет, отозвали обратно в Петербург, где назначили чиновником по особым поручениям в Министерстве внутренних дел. Тогда же маленький Кеша тяжело заболел. Болезнь дала осложнение на сердце — сердечником он был всю свою жизнь.

К тому времени их отец разорился, ввязавшись в какую-то финансовую аферу, и внезапно умер от апоплексического удара. Иннокетий вынужден был оставить частную гимназию и готовиться к поступлению в университет самостоятельно, в чем ему помогал старший брат, у которого он поселился, и который заменил ему отца. Мать поэта, Наталья Петровна, урожденная Карамолина, предположительно происходившая

из рода Ганнибалов, умерла в 1889 году.

Николай Федорович Анненский, экономист-статистик в Министерстве путей сообщения, публицист, ученый, глава знаменитого издания «Русское богатство», стал настоящим ангелом-хранителем осиротевшей семьи. Он и его жена, Александра Никитична, педагог и детская писательница, исповедовали идеи народничества, верили в светлые идеалы. Им обоим Иннокентий Федорович был, по собственному признанию, «всецело обязан интеллигентным бытием».

Книжный мальчик, с детства влюбленный в литературу, рос «слабым, болезненным ребенком... почти без товарищей, среди людей, которые были старше меня», — признавался поэт впоследствии в «Моем жизнеописании». В 1875 году он поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет.

Стихи Анненский начал писать еще в детстве. Но свои первые поэтические опыты прятал, после того как сестры обнаружили и высмеяли его поэму «Магали», где была такая строка: «Бог шлет с небес ей сладостную фигу». В молодости, будучи уже студентом, продолжал писать стихи, которые никому не показывал, относясь к ним крайне критически.

Перед каждым поэтом рано или поздно встает вопрос: чем зарабатывать на жизнь. Анненский зарабатывал преподаванием, хотя куда с большим удовольствием уединился бы со своими стихами и переводами. Преподавал он в основном «мертвые» языки, являясь по сути «классицистом», однако вел также курсы античной литературы и русского языка, даже теорию словесности, обдумывал методику преподавания детям языка и литературы.

Из университета Иннокентий Федорович выпустился в 1879 году с кандидатской степенью. А за два года до окончания университета без памяти влюбился. Его избранницей была Надежда (Дина) Валентиновна Сливицкая, дочь отставного генерал-майора, небогатая помещица, в первом браке Борщевская, мать двух сыновей. Первого мужа она горячо любила, овдовела в 26 лет и вдовствовала долгих 12 лет, занимаясь воспитанием сыновей. Те учились плохо, и перед окончанием гимназии Дина Валентиновна наняла им на время летних каникул репетитора.

Это и привело ее к знакомству со студентом второго курса Иннокентием Анненским, нуждавшимся тогда в подработке.

Платон и Эммануил были немногим моложе своего двадцатитрехлетнего учителя, а их матери исполнилось уже 46. При этом ее исключительная красота не померкла, и Анненского ничто не остановило. Он бросился в любовь, как в омут с головой. Их роман развивался стремительно, и уже осенью они поженились. Еще не оперившийся молодой человек принял на себя, как пишет в своих воспоминаниях его племянница Татьяна Богданович, «заботу о большой семье, привыкшей к обеспеченной, почти богатой жизни, и считал предметом своего честолюбия, чтобы жена и ее дети ни в чем не ощутили разницы с прежней жизнью».

Стремясь должным образом содержать их, начинающий гимназический преподаватель брал до 56 уроков в неделю. Такое и здоровому человеку было бы не под силу... И все же Анненский чувствовал себя счастливым. В 1880 году Дина Валентиновна родила ему сына Валентина. Несмотря на весьма противоречивые мнения мемуаристов об этом почти тридцатилетнем «неразлучном» браке, все сходится в том, что отношения супругов оставались по-своему теплыми и близкими вплоть до кончины поэта.

Любой брак — тайна. И не нам судить, как протекала семейная жизнь

Иннокентия Федоровича, когда разница в его возрасте с женой сделалась особенно ощутимой. Так или иначе, в ранний период их брака Дина Валентиновна, безусловно, придала ему новый творческий импульс, желание преуспеть, выдвигаться по службе. До вступления в почетнейшую генеральскую (чин действительного статского советника) должность директора Николаевской гимназии Анненский за 17 лет педагогической деятельности прошел нелегкий путь — от заштатного

сты, видели в нем только высокую худую фигуру в вицмундире, которая иногда грозила нам длинным белым пальцем, а в общем очень далеко держалась от нас и наших дел».

Подобное суждение не совсем верно. Факты свидетельствуют, что Иннокентий Федорович за годы директорства привязался к учащимся гимназии, и те отвечали ему взаимностью. Авторитетом и уважением он пользовался также и в кругу преподавателей, считавших его человеком абсолютной порядочности и

Перед каждым поэтом рано или поздно встает вопрос: чем зарабатывать на жизнь. Анненский зарабатывал преподаванием, хотя куда с большим удовольствием уединился бы со своими стихами и переводами. Преподавал он в основном «мертвые» языки, однако вел также курсы античной литературы и русского языка, даже теорию словесности, а еще обдумывал методику преподавания детям языка и литературы

преподавателя латинского и греческого языков петербургской гимназии Гуревича до директора 8-й столичной гимназии.

Профессор Б.Райков, учившийся там при Анненском, оставил нам его мемуарный портрет той поры:

«...о его поэтических опытах в ту пору решительно ничего не было известно. Его знали лишь как автора статей и заметок на филологические темы, а свои стихи он хранил про себя и ничего не печатал, хотя ему было уже лет под сорок. Мы, гимнази-

честности, безупречного воспитания, как говорили тогда, человеком «хорошего тона».

Вот почему в октябре 1896 года министр просвещения граф И. Делянов предложил ему освободившийся пост директора Царскосельской Николаевской гимназии. Более чем лестное предложение, тем паче к нему кроме генеральского чина прилагался солидный оклад содержания, Анненский поначалу отклонил — уж больно не хотелось ему расставаться с полюбившейся

гимназией. Делянов, однако, откровенно сознался, что «отказ от назначения поставит его в затруднительное положение», поскольку у министерства нет другой подходящей кандидатуры, которую можно было бы без опасений направить в Царское Село. Подразумевались бли-

зость гимназии ко Двору и необходимое ее директору умение соблюдать этикет при общении с лицами императорской фамилии, которые данное учебное заведение патронировали.

Иннокентию Федоровичу не оставалось ничего другого, как согла-

ситься, и он с семьей перебрался из Петербурга в Царское Село, где получил просторную служебную квартиру при гимназии и казенный выезд. Имелись у директора и некоторые другие привилегии.

Службой Анненский тяготился всю жизнь. Помимо обязанностей директора гимназии и преподавателя греческого языка он был еще классным наставником, к которому учащиеся обращались со своими заботами и проблемами, кроме того, участвовал в работе Ученого комитета народного просвещения при Академии наук, писал статьи на педагогические темы. И в то же время продолжал заниматься творчеством: перевел все трагедии Еврипида, создал свои пьесы на темы античных трагедий, работал над литературно-критическими эссе, которые собирались в две уникальные «Книги отражений», изданные у нас в серии «Литературные памятники».

Но главным, сокровенным делом оставалась для него поэзия. На письменном столе директора Николаевской гимназии стоял ларец кипарисового дерева, где копились стихотворения, признанные впоследствии одной из поэтических вершин XX века, но непонятые и не оцененные современниками. Только в 1904 году Анненский впервые рискнул издать свой сборник стихов с характерным названием «Тихие песни» и под псевдонимом «Ник. Т-о». Псевдоним читался как «Никто» и, к тому же, отсылал читателя к аналогичному от-

вету хитроумного Одиссея на вопрос, как его зовут, пленившему их в пещере циклопу Полифему.

Первая поэтическая книга И. Анненского увидела свет, когда ее автору было 48 лет. Это едва ли не самый поздний дебют в русской литературе. Второй, посмертный сборник стихов составил и издал сын поэта, назвав его «Кипарисовый ларец». Можно сказать, что по-настоящему Анненский жил только в своих стихах.

*Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда....*

.....
*Если ж верить тем шепотам
бреда,
Что томят мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искаленной белой рукон.*

Этот маленький шедевр раннего символизма — не просто зарисовка по памяти, возвращающей лирического героя к парковому пруду, где на дне покоятся обломки античных скульптур. Здесь есть и более глубокий смысл: «обломки» напоминают о цельном, прекрасном мире, от которого поэт отторгнут, но которому он, в свою очередь, нужен.

Индивидуализм присущ декадентскому мироощущению. Однако индивидуализм Анненского — совершенно особого свойства. С одной стороны, его поэзия предельно сосредоточена на внутреннем «я», дышит

острым чувством одиночества. А с другой — этот индивидуализм существует в динамике, «на грани» переживания своих отношений с тем, что «не-я», с чужим сознанием, с внешним миром.

*А где-то там мнутяся средь огня
Такие ж «я», без счета
и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске
существованье.*

На фотографии И. Анненского в группе выпускников Николаевской гимназии 1899 года мы видим его, чопорного, в длиннополом черном

воспитанников-гимназистов — тоже. «Постыдным и тягостным делом, которым я себя закрепостил», — называл Иннокентий Федорович директорство в гимназии. Даже в такой привилегированной, царскосельской. Материальные обстоятельства вынуждали выдающегося поэта оставаться на этом посту. Подобная раздвоенность жизни приводила к тому, что в почтенных стенах Николаевской гимназии «находилась только его официальная, облеченная в форменный сюртук оболочка», а главная часть жизни, незримо для посторонних глаз, протекала в отделен-

За годы директорства в гимназии Иннокентий Федорович очень тепло относился к учащимся, и те отвечали ему взаимностью. В кругу преподавателей он также пользовался авторитетом и уважением. Они считали Анненского человеком абсолютной порядочности и честности, безупречного воспитания, как говорили тогда, человеком «хорошего тона»

пальто и цилиндре, резко контрастирующего с непринужденно расположившимися вокруг гимназистами в форменных шинелях и фуражках. За спиной — слегка похожий на отца затаенно-мечтательным выражением лица и все же больше принадлежащий им, шинельным одноклассникам, сын Иннокентия Федоровича Валентин Кривич. Сына он любил, хоть и не всегда понимал, своих

ном от гимназических классов рабочем кабинете.

«Очень высокий и стройный, он своим обликом напоминал тех кавалеров, какие попадались на французских иллюстрациях 60-х годов. Сходство с ними усиливал покрой его щегольского платья с подчеркнутым уклоном в моду 60-х годов... На манер французских дворян времен III империи подстригал он и

*Надежда
(Дина)
Валентиновна
Сливицкая*

свою бородку, от которой всегда пахло тонкими духами и фиксажем. Длинные ноги его с очень высоким подъемом над ступней, плохо гнулись, и походка тоже получалась какая-то напряженная и деланная. Среди филологов и педагогов такая фигура была совсем необычна», — так описывал И. Анненского один из бывших преподавателей Николаевской гимназии.

Почти все мемуаристы отмечали, что Иннокентий Федорович представлял собой причудливое сочетание разных обликов, противоречивших один другому. Мало кто из гимназистов мог предположить, что его превосходительство, действительный статский советник, директор первой в стране гимназии и тонкий поэт, сочиняющий модернистские стихи, а также критические

разборы поэзии русских символистов, — одно и то же лицо.

«Анненский казался нам директором-чудаком, — признавался выпускник его гимназии искусствовед Н. Пуни, второй муж А. Ахматовой. — В Гостином дворе в книжной лавке Митрофанова уже которую зиму за стеклом в окне, засиженном мухами, стоял экземпляр книги стихов: Ник-то «Тихие песни», и мы знали, что это сборник стихов Анненского. Никто из нас в ту пору этой книги не читал, но если бы даже и читал — самый факт: директор пишет стихи — ни в коей мере не соответствовал царскосельским представлениям о директоре и его времяпрепровождении, и в наши головы не укладывался».

Коллеги-педагоги вспоминали, что Иннокентий Федорович был «кумиром своих учеников», отмечая его блестящий дар слова и великолепное знание европейской и русской литературы. *«Он умел вдохнуть нам любовь к нашему делу и давал полный простор в проявлении наших сил и способностей. Ну, а ученики, со всем богатством радости в юношеских, бродивших умах, со всей переливавшейся жаждой к искреннему слову... тянулись к тому настоящему, что было спрятано в этом человеке, когда официальный мундир чуть-чуть расстегивался».*

Хуже протекало его директорство в административном отношении. О неспособности Анненского директора поддерживать должный

порядок в стенах вверенной ему гимназии писал ее выпускник 1913 года известный поэт Н. Оцуп:

«...при Анненском в классах устраивались митинги, гимназисты под партами распивали водку, издевались над учителями, и умнейший русский лирик должен был, слегка шепелявя и вызывая этим насмешки учеников, просить и убеждать их, без всякого успеха, конечно».

Увы, было в последние годы его директорства и такое. Эти проблемы Анненского по служебной линии начались в 1905 году, когда волнения учащейся молодежи, вызванные первой русской революцией, не обошли стороной и Николаевскую гимназию. Несмотря на серьезность положения, Иннокентий Федорович все равно старался не вмешиваться в дела своих воспитанников, защищал гимназистов перед начальством учебного округа и родителями провинившихся учеников, выступал против репрессивных мер в отношении их. Вместе с тем он, насколько мог, старался оградить гимназию от «влияния улицы».

Независимая позиция директора и, главное, его нерешительность в установлении строгого порядка вызвали растущее недовольство учебного руководства. Некогда образцовая гимназия оказалась теперь на плохом счету. Это, в конце концов, привело к «добровольной» отставке И.Ф. Анненского с поста директора 1 января 1906 года, хотя никаких официальных обвинений ему предъ-

явлено не было. На следующий день предписанием управляющего петербургским учебным округом он сдал гимназию назначенному на его место Я. Мору.

Из-за ухода Анненского гимназию вынуждены были покинуть ее священник А. Рождественский и ряд преподавателей, разделявших педагогические взгляды бывшего директора.

Отставка не принесла Иннокентию Федоровичу долгожданной свободы для творчества. Прокормить семью на скудные литературные гонорары (да и печатался он редко) не получалось, и Анненский занял должность инспектора учебного округа. И все-таки, несмотря на частые утомительные поездки, эта должность не шла в сравнение с каждодневным директорским трудом и позволяла писать стихи.

Каждый большой поэт приходит в литературу с какой-то своей главной, отличительной темой, по которой мы его опознаем, и исчерпывает ее глубоко, всесторонне. Поэтому существуют определения: «лермонтовская тема», «тютчевская», «некрасовская». Центральная тема поэзии Иннокентия Анненского — тяготы и печали обыденного существования, человеческое одиночество. Вместе с тем восприятие демократических заветов русской литературы XIX века, влияние брата-народника, сливаясь в его стихах с психологической утонченностью, рождали свое-

образный демократический эстетизм, чувство виновности поэта за обостренность немотивированных переживаний, за страх и тоску жизни.

*Я — слабый сын больного
поколенья
И не пойду искать альпийских
роз,
Ни ропот волн, ни рокот ранних
гроз
Мне не дадут отрадного
волненья.*

.....
*А еще потому, что в сияньи
сильней
И люблю я сильнее в разлуке
Полусвет-полутьму наших
северных дней
Недосказанность песни и муки...*

Литературное влияние Анненского на возникшие вслед за символизмом такие яркие течения русской поэзии, как акмеизм и футуризм, очень велико. Особенно сильно оно сказалось на Пастернаке и его последователях, Ахматовой, Г. Иванове и многих других.

Прекрасные образцы русской импрессионистической критики дал он в двух «Книгах отражений», где стремился истолковывать художественное произведение путем сознательного продолжения себя в творчестве разбираемого автора. Причем еще задолго до формалистов Анненский в своих критико-педагогических статьях 1880-х годов призывал внедрять в средней школе на уроках

литературы систематическое изучение не только содержания, но и формы художественных произведений.

Погруженный в себя, разрываясь между службой и творчеством, он мало с кем общался из собратьев по перу. Как это часто случается, значение Анненского-поэта и литературного критика открылось уже после смерти. Хотя тот же Блок еще при жизни Иннокентия Федоровича удивлялся притягательности его

стихов, а Гумилев ими восторженно зачитывался.

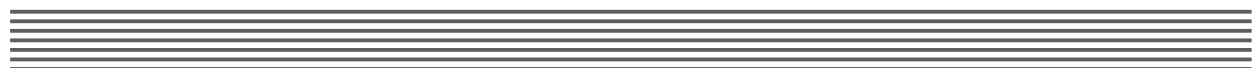
В последние годы, чувствуя упадок сил, он все более тяготился рутинной учебной работой в государственных гимназиях, на который ничем не мог повлиять. Казенную квартиру при Николаевской гимназии ему пришлось освободить, но Анненский с семьей остался жить в Царском Селе, переехав в один из домов врача А. Эбермана на Москов-

ском шоссе. 26 октября 1909 года он подал прошение об отставке. Через месяц прошение было удовлетворено. А спустя 10 дней поэт внезапно умер от сердечного приступа на ступеньках петербургского Царскосельского вокзала после длинного, утомительного дня.

Т. Богданович писала: *«Иннокентий Федорович, проезжавший на извозчике мимо вокзала, вдруг сделал знак извозчику, чтобы он повернул к вокзалу. Сойдя с него, он сделал шаг и сразу же упал со всего роста на ступени лестницы. Проходивший врач... констатировал моментальную смерть от разрыва сердца. Мне*

ло немало тех, кому Анненский помог продолжить образование, им и их детям.

Для большинства провожавших его в последний путь он являлся видным деятелем просвещения, гуманным гимназическим директором. Для просвещенного меньшинства — крупным филологом. И лишь присутствовавшие на похоронах члены редакции «Аполлона», ведущего журнала Серебряного века, — М. Кузмин, М. Волошин, А. Толстой, С. Маковский — прощались с ним как с близким по духу автором-символистом их журнала. Был там и Н. Гумилев, для которого эта смерть стала личным горем.

Каждый большой поэт приходит в литературу с какой-то своей главной, отличительной темой. Не напрасно существуют определения: «лермонтовская тема», «тютчевская», «некрасовская». Центральная тема поэзии Иннокентия Анненского — тяготы и печали обыденного существования, человеческое одиночество, которая сливалась с психологической утонченностью и эстетизмом

вспомнилось потом, как Иннокентий Федорович говорил шутя: "Я бы не хотел умереть скоростижно. Это все равно, что уйти из ресторана, не расплатившись"».

Отпевали Иннокентия Анненского 4 декабря 1909 года в церкви Николаевской гимназии, где он в течение десяти лет присутствовал в качестве директора на богослужениях. На панихиде в его доме и на отпевании в церкви бы-

«Мы хоронили его на Казанском кладбище Царского Села,— вспоминал С. Маковский. — ...собор был битком набит учениками и ученицами всех возрастов. Чувствовалось, что ушел человек незабываемый... Он лежал в гробу, торжественный, официальный, в генеральском сюртуке Министерства народного просвещения. И это казалось последней насмешкой над ним — Поэтом».

Инноцентий Анненский

*В ароматном краю в этот день голубой
Песня близко: и дразнит, и вьется;
Но о том не спю, что мне шепчет прибой,
Что вокруг и цветет, и смеется.*

*Я не трону весны — я цветы берегу,
Мотылькам сберегаю их пыль я,
Миг покоя волны на морском берегу
И ладьям их далекие крылья.*

*А еще потому, что в сияньи сильней
И люблю я сильнее в разлуке
Полусвет-полутьму наших северных дней,
Недосказанность песни и муки...*

Две любви

С.В. ф.-Штейн

*Есть любовь, похожая на дым;
Если тесно ей — она дурманит,
Дать ей волю — и ее не станет...
Быть как дым, — но вечно
молодым.*

*Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь
и день...*

Еще один

*И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно тень
Берет усталого без боя.*

*Как мало их! Еще один
В лучах слабеющей
Надежды*

*Уходит гордый паладин:
От золотой его одежды*

*Осталась бурая кайма,
Да горький чад... воспоминанья*

*.....
Как обгорелого письма
Неповторимое призванье.*

Листопад

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллея
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...

О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?..

Поэзия.

сонет

Творящий дух и жизни случай
В тебе мучительно слиты,
И меж намеков красоты
Нет утонченней и летучей...

В пустыне мира зыбко-жгучей,
Где мир — мираж,
влюбилась ты

В неразрешенность разнозвучий
И в беспокойные цветы.

Неощутима и незрима,
Ты нас томишь, боготворима,
В просветы бледные сквозя,
Так неотвязно, неотдуманно,
Что, полюбив тебя, нельзя
Не полюбить тебя безумно.

Сентябрь

Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат. □

КРАСНЫМ ОТПЕЧАТОК

БОЛЬШОГО ПАЛЬЦА

Глава 12 Несбывшееся

Оставалась всего неделя до начала судебного процесса. Через восемь дней загадка почти наверняка будет решена (если ее вообще можно решить), так как суд обещал быть не слишком продолжительным, а затем Рубен Хорнби станет либо осужденным преступником, либо свободным человеком, с которого будет смыта печать обвинения.

В то утро, о котором я сейчас рассказываю, я заметил из окна своей гостиной, по Краун-Оффис-роу идет, не спеша, мистер Энсти и, по всей видимости, направляется к нашей квартире. Я ожидал прибытия Джульет и предпочел бы в этот момент быть один, учитывая, что Торндайк уже ушел. Правда, моя прекрасная поработительница не должна была появиться раньше, чем через полчаса, но кто мог сказать, как долго Энсти пробудет у нас, и удастся ли мне сбежать?

Громкий стук дверного молотка возвестил о прибытии нарушителя спокойствия, и, когда я открыл дверь, Энсти вошел с видом человека, для которого трата лишнего часа времени не будет иметь никаких последствий. Он пожал мне руку с притворной важностью и, усевшись за столом, начал сворачивать сигарету с невыносимой неспешностью.

Журнальный вариант. Окончание. Начало в №8, 2016.

— Я предполагаю, — проговорил он, — что наш ученый собрат работает в волшебном кабинете наверху, или он уже отправился в путешествие?

— Сегодня утром у него консультация, — ответил я. — Он ждал вас?

— Очевидно, нет, иначе был бы здесь. Но я лишь заглянул, чтобы задать вопрос о деле нашего друга Хорнби. Вы знаете, что оно будет рассматриваться в суде на следующей неделе?

— Да, Торндайк говорил мне. Что вы думаете о перспективах Хорнби? Идет ли дело к тому, что он будет осужден, или все же добьется оправдания?

— Мы, — выразительно похлопал себя по груди Энсти, — собираемся добиться оправдательного приговора. Кстати, я надеюсь, что не разглашаю секреты вашего патрона?

— Ну, — ответил я с улыбкой, — вы более откровенны, чем когда-либо был Торндайк.

— В самом деле? — воскликнул он с притворным беспокойством. — Тогда я должен заставить вас поклясться в соблюдении тайны. Торндайк так замкнут — и, в сущности, прав. Я не перестаю им восхищаться. Но, вижу, вы хотите, чтобы я убрался к черту, так что дайте мне сигару, и я уйду — хотя и не в этом направлении.

Я предложил ему свою коробку, из которой он выбрал сигару, тщательно принявываясь, затем церемонно попрощался и удалился вниз по лестнице, весело напевая под нос мелодию из новой комической оперы.

Буквально через пять минут легкий, аккуратный стук маленького медного молотка заставил мое сердце выскочить из груди. Я бросился к двери и, распахнув ее, увидел Джульет.

— Могу я войти? — спросила она. — Я хотела бы сказать вам несколько слов перед тем, как мы отправимся в путь.

Я посмотрел на нее с тревогой, ибо она была явно взволнована, а рука, пожимавшая мою, дрожала.

— Я очень расстроена, доктор Джервис, — сказала она, отказываясь от предложенного мною кресла. — Мистер Лоули изложил нам свои взгляды на дело бедного Рубена, и его позиция приводит меня в смятение.

— Повесить мистера Лоули! — пробормотал я, после чего поспешно извинился. — Что заставило вас пойти к нему, мисс Гибсон?

— Я не ходила к нему, он пришел к нам. Обедал с нами вчера вечером — он и Уолтер — и держался крайне мрачно. После обеда Уолтер отвел в сторону нас обоих и спросил его, что он думает об этом деле. Его точка зрения весьма пессимистична. «Мой дорогой сэр, — сказал он, — единственный совет, который я могу дать вам, — это приготовиться перенести несчастье так философски, как только можете. По моему мнению, ваш кузен

почти наверняка будет осужден. Я не вижу, какие факты могут обнаружиться, и я не слышал от доктора Торндайка ничего, что заставило бы меня предположить, будто он действительно добился чего-то в этой области». Это правда, доктор Джервис? О! Скажите мне правду, Рубен все же отправится в тюрьму?

— Это неправда, — ответил я, беря ее за руку и невольно понижая тон, чтобы не выдать своих чувств. — Если бы это было так, выходит, я преднамеренно ввел вас в заблуждение, к тому же был неверен нашей дружбе, а она на самом деле слишком много для меня значит.

— Вы не сердитесь на меня? — порывисто проговорила Джульет. — Было глупо с моей стороны слушать мистера Лоули после всего, что вы говорили, это выглядит так, будто я не поверила вам. Вы не обиделись, ибо это ранило бы меня сильнее всего?

— Конечно, нет, и вы не должны винить себя. Я понимаю, вы встревожены и страдаете, но ничто не может быть более естественным. Так что позвольте мне прогнать ваши страхи и вернуть вам вашу уверенность. Я уже говорил вам, что Торндайк сказал Рубену: есть основания надеяться, что его невиновность станет очевидной для каждого. Одно этого должно быть достаточно.

— Я знаю, что должно, — пробормотала она с раскаянием, — пожалуйста, простите меня за мои сомнения.

— Но, — продолжал я, — я могу привести вам слова того, чьему мнению вы придадите больше веса. Мистер Энсти был здесь менее получаса назад...

— Вы имеете в виду адвоката Рубена?

— Да.

— И что он говорил?

— Он сказал, что почти уверен в оправдательном приговоре, и что обвинение ждет большой сюрприз. Он, кажется, в высшей степени доволен тем резюме, с которым ему предстоит выступить, и с великим восхищением говорит о Торндайке.

— Он действительно так сказал? — Голос Джульет прерывался и дрожал. — Какое облегчение, — бессвязно пробормотала она, слабо улыбнулась дрожащими губами и внезапно разразилась рыданиями.

Едва осознавая, что делаю, я мягко привлек ее к себе и зашептал какие-то слова утешения. Через некоторое время она пришла в себя и, вытерев слезы, посмотрела на меня немного застенчиво:

— Мне стыдно за себя, что я пришла сюда и плачу у вас на груди, как великовозрастное дитя. Надеюсь, другие ваши клиенты не ведут себя подобным образом.

Тут мы оба громко рассмеялись и, таким образом восстановив наше эмоциональное равновесие, вспомнили о том, зачем мы встретились.

— Как вы думаете, мы опоздаем? — спросила Джульет, глядя на часы.

— Надеюсь, что нет, — ответил я, — потому что Рубен будет ждать нас, но мы все же должны поторопиться.

Я схватил свою шляпу, и мы быстро вышли из дома. На Флит-стрит я окликнул кеб, и, устроившись рядом со своей прекрасной спутницей, погрузился в раздумья.

«Кристофер Джервис, что ты делаешь? Ты человек чести или жалкий, ничтожный мерзавец? Ты, доверенное лицо этого несчастного джентльмена, в своем черном сердце строишь планы, как украсть у него то, что для него дороже свободы и даже чести? Стыдись, жалкий слабак! Покончи с этими заигрываниями и выполняй свои обязательства, как джентльмен или, по крайней мере, как честный человек!»

— Мой юридический консультант, кажется, размышляет на какую-то глубокую и важную тему, — с вкрадчивой улыбкой заметила Джульет.

— Ваш юридический консультант, мисс Гибсон, — ответил я, — размышлял о том, что он, кажется, вышел далеко за пределы своей юрисдикции.

— В каком смысле? — спросила она.

— Передавая вам информацию, которая была доверена ему на условиях строгой секретности,

— Но ведь информация не носила слишком секретного характера?

— Она более секретная, чем кажется. Видите ли, Торндайк считает важным не дать обвинению заподозрить, что у него есть что-то в рукаве, и держит в неведении даже мистера Лоули.

— И теперь вы думаете, что я заставила вас обмануть его доверие. Не так ли? Но вы можете положиться на меня: я не передам ни единого слова кому бы то ни было.

Я поблагодарил ее за это обещание, а затем мы перешли на более банальные темы и даже не заметили, что кеб уже остановился у тюремных ворот...

Когда наш визит был завершен, я испытал почти облегчение, узнав, что мы не должны возвращаться вместе на Кингс-Кросс, как это было у нас заведено, что Джульет поедет обратно на омнибусе, чтобы сделать некоторые покупки на Оксфорд-стрит, а я отправлюсь домой один.

Я видел, как она села в омнибус, и стоял на тротуаре, с тоской глядя на этот неуклюжий транспорт, пока он исчезал вдалеке. Наконец, с вздохом глубочайшего отчаяния, я повернулся и, бредя, как во сне, пошел по направлению к своему дому.

Глава 13

Убийство по почте

Через пару дней после моей последней встречи с Джульет произошло событие, которое определенно уменьшило испытываемое мной напряжение, и отвлекло мои мысли, хотя и не весьма приятным образом.

Это случилось после обеда, когда мы удобно устроились каждый в своем кресле и за трубкой обсуждали одну из множества тем, представлявших интерес для нас обоих. Почтальон только что опустил в почтовый ящик лавину писем и рекламных проспектов, и я время от времени посматривал на Торндайка, с некоторым удивлением наблюдая, как он тщательно исследует со всех сторон каждое письмо и пакет, перед тем как вскрыть их.

— Я заметил, Торндайк, — рискнул я заговорить, — что вы всегда рассматриваете письмо снаружи, прежде чем заглянуть внутрь. Я видел и других людей, делающих то же самое, и это всегда казалось мне очень глупым. Зачем это делать, если один взгляд на содержимое скажет вам все, что нужно знать?

— Вы совершенно правы, — ответил он, — если цель исследования — узнать, кто отправитель письма. Но моя цель не в этом. Неоднократно я находил снаружи письма ценные указания, прикладываемые к его содержанию. Вот, например, что вы скажете об этом? — Торндайк протянул мне маленький сверток, к которому шнурком был прикреплен ярлык с напечатанным адресом, на оборотной стороне имелась надпись «Джеймс Бартлетт и сыновья, производители сигар, Лондон и Гавана».

— Боюсь, — сказал я, тщательно исследуя каждую часть пакета, — для меня это слишком сложно. Единственное, что я заметил, — адрес напечатан очень неумело. В остальном пакет кажется самым обычным.

— Что ж, одно интересное обстоятельство вы, во всяком случае, заметили, — усмехнулся Торндайк, забирая у меня пакет. — Давайте исследуем его внимательно и запишем все, что увидим. Во-первых, это обычный багажный ярлык, который вы можете купить у любого торговца канцелярскими принадлежностями вместе с прилагающимся к нему отдельным шнурком. Производители обычно используют более солидный образец, который прикрепляется шнурком самого пакета. Но это мелочи. Что гораздо более поразительно, это адрес на ярлыке. Он напечатан и, однако, как вы сказали, напечатан очень плохо. Вы знаете что-нибудь о пишущих машинках?

— Очень мало.

— Значит, вы не узнаете эту модель? Что ж, этот ярлык был напечатан на «Бликенсдерфере» — отличная машинка, но не той разновидности, ко-

торая обычно выбирается для работы в офисе. Эта модель, самая маленькая и легкая, спроектирована специально для использования журналистами и литераторами. Этот ярлык был напечатан на литературной машинке или, по крайней мере, шрифтовым колесом от этой модели; обстоятельство весьма примечательное.

— Откуда вы это знаете? — спросил я.

— По звездочке, напечатанной по ошибке. Человек, который печатал это письмо, сразу видно, неопытен, он нажал рычажок со значком, а не с буквой. К тому же в двух местах ему не удалось оставить пробелы между словами, он сделал пять опечаток и в двух случаях напечатал значки вместо букв. Литературное шрифтовое колесо — единственное, имеющее звездочку. Таким образом, мы сталкиваемся с поразительным фактом, потому что, даже если какой-то промышленник выбрал «Блик» для использования на своем предприятии, непостижимо, чтобы он предпочел литературную модель.

— Да, — согласился я, — это весьма необычно.

— А теперь, — продолжил Торндайк, — вскроем посылку и посмотрим на ее содержимое.

Он разрезал внешнюю обертку острым ножом, явив нашим взорам плотную картонную коробку, обернутую в несколько рекламных листов. Когда мы сняли крышку, то увидели, что коробка содержит одну-единственную сигару — большую, с обрезанными кончиками — обернутую в вату.

— Трихи, клянусь Юпитером! — воскликнул я. — Ваша любимая прихоть, Торндайк.

— Да; но есть одна аномалия, которая могла бы избежать нашего внимания, если бы мы не были в состоянии боевой готовности. Что написано в рекламных листовках? А! Вот оно: «Господа Бартлетт и сыновья, владельцы плантаций на острове Куба, производят свои сигары исключительно из отборных листьев, выращенных ими самими». Вряд ли они смогли бы сделать трихинопольскую сигару с обрезанным кончиком из листа, выращенного в Вест-Индии, так что мы имеем здесь поразительную аномалию в виде ост-индской сигары, посланной вест-индским плантатором.

— И что вы из этого заключаете?

— Прежде всего, что эта сигара заслуживает самого внимательного исследования. — Торндайк достал из кармана мощную лупу, с помощью которой исследовал каждую часть поверхности сигары и, наконец, оба кончика. — Взгляните на маленький кончик, — сказал он, передавая мне сигару и лупу, — и скажите мне, если заметите что-нибудь.

Я направил лупу на срез туго скрученного листа и тщательно исследовал каждую его часть.

— Мне кажется, — сказал я, — что лист слегка развернут в центре, как если бы его приподняли тонкой проволокой.

— Так кажется и мне, — ответил Торндайк, — и, поскольку в этом мы пришли к согласию, продолжим наше исследование и сделаем следующий шаг.

Он положил сигару на стол и при помощи острого перочинного ножа с тонким лезвием тщательно разделил ее вдоль на две половины. Несколько секунд мы стояли в оцепенении, созерцая разрезанную сигару. На расстоянии примерно в полдюйма от ее маленького кончика виднелась небольшая круговая дорожка какого-то вещества цвета мела.

— Снова наш изобретательный друг, как я полагаю, — сказал, наконец, Торндайк, беря одну из половинок сигары и исследуя белую дорожку через лупу. — Глубокий ум, Джервис, и к тому же оригинальный. Я бы хотел, чтобы его таланты были приложены в каком-нибудь другом направлении. Мне придется заявить ему протест, если он начнет причинять беспокойство. Но в этот раз он был не так умен, потому что оставил один-два следа, посредством которых его личность может быть установлена.

— В самом деле! И какие же это следы?

— Давайте посмотрим, какую информацию это изобретательное лицо предоставило нам о себе, — произнес Торндайк, удобно располагаясь в кресле. — Во-первых, он, очевидно, сильно заинтересован в моей немедленной кончине. Почему он столь настойчиво желает моей смерти? Может это быть вопрос собственности? Вряд ли, потому что я далеко не богатый человек, а условия моего завещания известны лишь мне одному. Далее, может ли это быть вопросом личной вражды или мести? Думаю, нет. По моему глубокому убеждению, у меня нет личных врагов. Остается лишь моя профессия следователя по правовым и криминальным вопросам. Его заинтересованность в моей смерти должна быть, таким образом, связана с моей профессиональной деятельностью. Наш друг, видимо, считает, что я обладаю какой-то эксклюзивной информацией относительно него, и что я — единственный человек в мире, который может обвинить его. Не зная, что я сообщил свои сведения третьей стороне, он, скорее всего, предполагает, что, удалив меня, тем самым обезопасит себя.

Следующий пункт — выбор сигары довольно необычного сорта. Почему он послал трихинопольскую вместо обычной гаванской, которую Барлетты действительно выпускают? Это выглядит так, как если бы он знал о моем пристрастии и, принимая во внимание мои личные вкусы, принял меры предосторожности против того, чтобы я передал сигару другому лицу. Мы можем, таким образом, сделать вывод, что наш друг располагает некоторыми знаниями о моих привычках.

Дальше: каково социальное положение этого благородного незнакомца, которого мы назовем X? Бартлетты не посылают свою рекламу и образцы продукции Томасу, Ричарду и Генри. Они посылают их, главным образом, богословам, юристам, врачам или людям со средствами и положением. Верно, что оригинальную упаковку мог сделать какой-нибудь клерк, мальчик на посылках или домашний слуга, но, вероятнее всего, X использовал собственную упаковку, и это подтверждается фактом, что он способен получить доступ к сильному алкалоидному яду — каковым несомненно является это вещество.

— В этом случае он, вероятно, медик или химик, — предположил я.

— Не обязательно, — ответил Торндайк. — Любой обеспеченный человек, имеющий необходимые знания, может раздобыть любой яд, какой пожелает. Но общественное положение — важный фактор, из чего мы можем заключить, что X принадлежит, по меньшей мере, к среднему классу. Кроме того, он человек исключительного ума, изобретательный и находчивый. Сигара с обрезанными кончиками была выбрана, видимо, по двум причинам: во-первых, это самый подходящий сорт для того, чтобы ее выкурило намеренное лицо, во-вторых, ей не надо было обрезать кончик, что могло бы привести к обнаружению яда. Далее, природа яда и определенное сходство процедур позволяют отождествить X с велосипедистом, использовавшим ту своеобразную пулю. Яд в данном случае — некристаллическое вещество белого цвета, которое, как покажет анализ, принадлежит к числу самых сильных алкалоидов. Он был введен в сигару в виде спиртового или эфирного раствора посредством подкожного шприца. Таким образом, мы можем считать доказанным предположение, что пуля и сигара происходят от одного и того же лица. Таковы наши основные факты, к которым мы можем добавить предположение, что X приобрел «Бликенсдерфер» с литературным шрифтовым колесом. Что до возраста машинки, есть очевидные признаки изношенности, ибо некоторые буквы потеряли свою четкость, что наиболее очевидно для тех букв, которые используются часто — например, «н», как вы заметите, весьма потерта, а «н» встречается достаточно часто. Следовательно, машинка, если и приобретена недавно, куплена из вторых рук.

— Но, — возразил я, — это вообще может быть не его машинка.

— Это возможно, — ответил Торндайк, — хотя, учитывая секретность, которая была ему необходима, вероятнее, что он купил ее. Но, так или иначе, у нас есть возможность идентифицировать машинку, если мы когда-нибудь столкнемся с ней.

Он взял ярлык и передал его мне вместе с карманной лупой.

— Взгляните на «н», которое мы обсуждали, оно встречается четыре раза, в словах «Торндайк», «Бенч» и «Иннер». В каждом случае вы заметите

маленький разрыв в перекладине на середине буквы. Этот разрыв соответствует крошечной вмятине на литере — появившейся, вероятно, в результате удара каким-то маленьким, твердым предметом.

— Я могу различить его довольно отчетливо, — сказал я, — и это очень ценное основание для идентификации.

— Почти определяющее, — ответил Торндайк, — особенно если присоединить его к другим фактам, которые могут быть установлены в результате поиска человека, удовлетворяющего упомянутым мною характеристикам. А в настоящий момент я намереваюсь поместить все эти предметы в безопасное место. Завтра вы отправитесь со мной в больницу и увидите, как я предоставлю кончики сигар в распоряжение доктора Чэндлера, который сделает анализ и сообщит о природе яда. После этого мы будем действовать тем способом, который представится наилучшим.

Глава 14

Поразительное открытие

День суда, которого ждали так долго, наконец, настал, и история, о которой я взялся рассказать, устремилась к финалу. Для меня эта история во многих отношениях была серьезнейшим моментом в жизни. Она не только освободила меня от монотонной тяжелой работы и перенесла в жизнь, полную новизны и драматических, интересных событий, но и показала мне, какой подъем переживает наука, и возродила мою близость с товарищем студенческих дней.

В это утро Полтон находился в крайнем возбуждении от перспективы разрешения загадок, которые так безжалостно терзали его любопытство, и даже Торндайк, изменив своему обычному спокойствию, демонстрировал признаки нетерпения и предвкушения развязки.

— Я взял на себя смелость сделать некоторые небольшие приготовления, связанные с вами, — сказал он за завтраком, — за которые вы, надеюсь, не осудите меня. Я написал миссис Хорнби, которая вызвана в качестве свидетельницы, что вы встретите ее в конторе мистера Лоули и проводите в суд ее и мисс Гибсон. Вместе с ними может прийти Уолтер Хорнби, если так и будет, постарайтесь добиться, чтобы он пошел в суд вместе с Лоули.

— Вы не придете в контору?

— Нет. Я отправлюсь прямо в суд вместе с Энсти. Кроме того, я ожидаю суперинтенданта Миллера из Скотланд-Ярда, который, возможно, пойдет с нами.

— Рад слышать это, — сказал я, — мне было беспокойно при мысли, что вы смешаетесь с толпой, не имея никакой защиты.

— Что ж, как видите, я принимаю меры предосторожности против слишком изобретательного Х, и никогда не простил бы себе, если бы позволил ему убить меня до того, как я завершу защиту Рубена Хорнби. А, вот и Полтон — этот человек сегодня утром как на иголках, он бродит по комнатам взад и вперед с тех пор, как проснулся.

— Верно, сэр, — сказал Полтон, ничуть не смутившись, — нет нужды отрицать это. Я пришел спросить, что мы возьмем с собой в суд.

— Вы найдете коробку и портфель на столе в моей комнате, — ответил Торндайк. — Хорошо было бы взять еще микроскоп и микрометр, хотя вряд ли они нам понадобятся, это все, я полагаю.

— Коробку и портфель, — повторил Полтон с любопытством. — Да, сэр, я возьму их. — Он открыл дверь и собирался выйти, но, увидев посетителя, поднимающегося по лестнице, вернулся назад.

— Мистер Миллер из Скотланд-Ярда, сэр, проводить его сюда?

— Да, будьте добры.

Высокий, военного вида человек вошел в комнату и поздоровался, бросив в то же самое время на меня изучающий взгляд.

— Доброе утро, доктор, — сказал он отрывисто. — Я получил ваше письмо и привел двух людей в штатском и одного в форме, как вы предлагали. Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы за домом наблюдали?

— Да, и человек в форме тоже. Я сообщу вам детали через некоторое время — то есть если вы согласитесь с моими условиями.

— Полностью довериться вам и никому ничего не сообщать? Ну, конечно, я предпочел бы, чтобы вы изложили мне все факты и позволили действовать обычным порядком, но, если вы ставите условия, у меня нет выбора, кроме как принять их, учитывая, что все карты у вас на руках.

Видя, что разговор носит конфиденциальный характер, я почел за лучшее удалиться, отправившись в контору юриста.

Мистер Лоули встретил меня с церемонностью, которая граничила с враждебностью. Он, очевидно, был глубоко оскорблен подчиненной ролью, которую был вынужден играть в деле, и отнюдь не старался скрыть этот факт.

— Мне сообщили, — сказал он ледяным тоном, когда я объяснил свою миссию, — что миссис Хорнби и мисс Гибсон должны встретиться с вами здесь. Эта договоренность заключена не мною, ни одна из договоренностей в этом деле не заключена мною. На всем его протяжении со мной обращались без церемоний и доверия, что поистине позорно. Даже сейчас я — представитель защиты — полностью в неведении относительно того, какой планируется линия защиты, впрочем, скорее всего, я окажусь

вовлеченным в фиаско. О, кажется, я слышу голос миссис Хорнби, и, поскольку ни вы, ни я не располагаем временем, чтобы тратить его на праздничный разговор, я бы предложил вам отправиться в суд безотлагательно. Желаю вам доброго утра!

Действуя в соответствии с этим весьма прозрачным намеком, я отступил в помещение для клерков, где нашел миссис Хорнби и Джульет, первую — непритворно плачущую и напуганную, вторую — спокойную, хотя бледную и взволнованную.

— Нам лучше отправиться прямо сейчас, — сказал я после того, как мы обменялись приветствиями. — Возьмем кеб или пойдем пешком?

— Думаю, пойдем пешком, если вы не возражаете, — ответила Джульет. — Миссис Хорнби хочет сказать вам несколько слов до того, как мы придем в суд. Видите ли, она вызвана свидетельницей и боится сказать что-нибудь, что может повредить Рубену.

— Кто прислал повестку? — спросил я.

— Мистер Лоули, — ответила миссис Хорнби, — и я отправилась повидать его по этому поводу уже на следующий день, но он ничего мне не сказал — казалось, он не знал, зачем я понадобилась, и он не был со мной любезен — вовсе нет.

— Я думаю, ваши показания будут связаны с «Пальцеграфом», — предположил я. — Ведь вы не знаете больше ничего, имеющего отношение к этому делу.

— Именно так сказал и Уолтер! — воскликнула миссис Хорнби. — Я пошла к нему, чтобы обсудить это. Он был очень расстроен, и, я боюсь, перспективы бедного Рубена кажутся ему очень мрачными. Надеюсь, что он ошибается! Уолтер был так заботлив, исполнен сочувствия и в высшей степени услужлив. Расспросил меня обо всем, что я знала об этой ужасной книжечке, и записал мои ответы. Затем записал вопросы, которые мне, скорее всего, зададут, вместе с моими ответами, чтобы я могла прочесть их и запомнить. Разве это не мило с его стороны! Я попросила его напечатать их на машинке, чтобы мне можно было читать их без очков, и он сделал это прекрасно. Сейчас эта бумага у меня в кармане.

— Я не знал, что мистер Уолтер умеет печатать, — насторожился я. — У него есть своя печатная машинка?

— Это не печатная машинка в точном смысле слова, — ответила миссис Хорнби, — это маленький предмет с большим количеством маленьких круглых кнопок, на которые надо нажимать, кажется, «Диккенсблерфер» — смешное название, не правда ли? Уолтер купил ее у одного из своих литературных друзей примерно неделю назад, но уже довольно умело ею пользуется, хотя все же делает кое-какие ошибки, как вы можете видеть. — Она

замолчала и начала искать карман, который был скрыт в каких-то сокровенных тайниках ее одежды, абсолютно не осознавая, какое воздействие произвело на меня ее объяснение. Ибо, когда она говорила, мне сразу же вспомнился один из пунктов, которые Торндайк перечислил мне для идентификации таинственного Х. «Вероятно, он относительно недавно приобрел подержанный «Блик» с литературным шрифтовым колесом».

Миссис Хорнби, наконец, отыскала свой карман и, извлекая из него сафьяновый кошелек, торжествующе воскликнула:

— А! Вот он! Я положила это сюда для сохранности, зная, как легко могут очистить карманы на этих людных лондонских улицах. — Она открыла это объемистое местохранилище и вытащила что-то вроде концертного, состоявшее из многочисленных отделений, набитых клочками бумаги, мотками лент и шелка для вышивания, пуговицами, образцами материи для платьев и разнообразным хламом, перемешанным с золотыми, серебряными и медными монетами. — Теперь взгляните вот на это, доктор Джервис, — сказала она, передавая мне сложенную бумагу, — и дайте мне совет относительно того, как я ответила.

Я развернул листок и начал изучать его с жадным любопытством. При первом же взгляде на него я почувствовал, как закружилась голова, а сердце неистово забилося. Ибо бумага была озаглавлена «Показания относительно «Пальцеграфа», и в каждом из трех маленьких «н», которые встречались в этом предложении, я ясно видел при ярком дневном свете маленький разрыв или интервал в перекладине буквы.

Я был буквально ошеломлен. Одно совпадение вполне возможно и даже вероятно, но два сразу, причем второе столь примечательного характера, были уже за пределами разумных границ вероятного. Идентификация, казалось, не допускала сомнений, и все же...

— Я вижу, миссис Хорнби, — сказал я, — что в ответе на вопрос, откуда вы получили «Пальцеграф», вы говорите: «Я не помню точно, думаю, что купила его в книжном киоске на вокзале». Насколько я понимаю, его принес в дом и дал вам сам Уолтер.

— Я думала так же, — ответила миссис Хорнби, — но Уолтер говорит, что это не так, и, конечно, он должен помнить лучше, чем я.

— Но, дорогая тетя, я уверена, что это он дал его вам, — вмешалась Джульет. — Вы не помните? Это было в тот вечер, когда к обеду пришли Колли, и мы были так озабочены, чем бы их развлечь, когда к нам присоединился Уолтер и принес «Пальцеграф».

— Да, теперь я вспоминаю это достаточно хорошо, — ответила миссис Хорнби. — Как удачно, что вы напомнили мне. Мы должны изменить этот ответ.

— Если бы я был на вашем месте, миссис Хорнби, — произнес я, — то не обращал бы на эту бумагу никакого внимания. Она лишь запутает вас и создаст вам трудности. Отвечайте на вопросы, которые вам зададут, так, как сможете, и, если не будете помнить, так и скажите.

— Да, это самый мудрый план, — согласилась Джульет. — Позвольте доктору Джервису позаботиться об этой бумаге и положитесь на вашу собственную память.

— Очень хорошо, моя дорогая, — ответила миссис Хорнби, — я сделаю то, что вы считаете наилучшим, а вы можете забрать бумагу, доктор Джервис, или выбросить ее.

Я без лишних слов положил бумагу в карман, и мы отправились в путь, миссис Хорнби — выплескивая свои чувства в потоках слов, а Джульет — молча и рассеянно. Я пытался сосредоточиться на словах старшей леди, но мысли мои постоянно возвращались к бумаге, которая лежала в моем кармане, и поразительному решению, которое она, казалось, предлагала загадке отравленной сигары.

Возможно ли, чтобы Уолтер действительно был подлым X? Это кажется невероятным, потому что до сих пор на него не падало ни тени подозрения. Однако нельзя отрицать, что его описание весьма примечательным образом соответствовало описанию гипотетического X. Он человек с некоторыми средствами и положением в обществе, обладает значительными знаниями и навыками в механике, хотя о его изобретательности я не мог судить. Недавно он купил подержанный «Бликенсдерфер», у которого есть характерная отметина на маленьком «н». Остальные два пункта не так ясны. Я не мог сказать, обладает ли Торндайк какой-то эксклюзивной информацией о нем, и был склонен сомневаться, что он осведомлен о привычках моего друга, пока внезапно не вспомнил — испытав приступ угрызений совести — о тех подробностях, которые сообщил Джульет, и которые она по наивности легко могла сообщить Уолтеру. Например, я рассказал ей о том, что Торндайк предпочитает трихинопольские сигары с обрезанными кончиками, и об этом она могла сказать Уолтеру, у которого имелся запас таких сигар. О времени нашего прибытия на Кингс-Кросс я уведомил ее в письме, никоим образом не конфиденциальном, и снова не было причин, почему бы эти сведения не могли попасть к Уолтеру, который должен был присутствовать на семейном обеде. Совпадений было предостаточно, однако все же не верилось, что кузен Рубена может оказаться коварным злодеем и иметь мотив для такого грязного преступления.

Мои размышления были прерваны миссис Хорнби, которая сжала мою руку и испустила глубокий вздох. Мы достигли угла Олд-Бейли, и перед нами выросли хмурые стены Ньюгейта. За этими стенами Рубен Хорнби

был заключен вместе с другими узниками, ожидавшими суда; и взгляд на массивную каменную кладку, ставшую серой от городской грязи, вернул меня к драме, которая так близко подошла к своей кульминации.

Мы молча шли вниз по старой улице, наполненной столькими воспоминаниями о скрытых от людских глаз трагедиях; в сторону угрюмой тюрьмы, пока не подошли к входу в здание суда.

Здесь я испытал немалое облегчение, увидев, что Торндайк ждет нас. Я не мог смотреть, как миссис Хорнби, несмотря на поистине героические усилия, которые она прилагала, чтобы сдержать свои чувства, была в одном шаге от истерики, а восковые щеки и испуганные глаза Джульет, внешне спокойной и невозмутимой, выдавали ее страх.

— Мы должны быть храбрыми, — мягко сказал Торндайк, взяв миссис Хорнби за руку, — и не расстраивать грустными лицами нашего друга, которому пришлось так много вынести и который переносит испытания так терпеливо. Еще несколько часов, и, я надеюсь, мы увидим, что его честь, если не свобода, будет восстановлена. Вот и мистер Энсти, который, мы уверены, сможет доказать его невиновность.

Энсти, уже надевший парик и мантию, важно кивнул, и через убогий, грязный вход мы прошли в темный холл и по лестнице поднялись на площадку, от которой расходилось несколько коридоров. По одному из них — своего рода «черному ходу», начинавшемуся дверью из металлических прутьев, — мы прошли до черной двери, на которой была начертана надпись: «Вход для адвокатов и клерков».

Энсти распахнул перед нами дверь, и мы вошли в зал суда, вызвавший у меня чувство разочарования. Он был меньше, чем я ожидал, простой по убранству и грязный настолько, что казался убогим. Лишь балдахин над креслом судьи — обитым красной байкой и увенчанным королевским гербом, — алые подушки на скамьях и большие круглые часы на галерее, украшенные позолоченным профилем и важно тикавшие, придавали этому месту некоторое достоинство.

Следуя за Энсти и Торндайком в зал суда, мы расположились на третьей спереди скамье, одной из тех, что были предназначены для адвокатов, и начали осматриваться по сторонам, в то время как два наших друга уселись на передней скамье рядом с центральным столом. Здесь, на первом месте справа, уже сидел барристер, погруженный в лежавшее перед ним краткое изложение дела. Прямо перед нами были места для присяжных, возвышавшиеся одно над другим, и на этой же стороне зала — скамья для свидетелей. С правой стороны над нами располагалось кресло судьи, а непосредственно под ним — сооружение, напоминающее церковную кафедру или конторку с медным ограждением, за которым человек

в сером парике — судебный клерк — затачивал перо. Слева от нас находилась скамья подсудимых, а над ней, почти под потолком, располагалась галерея для зрителей.

— Что за отвратительное место! — воскликнула Джульет, сидевшая между мной и миссис Хорнби. — И каким омерзительным и грязным здесь все выглядит! Подумать только, Рубен должен будет присутствовать в таком месте! — с горечью добавила она.

Ее слова были прерваны топотом ног на галерее вверху, и над деревянным парапетом начали появляться головы зрителей. Несколько младших адвокатов гуськом прошли на места перед нами, мистер Лоули и его клерк заняли кресла, предназначенные для поверенного со стороны защиты, офицер полиции устроился за столом возле скамьи подсудимых, а инспекторы, сыщики и полицейские стали собираться в дверях или заглядывать в зал суда через застекленные отверстия в дверях.

Глава 15

Эксперты по отпечаткам пальцев

Шум разговоров в зале внезапно стих. Дверь позади помоста распахнулась, адвокаты, солиситоры и зрители встали, вошел судья, за которым следовали лорд-мэр, шериф и другие чиновники, их одеяния, равно как и цепи на шее, полагавшиеся им по должности, придавали им живописный и эффектный вид. Когда судья занял свое место, все взоры обратились к скамье подсудимых.

Чуть позже за ограждением показался Рубен Хорнби в сопровождении надзирателя. Шагнув к решетке, Рубен остановился, держался он спокойно и с полным самообладанием, оглядывая зал суда с некоторым любопытством. На мгновение его глаза остановились на группе друзей и доброжелателей, сидящих позади адвокатов, и легкая тень улыбки появилась на его лице. Но он тут же отвернулся и за все время процесса больше ни разу не посмотрел в нашу сторону.

Помощник секретаря поднялся и, глядя в обвинительный акт, который лежал перед ним на столе, обратился к заключенному:

— Рубен Хорнби, вы обвиняетесь в том, что девятого или десятого марта злонамеренно похитили пакет с алмазами, принадлежащий Джону Хорнби. Вы виновны или невиновны?

— Невиновен, — ответил Рубен.

Помощник секретаря, записав ответ заключенного, продолжил:

— Джентльмены, чьи имена будут названы, образуют жюри, которое рассмотрит ваше дело. Если вы захотите заявить отвод кого-либо из них, вы должны сделать это, когда этот человек выйдет, чтобы принести присягу, но до того, как он ее принесет. Затем вас выслушают.

Рубен кивнул в знак того, что понял, и приведение к присяге началось.

Когда последний член присяжных завершил это действие, пристав повернулся к суду и зрителям и торжественно объявил:

— Если кто-то может сообщить милордам королевским судьям, королевскому генеральному атторнею или королевскому судебному приставу о какой-либо измене, убийстве, тяжком уголовном преступлении или проступке, совершенном или сделанном обвиняемым, пусть он выйдет и будет выслушан.

За этим заявлением последовало глубокое молчание, и после короткой паузы помощник секретаря повернулся к присяжным:

— Господа присяжные, подсудимый по имени Рубен Хорнби обвиняется в том, что девятого или десятого марта он преступно украл и унес партию бриллиантов, принадлежащих Джону Хорнби. На это обвинение он ответил, что невиновен, и ваша задача — исследовать, виновен он или нет, и выслушать показания.

Закончив свое обращение, он сел, а судья, пожилой человек с тонкими чертами лица, глубоко посаженными глазами, густыми седыми бровями и очень большим носом, несколько мгновений внимательно рассматривал Рубена поверх пенсне в золотой оправе. Затем повернулся к адвокату на ближайшей скамье и слегка кивнул.

Барристер кивнул в ответ, поднялся, и я в первый раз увидел вблизи сэра Гектора Трамплера, королевского адвоката, представителя обвинения. Его внешность не производила благоприятного впечатления — он был крупным человеком с довольно красным лицом — и не содержала в себе ничего из ряда вон выходящего, исключая разве что общее впечатление неопрятности. Его мантия свалилась с одного плеча, парик сидел криво, а пенсне ежеминутно грозило соскользнуть с носа.

— Дело, которое я должен представить вам, милорд и господа присяжные, — начал он ясным, хотя и немзыкальным голосом, — это дело, подобные которому часто встречаются в суде. Это дело, где мы увидим безграничное доверие, столкнувшееся с вероломным обманом, бесчисленные благодеяния, за которые было отплачено подлейшей неблагодарностью, дело, где мы станем свидетелями сознательного отречения от жизни, исполненной достойного трудолюбия, ради извилистой и ненадежной преступной стези. Факты, изложенные кратко, таковы: истец в этом деле —

мистер Джон Хорнби, металлург и торговец драгоценными металлами. У мистера Хорнби два племянника, осиротевшие сыновья двух его старших братьев, и я могу сказать вам, что со времени кончины их родителей он был отцом для них обоих. Один из этих племянников — мистер Уолтер Хорнби, а другой — Рубен Хорнби, обвиняемый. Оба племянника были приняты мистером Хорнби в его предприятие с тем, чтобы они стали его преемниками, когда ему придется удалиться от дел, и оба, нет нужды об этом говорить, занимали посты, связанные с доверием и ответственностью.

Вечером девятого марта мистеру Хорнби была доставлена партия необработанных алмазов, о которой один из его клиентов просил позаботиться, пока они не будут отправлены посредникам. Алмазы, общая стоимость которых достигала тридцати тысяч фунтов, были доставлены ему, и нераспечатанный пакет был положен им в его сейф вместе с листком бумаги, на котором он сделал заметку пером об этих обстоятельствах. Это было вечером девятого марта, как я уже сказал. Положив пакет в сейф, мистер Хорнби закрыл его, а вскоре после этого отправился к себе, взяв с собой ключи.

На следующее утро, открыв сейф, он с удивлением и смятением увидел, что пакет с алмазами исчез. Листок бумаги, однако, лежал на дне сейфа, и, подняв его, мистер Хорнби увидел пятно крови и вдобавок отчетливый отпечаток большого пальца. После этого он запер сейф и послал записку в полицейский участок, в ответ на которую его посетил инспектор Сандерсон и провел предварительное расследование. Нет нужды излагать подробности дела дальше, поскольку его детали будут раскрыты в показаниях, но я могу сказать вам, что, как стало очевидным и несомненным, отпечаток большого пальца на этом листке являлся отпечатком большого пальца обвиняемого, Рубена Хорнби.

Он сделал паузу, чтобы надеть пенсне, которое свалилось у него с носа, и поправить мантию, а я в этот момент увидел, как в зал суда входит Уолтер Хорнби и садится на том конце нашей скамьи, что был ближе всего к двери.

— Первый свидетель, которого я вызову, — сказал сэра Гектор Трамплер, — это Джон Хорнби.

Мистер Хорнби, с видом иступленным и возбужденным, поднялся на свидетельское место. Пристав протянул ему Новый Завет и сказал:

— Свидетельствуя перед судом и присяжными в деле между нашим монархом и повелителем королем и обвиняемым, клянитесь говорить правду, и ничего кроме правды, и да поможет вам Бог!

Мистер Хорнби поцеловал Новый Завет и, бросив взгляд невыразимой скорби на своего племянника, повернулся к адвокату.

— Ваше имя — Джон Хорнби, не так ли? — спросил сэр Гектор. — И вы проживаете в Сент-Мэри-Экс?

— Да. Я — посредник в торговле драгоценными камнями, и моя контора занимается в основном оценкой образцов руды и кварца и слитков серебра и золота.

— Вы помните, что случилось девятого марта?

— Прекрасно помню. Мой племянник Рубен — обвиняемый — передал мне партию алмазов, полученную им от казначея «Замка «Элмина», к которому я послал его в качестве моего доверенного лица. Я намеревался отдать алмазы на хранение моему банкиру, но, когда обвиняемый прибыл в мою контору, банки уже были закрыты, так что я положил пакет на одну ночь в свой сейф. Могу сказать, что обвиняемый никоим образом не ответственен за задержку.

— Вы здесь не для того, чтобы защищать обвиняемого, — сурово заметил сэр Гектор. — Отвечайте на мои вопросы и не делайте посторонних замечаний, если вам не трудно. Кто-нибудь присутствовал при том, как вы клали алмазы в сейф?

— Никто, кроме меня.

— Что еще вы сделали?

— Я написал чернилами на листке из моей книги для записей: «Передано Рубеном в 7.03 пополудни 9.3.01», и поставил свои инициалы. Затем вырвал листок из книги и положил его на пакет, после чего закрыл сейф и запер его.

— Как скоро после этого вы оставили дом?

— Почти немедленно. Обвиняемый ждал меня в приемной...

— Не заботьтесь о том, где был обвиняемый, ограничьте ваши ответы тем, о чем вас спрашивают. Вы взяли ключи с собой?

— Да.

— Когда вы в следующий раз открыли сейф?

— На следующее утро в десять часов.

— Сейф был заперт или открыт, когда вы пришли?

— Он был заперт. Я открыл его.

— Вы заметили что-нибудь необычное?

— Нет.

— Все это время ключи оставались в вашем распоряжении?

— Да. Они были прикреплены к цепочке для часов, которую я всегда ношу.

— Существуют ли дубликаты этих ключей?

— Нет, дубликатов не существует.

— Вы когда-нибудь расставались с ключами?

— Да. Если я уходил из конторы на продолжительное время, то передавал ключи тому из моих племянников, кому случалось оказаться на месте в тот момент.

— И никогда — другому лицу?

— Никогда другому лицу.

— Что вы увидели, когда открыли сейф?

— Я увидел, что пакет с алмазами исчез.

— Вы заметили что-нибудь еще?

— Да. Я заметил листок из моей книги для записей, лежащий на дне сейфа, поднял его, перевернул и увидел на нем капли крови и что-то похожее на отпечаток большого пальца в крови. Когда он лежал на дне сейфа, след большого пальца был на нижней поверхности.

— Что вы сделали потом?

— Я запер сейф и послал записку в полицейский участок, сообщая, что в моем доме была совершена кража.

— Вы знаете обвиняемого несколько лет, я полагаю?

— Да, я знаю его всю его жизнь. Он — сын моего старшего брата.

— Тогда вы, без сомнения, можете сказать нам, левша он или правша?

— Он одинаково владеет обеими руками, но обычно предпочитает пользоваться левой рукой.

— Прекрасное уточнение, мистер Хорнби. Теперь скажите, вы точно установили, что алмазы действительно пропали?

— Да, я тщательно исследовал сейф, сначала сам, а потом с помощью полиции. Не было сомнений, что алмазы пропали.

— Когда детектив предложил, чтобы были взяты отпечатки пальцев двух ваших племянников, вы отказались?

— Отказался.

— Почему?

— Потому что не мог подвергнуть моих племянников унижению. Кроме того, у меня не было власти заставить их подчиниться этой процедуре.

— Вы подозревали кого-нибудь из них?

— Я не подозревал никого.

— Внимательно посмотрите на этот листок бумаги, мистер Хорнби, — сказал сэр Гектор, передавая свидетелю маленькую продолговатую полоску, — и скажите нам, узнаете ли вы его.

Мистер Хорнби быстро взглянул на листок и сказал:

— Это листок для записей, который я нашел лежащим на дне сейфа.

— Как вы опознали его?

— По надписи на нем, сделанной моей рукой и помеченной моими инициалами.

— Это листок, который вы поместили на пакет с алмазами?

— Да.

— На нем был отпечаток большого пальца или капля крови, когда вы положили его в сейф?

— Нет.

— Возможно ли, чтобы там все-таки были такие отпечатки?

— Совершенно невозможно. Я вырвал его из книги для записей, после того как сделал на нем запись.

— Очень хорошо. — Сэр Гектор Трамплер сел, а мистер Энсти встал для перекрестного допроса свидетеля.

— Вы сообщили нам, мистер Хорнби, — сказал он, — что знаете обвиняемого всю его жизнь. Какое мнение вы сформировали о его характере?

— Я всегда считал его молодым человеком с самым лучшим характером — благородным, доверчивым и во всех отношениях надежным. Я никогда за все мое знакомство с ним не видел, чтобы он хотя бы на волос отклонился от правил, основанных на чести и честности. И мое мнение о нем ничуть не изменилось.

— Есть ли у него, по вашим сведениям, какие-либо дорогие или экстравагантные привычки?

— Нет. Он человек простой и бережливый.

— Он когда-либо держал пари, играл в азартные игры или на бирже?

— Никогда.

— Нуждается он в деньгах?

— Нет. У него свой небольшой доход помимо жалованья, которое, я знаю, он не тратит полностью, потому что как-то я просил своего маклера вложить его сбережения в какое-нибудь дело.

— Помимо отпечатка большого пальца, найденного в сейфе, знаете ли вы какие-либо обстоятельства, которые могли бы заставить вас заподозрить обвиняемого в краже алмазов?

— Никаких.

Мистер Энсти сел, и, когда мистер Хорнби покинул свидетельское место, вытирая пот со лба, был вызван следующий свидетель.

— Инспектор Сандерсон!

Офицер быстро поднялся на место для свидетелей и, приняв присягу, повернулся к представителю обвинения с видом человека, готового к любой случайности.

— Вы помните, — спросил сэр Гектор, — что произошло утром десятого марта?

— Да. В участке в 10.23 утра мне была передана записка. Она была от мистера Джона Хорнби и содержала сообщение о том, что в его конторе

в Сент-Мэри-Экс совершена кража. Я отправился в этот дом и прибыл туда в 10.31. Там я увидел истца, мистера Джона Хорнби, который сказал мне, что из сейфа была украдена партия алмазов. Я исследовал сейф. Следов взлома не было, замки казались неповрежденными и исправными. Внутри сейфа, на дне, я нашел две большие капли крови и листок бумаги с надписью, сделанной чернилами. На листке были два кровавых пятна и отпечаток большого пальца в крови.

— Это тот самый листок? — спросил адвокат, протягивая свидетелю маленькую полоску бумаги.

— Да, — ответил инспектор, бросив быстрый взгляд на документ.

— Что вы сделали потом?

— Я послал сообщение в Скотланд-Ярд, где ознакомил главу отдела уголовных расследований с фактами, а затем вернулся в участок. В дальнейшем я не имел касательства к этому делу.

Сэр Гектор сел, а судья посмотрел на Энсти.

— Вы сказали нам, — сказал последний, поднимаясь, — что заметили две большие капли крови на дне сейфа. Вы не заметили, была ли она влажной или засохшей?

— Кровь выглядела влажной, но я не касался ее, чтобы детективы могли ее исследовать.

Следующим был вызван сержант Бейтс из отдела уголовных расследований. Он поднялся на свидетельское место и, присягнув, начал давать показания с беглостью, которая означала тщательную подготовку, держа открытый блокнот в руке, но не заглядывая в него.

— Десятого марта в 12.08 я получил инструкции отправиться в Сент-Мэри-Экс, чтобы расследовать кражу, которая имела там место. Мне был передан отчет инспектора Сандерсона, и я прочитал его в кебе по дороге. Прибыв на место в 12.30, я тщательно исследовал сейф. Он был не поврежден, и на нем не было никаких следов. Я проверил замки и нашел, что они в отличном состоянии, царапин от отмычки не было, как и других следов, которые указывали бы на ее использование. На дне сейфа я заметил две довольно большие капли темной жидкости. Я перенес некоторое количество жидкости на бумагу и понял, что это кровь. Также я обнаружил на дне сейфа сгоревшую головку серной спички и, поискав на полу конторы, заметил скрытую сейфом использованную серную спичку с отпавшей головкой. Нашел еще и полоску бумаги, которая, видимо, была вырвана из перфорированного блокнота. На ней было написано чернилами: «Передано Рубеном в 7.03 пополудни 9.3.01. Дж.Х.». На бумаге были два кровавых пятна и отпечаток большого пальца, испачканного кровью. Я забрал листок, чтобы его могли исследовать эксперты. Затем исследовал двери

в контору и наружную дверь дома, но нигде не обнаружил следов насильственного вторжения. После чего вернулся в главное управление, сделал отчет и передал бумагу с отпечатками суперинтенданту.

— Это та бумага, которую вы нашли в сейфе? — спросил адвокат, еще раз показывая листок.

— Да, та самая.

— Что случилось потом?

— Во второй половине дня меня послали к мистеру Синглтону, в отдел отпечатков пальцев. Он сообщил мне, что просмотрел картотеку и не смог найти отпечатка, соответствующего отпечатку на бумаге, поэтому посоветовал мне попытаться получить отпечатки больших пальцев всех лиц, которые могут иметь отношение к краже. Он также дал мне увеличенную фотографию отпечатка на случай необходимости. Я отправился в Сент-Мэри-Экс и имел беседу с мистером Хорнби, во время которой попросил его разрешить снять отпечатки пальцев всех лиц в доме, включая двух его племянников. Он отказал, сказав, что не верит в отпечатки пальцев, и что все в его доме вне подозрений. Я спросил, позволит ли он, чтобы его племянники предоставили свои отпечатки в частном порядке, но он категорически отказался.

— Вы имели подозрения против кого-либо из племянников?

— Я полагал, что ни один из них не может быть свободен от подозрений. Сейф был открыт фальшивыми ключами, и, поскольку у них обоих были настоящие ключи, возможно, один из них снял восковые отпечатки и сделал поддельные. Я несколько раз обращался к мистеру Хорнби и убеждал его ради репутации его племянников разрешить снять отпечатки пальцев, но он отказывался весьма решительно и запрещал им соглашаться, хотя я понимал, что оба они готовы пройти через это. Затем мне пришлось в голову обратиться за помощью к миссис Хорнби, и пятнадцатого марта я прибыл в дом мистера Хорнби, чтобы повидать ее. Я объяснил ей, что было бы желательно сделать, дабы очистить ее племянников от подозрений, а она сказала, что могла бы легко ликвидировать эти подозрения, потому что может показать мне отпечатки пальцев всех членов семьи: они были у нее в «Пальцеграфе».

— «Пальцеграф»? — повторил судья. — Что такое «Пальцеграф»?

Энсти встал, держа в руке томик в красной обложке:

— «Пальцеграф», милорд, представляет собой книгу наподобие этой, в ней глупые люди собирают отпечатки пальцев своих еще более глупых знакомых. — И он передал томик судье, который с любопытством стал его пролистывать, а потом кивнул свидетелю:

— Хорошо. Можете продолжать.

— Затем она достала из комода книжку в красной обложке, которую показала мне. Она содержала отпечатки пальцев всей ее семьи и некоторых друзей.

— Это та самая книга? — спросил судья, передавая томик свидетелю.

Сержант полистал страницы, пока не нашел ту, которую, по-видимому, узнал, и сказал:

— Да, милорд, это та книга. Миссис Хорнби показала мне отпечатки пальцев разных членов семьи, а затем нашла отпечатки двух своих племянников. Я сравнил их с фотографией, которая была у меня, и обнаружил, что отпечаток левого большого пальца Рубена Хорнби во всех отношениях идентичен отпечатку большого пальца на фотографии.

— Что вы сделали потом?

— Я попросил миссис Хорнби одолжить мне «Пальцеграф», чтобы я мог показать его начальнику отдела по отпечаткам пальцев, на что она дала согласие. Я не собирался говорить ей о своем открытии, но, когда я уходил, пришел мистер Хорнби и, услышав, что произошло, спросил меня, зачем мне нужна книга. Когда я объяснил ему, он был весьма изумлен и шокирован и попросил меня немедленно вернуть книгу. Мистер Хорнби предложил мне закрыть дело и был готов взять пропажу алмазов на себя, но я указал ему, что это невозможно, потому что это практически означает покрывать преступление. Учитывая, как миссис Хорнби страдала от мысли, что ее книга будет использована против ее племянника, я обещал вернуть «Пальцеграф», если только у меня будет возможность собрать отпечатки пальцев другим путем.

Затем я отнес «Пальцеграф» в Скотланд-Ярд и показал его мистеру Синглтону, который согласился, что отпечаток левого большого пальца Рубена Хорнби во всех отношениях идентичен отпечатку большого пальца на бумаге, найденной в сейфе. После этого я запросил ордер на арест Рубена Хорнби, который получил на следующее утро. Я сообщил обвиняемому, что обещал миссис Хорнби, и он предложил мне снять у него этот отпечаток пальца, чтобы книга его тети могла не фигурировать в показаниях.

— Почему же тогда, — спросил судья, — она в них фигурирует?

— По желанию защиты, милорд, — ответил сэр Гектор Трамплер.

— Понимаю, — кивнул судья. — Что дальше?

— Когда я арестовал его, обвиняемый заявил: «Я невиновен. Я ничего не знаю о краже».

Представитель обвинения сел, а Энсти поднялся для перекрестного допроса.

— Вы рассказали нам, — начал он своим мелодичным голосом, — что нашли на дне сейфа две довольно большие капли темной жидкости,

которую приняли за кровь. На основании чего вы заключили, что эта жидкость была кровью?

— Я перенес часть жидкости на листок белой бумаги, и она имела внешний вид и цвет крови.

— Она была исследована под микроскопом или другим способом?

— Насколько я знаю, нет.

— Как она выглядела на бумаге?

— Как чистая красная жидкость цвета крови, довольно густая и липкая.

Энсти сел, и был вызван следующий свидетель, пожилой мужчина по имени Фрэнсис Симмонс.

— Вы присматриваете за домом в Сент-Мэри-Экс, принадлежащим мистеру Хорнби? — спросил сэр Гектор Трамплер.

— Да.

— Вы заметили что-нибудь необычное в ночь с девятого на десятое марта?

— Не заметил.

— Вы совершали в ту ночь обход так, как обычно?

— Да. Я обошел весь дом несколько раз в течение ночи, а остальную часть провел в комнате над личным кабинетом мистера Хорнби.

— Кто первым появился утром десятого числа?

— Мистер Рубен. Он появился примерно на двадцать минут раньше остальных.

— В какую часть здания он отправился?

— В личный кабинет, который я открыл для него. Он ушел оттуда за несколько минут до прихода мистера Хорнби и поднялся в лабораторию.

— Кто пришел следующим?

— Мистер Хорнби, а мистер Уолтер пришел сразу после него.

Адвокат сел, а Энсти приступил к перекрестному допросу.

— Кто последним оставался в здании вечером девятого?

— Точно не знаю. Я должен был отвезти записку и пакет в фирму в Шордиче. Когда отправился туда, клерк по имени Томас Холкер был в приемной, а мистер Уолтер Хорнби — в личном кабинете. Когда я вернулся, они оба ушли.

— Внешняя дверь была закрыта?

— Да.

— У Холкера был ключ от внешней двери?

— Нет. У мистера Хорнби и его племянников были свои ключи, был ключ и у меня. Больше ни у кого ключей не было.

— Как долго вы отсутствовали?

— Примерно три четверти часа.

— Кто дал вам записку и пакет?

— Мистер Уолтер Хорнби.

— Когда он дал их вам?

— Непосредственно перед тем, как я ушел, и велел отправляться немедленно из опасения, что фирма закроется прежде, чем я доберусь.

— И фирма была закрыта?

— Да. Помещение было заперто, и все ушли.

Энсти вновь сел, свидетель покинул свое место с видом явного облегчения, а пристав выкрикнул: «Генри Джеймс Синглтон!»

Мистер Синглтон встал со своего места за столом представителей обвинения и прошел на место для свидетелей. Сэр Гектор привел в порядок свои очки и бросил выразительный взгляд на присяжных.

— Я полагаю, мистер Синглтон, — сказал он, наконец, — что вы связаны с отделом по отпечаткам пальцев в Скотланд-Ярде?

— Да. Я один из главных сотрудников этого отдела.

— Каковы ваши официальные обязанности?

— Мое главное занятие состоит в исследовании и сравнении отпечатков пальцев преступников и подозреваемых. Я классифицирую отпечатки, согласно их особенностям, и заносу их в картотеку.

— Я полагаю, вы исследовали огромное количество отпечатков пальцев?

— Я исследовал многие тысячи отпечатков и тщательно изучил их для целей идентификации.

— Внимательно посмотрите на эту бумагу, мистер Синглтон. — Здесь роковой листок был передан приставом свидетелю. — Вы видели ее раньше?

— Да. Она была передана мне в моем кабинете для изучения десятого марта.

— На ней отпечаток — след пальца. Можете вы сказать нам что-нибудь об этом отпечатке?

— Это след левого большого пальца Рубена Хорнби, обвиняемого.

— Вы в этом вполне уверены?

— Вполне.

— Вы под присягой утверждаете, что отпечаток на бумаге был сделан большим пальцем заключенного?

— Да.

— Не мог он быть сделан большим пальцем другого лица?

— Нет, невозможно, чтобы он был оставлен каким-либо другим лицом.

В этот момент я почувствовал, как Джульет кладет свою трепещущую руку на мою, а, взглянув на нее, увидел, что она смертельно бледна, и, нежно сжав ее руку, прошептал:

— Имейте мужество, для нас в этом нет ничего неожиданного.

— Спасибо, — прошептала она в ответ со слабой улыбкой, — я попытаюсь.

— Вы считаете, — продолжал тем временем сэра Гектор, — что принадлежность этого отпечатка пальца не вызывает сомнений?

— Ни малейших, — ответил мистер Синглтон.

— Вы можете объяснить нам, не прибегая к техническим подробностям, как вы достигли такой абсолютной уверенности?

— Я сам взял отпечаток большого пальца у обвиняемого, предварительно получив его согласие, и сравнил этот отпечаток со следом на бумаге. Сравнение было сделано с величайшей тщательностью и наиболее испытанным методом, пункт за пунктом, деталь за деталью. Оба отпечатка были найдены тождественными во всех отношениях.

Некий великий авторитет сказал — и я полностью согласен с этим утверждением, — что полное или почти полное соответствие между двумя отпечатками одного и того же пальца представляет собой свидетельство, не требующее подтверждения, что люди, у которых они взяты, являются одним и тем же человеком.

Сэр Гектор Трамплер снял очки и устремил на присяжных долгий взгляд, как бы говоря: «Ну, друзья мои, что вы думаете об этом?» Затем он внезапно сел и повернулся к Энсти и Торндайку с видом триумфатора.

— Вы намереваетесь провести перекрестный допрос свидетеля? — поинтересовался судья, видя, что адвокат защиты не встает.

— Нет, милорд, — ответил Энсти.

При этих словах Гектор Трамплер снова повернулся к адвокатам защиты, и его широкое красное лицо осветилось улыбкой глубокого удовлетворения. Эта улыбка отразилась на лице мистера Синглтона, сходявшего со своего места, а когда я взглянул на Торндайка, мне показалось, что на одно мгновение на его спокойном и неподвижном лице тоже мелькнула легкая улыбка.

— Герберт Джон Нэш!

Полный мужчина средних лет, производивший впечатление человека одновременно пылкого и старательного, поднялся на свидетельское место, а сэра Гектор снова встал.

— Я полагаю, вы один из главных сотрудников отдела по отпечаткам пальцев, мистер Нэш?

— Да.

— Вы слышали показания последнего свидетеля?

— Слышал.

— Вы согласны с утверждениями, сделанными свидетелем?

— Полностью. Я готов присягнуть, что отпечаток на бумаге, найденной в сейфе, это отпечаток левого большого пальца заключенного, Рубена Хорнби.

— И вы уверены, что ошибка невозможна?

— Да, я уверен в этом.

Снова сэ́р Гектор многозначительно посмотрел на присяжных, садясь в свое кресло, и снова Энсти не сделал ни единого жеста, если не считать записи нескольких заметок на полях своего резюме.

— Вы намереваетесь вызвать других свидетелей? — спросил судья, погружая перо в чернильницу.

— Нет, милорд, — ответил сэ́р Гектор. — Дело выигрывает обвинение. И тут Энсти, наконец, поднялся и, обращаясь к судье, сказал:

— Я вызываю свидетеля, милорд.

Судья кивнул и сделал запись в своих заметках, в то время как Энсти произносил краткую вступительную речь:

— Милорд и господа присяжные, на этой стадии разбирательства я не буду занимать время суда ненужными выступлениями, а без отлагательств перейду к показаниям моего свидетеля.

Джульет повернула ко мне бледное испуганное лицо и сказала угасающим шепотом:

— Это ужасно! Показания последнего свидетеля совершенно сокрушительные. Что можно сказать в ответ? Я в отчаянии! Бедный Рубен! Он пропал, доктор Джервис! Теперь у него нет ни единого шанса.

— Вы полагаете, он виновен? — спросил я.

— Конечно же, нет! — возмущенно воскликнула она. — Я уверена в его невиновности, как никогда.

— Тогда, — сказал я, — если он невиновен, должны быть какие-то средства доказать это.

— Да. Полагаю, что да, — ответила она грустным шепотом. — В любом случае, мы скоро это узнаем.

Тут раздался голос пристава, выкликающего имя первого свидетеля защиты.

— Эдмунд Хорфорд Роуи!

Проницательного вида седой мужчина с бритым лицом и коротко подстриженными бакенбардами поднялся на свидетельское место и принес присягу в установленном порядке.

— Вы доктор медицины, я полагаю, — сказал Энсти, обращаясь к свидетелю, — и преподаватель судебной медицины в Южной лондонской больнице?

— Да.

— У вас была возможность изучить свойства крови?

— Да. Свойства крови обладают огромной важностью с судебно-медицинской точки зрения.

— Вы можете сказать нам, что происходит, когда капля крови — скажем, из порезанного пальца — падает на такую поверхность, как дно железного сейфа?

— Капля крови из живого тела, упавшая на непитающую поверхность, в течение нескольких минут превратится в студневидную массу, которая сперва будет сохранять некоторый объем и цвет жидкой крови.

— Потом она претерпит и другие изменения?

— Да. Через несколько минут студневидная масса начнет высыхать и становиться более твердой, так что кровь разделится на две части, твердую и жидкую.

— Каково будет состояние капли крови, скажем, через два часа?

— Она будет состоять из капли чистой, почти бесцветной жидкости, в центре которой будет маленький жесткий красный комок.

— Если предположить, что такую каплю перенесут на листок бумаги, как она будет выглядеть?

— Бумага будет смочена бесцветной жидкостью, а твердый комок, возможно, прилипнет к бумаге.

— Будет ли кровь выглядеть на бумаге как чистая, бесцветная жидкость?

— Нет. Жидкость будет выглядеть как вода, а комок будет выглядеть как твердая масса, приклеившаяся к бумаге.

— Кровь всегда ведет себя так, как вы это описали?

— Всегда, если не приняты какие-то искусственные средства для ее предохранения от свертывания.

— И каким образом это можно сделать?

— Существуют два основных способа. Один — быстро помешивать или взбивать свежую кровь, тогда она останется жидкой в течение неопределенного времени. Другой способ состоит в том, чтобы растворить в свежей крови некоторую долю алкалиновой соли, после чего она больше не загустеет.

— Вы слышали показания инспектора Сандерсона и сержанта Бейтса?

— Да.

— Инспектор Сандерсон рассказал нам, что исследовал сейф в 10.31 и нашел на дне две большие капли крови. Сержант Бейтс рассказал, что исследовал сейф двумя часами позже и перенес одну из капель крови на листок белой бумаги. Кровь была довольно жидкой и на бумаге выглядела

как чистая жидкость цвета крови. Каковы, на ваш взгляд, были состояние и природа этой крови?

— Если это действительно была кровь, то это либо дефибринированная кровь — то есть кровь, из которой был извлечен фибрин посредством взбивания, или же она была смешана с щелочной солью.

— Вы считаете, что кровь, найденная в сейфе, не могла быть обычной кровью, вытекшей из пореза или раны?

— Я уверен, что этого не могло быть.

— Теперь, доктор Роуи, я хочу задать вам несколько вопросов на другую тему. Уделяли ли вы когда-нибудь внимание отпечаткам, оставленным кровавыми пальцами?

— Да. Недавно я провел несколько экспериментов. Моей задачей было установить, оставляют ли пальцы, выпачканные свежей кровью, особые характерные отпечатки. Я сделал огромное количество испытаний и в результате обнаружил, что крайне сложно получить чистый отпечаток, когда палец смочен свежей кровью. Но если ее высушить, получится очень четкий отпечаток.

— Посмотрите внимательно на эту бумагу, которая была найдена в сейфе, и скажите мне, что вы видите.

Свидетель взял бумагу, тщательно исследовал ее, после чего сказал:

— Я вижу два кровавых следа и один отпечаток, видимо, большого пальца. Из двух следов один — пятно, слегка размазанное пальцем; другое — просто пятно. Оба, очевидно, оставлены жидкой кровью.

— Вы абсолютно уверены, что отпечаток большого пальца сделан жидкой кровью?

— Абсолютно уверен.

— Есть что-нибудь необычное в этом отпечатке?

— Да. Он невероятно чист и отчетлив. Я сделал огромное количество опытов и пытался с помощью свежей крови получить как можно более чистые отпечатки, но ни один по отчетливости даже близко не подходит к этому.

— Вы говорите, что кровь, найденная в сейфе, была, видимо, обработана искусственно. Какой вывод вы делаете из этого факта?

— Что она не была пролита из кровоточащей раны, — ответил доктор и вернулся на свое место.

— Арабелла Хорнби! — раздался голос пристава.

Приглушенные всхлипывания слева от меня сопровождались бурным шелестом шелка. Взглянув на миссис Хорнби, я увидел, как она, пошатываясь, встает со скамьи, дрожа, как желе, вытирая глаза носовым платком и стискивая свою открытую сумочку. Она поднялась на место для сви-

детелей и, оглядевшись с испуганным видом, начала обыскивать многочисленные отделения своей сумочки.

— Показания, которые вы дадите суду и присяжным, — сказал пристав, в то время как миссис Хорнби прервала свои поиски и нерешительно уставилась на него, — быть правдой...

— Определенно, — сухо сказала миссис Хорнби, — я...

— ...всей правдой, и ничем, кроме правды; да поможет вам Бог! — И пристав протянул ей Новый Завет, который она взяла дрожащей рукой.

— Соболаговолите поцеловать книгу, — сказал он, подавляя ухмылку, когда миссис Хорнби попыталась развязать шнурки шляпки. Она неистово вцепилась в свою шляпку и, встряхнув над Новым Заветом свой носовой платок, поцеловала книгу и положила ее на перила свидетельского места, откуда та немедленно упала.

— Мне очень жаль! — воскликнула миссис Хорнби, склоняясь над перилами. — Боюсь, вы сочтете меня очень неуклюжей.

Тут поднялся Энсти и передал ей маленькую красную книжку:

— Будьте любезны взглянуть на эту книжку, миссис Хорнби.

— Я бы предпочла этого не делать, — проговорила она с некоторым отращением. — Она связана с материями столь неприятного характера...

— Вы узнаете книгу, которую держите в руке?

— Конечно же, узнаю. Как я могла бы этого не сделать... Это «Пальцеграф», так и на обложке написано.

— Скажите, миссис Хорнби, как она попала к вам в руки? Вы купили ее сами, или кто-то дал вам книгу?

— Уолтер говорит, я купила ее сама, а я думала, что он дал мне ее, он же говорит, что не давал, но, видите ли... почему-то я все же думаю, что он дал, хотя, конечно, учитывая, что моя память не такая, какой была... Правда, моя племянница тоже так думает...

— Уолтер — это ваш племянник, Уолтер Хорнби?

— Да, конечно.

— Вы можете вспомнить, когда вам дали «Пальцеграф»?

— О да, я помню это весьма отчетливо. Мы ждали к обеду нескольких человек по фамилии Колли. Так вот, после обеда мы слегка скучали, поскольку моя племянница порезала палец и не могла играть на фортепиано, а Колли не музыкальны, за исключением Адольфа, который играет на тромбоне, но он не взял его с собой. Затем, к счастью, пришел Уолтер, принес «Пальцеграф» и снял у всех отпечатки пальцев, и это нас очень развлекло...

— И вы очень ясно помните, что ваш племянник Уолтер в тот раз дал вам «Пальцеграф»? — вставил Энсти.

— Да, хотя, знаете ли, в действительности он племянник моего мужа...

— И вы уверены, что он снял отпечатки пальцев?

— Вполне уверена.

— Вы никогда не видели «Пальцеграф» до этого?

— Никогда. Как бы я могла? Он не приносил его.

— «Пальцеграф» все время находился в вашем распоряжении?

— Видите ли, я держала его в ящичке моего письменного стола, и в этом же ящичке я хранила мешочек для носовых платков. Мистер Хорнби был тогда в Брайтоне, он написал мне, чтобы я съездила к нему на недельку и взяла с собой Джульет. Мы собрались, и, когда уже были готовы тронуться в путь, я послала ее принести мой мешочек для носовых платков из ящичка и еще сказала: «Мы могли бы взять с собой книжку для пальцев, она может пригодиться в дождливый день». Вернувшись назад, она сказала, что «Пальцеграфа» нет в ящичке. Ну, я была так удивлена, что пошла с ней и посмотрела сама — ящик был пуст. Ну, я не думала об этом в тот момент, но, когда мы вернулись домой, как только вышли из кеба, я дала Джульет мешочек для носовых платков, чтобы она положила его в ящик, но она сразу прибежала обратно и была страшно взволнована. «О, тетя! «Пальцеграф» в ящичке, кто-то, должно быть, сунул нос в ваш письменный стол». Видимо, действительно кто-то взял его, а потом положил обратно, пока нас не было.

— Кто мог иметь доступ к вашему письменному столу?

— О, кто угодно, потому что, видите ли, ящики никогда не запирались.

Мы думали, это кто-то из слуг.

— Кто-нибудь был в доме во время вашего отсутствия?

— Нет. Никого, за исключением, конечно, двух моих племянников, и никто из них не прикасался к нему, потому что мы спрашивали их, и они сказали, что не делали этого.

— Благодарю вас. — Энсти сел, а миссис Хорнби, вновь изменив угол наклона своей шляпки, спустилась со свидетельского места, неверной походкой пересекла зал суда и села на свое место, вздохнув от волнения и облегчения.

— Джон Ивлин Торндайк! — провозгласил пристав.

— Слава Богу! — воскликнула Джульет, стискивая руки. — О! Способен ли он спасти Рубена? Вы думаете, он способен на это, доктор Джервис?

— Кое-кто думает, что способен, — ответил я, взглянув на Полтона, который, держа в руках загадочный ящик и коробку с микроскопом, в экстазе уставился на своего хозяина. — У Полтона больше веры, чем у вас, мисс Гибсон.

— Да, дорогой, верный маленький человек! — ответила она. — В любом случае, скоро мы узнаем худшее.

— Худшее или лучшее, — заметил я. — Мы услышим, в чем действительно состоит защита.

— Господи, сделай так, чтобы это была хорошая защита! — воскликнула она вполголоса, и я — обычно человек не религиозный — пробормотал: «Аминь!»

Глава 16

Торндайк разыгрывает свою карту

Когда Торндайк поднялся на свидетельское место, я посмотрел на него с чувством невероятного удивления, поняв, что никогда не замечал, какое впечатление может производить на окружающих внешность моего друга. Я часто замечал его спокойствие и силу духа, его бесконечный ум, его привлекательность и магнетизм, но никогда доселе не осознавал того, что теперь поразило меня больше всего: Торндайк был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видел. Он был одет просто, ниспадающая мантия и внушающий трепет парик скрадывали черты его внешности, и все же он покорила зал. Даже судья, со своим алым одеянием и знаками достоинства, выглядел общим местом в сравнении с ним, а присяжные, повернувшись, чтобы разглядеть его, казались существами низшего порядка. Дело не только в том, что он был высок и держался прямо и с достоинством, не только в его силе и спокойствии, но в подлинной соразмерности и привлекательности черт лица, которое только теперь привлекло мое внимание.

— Вы работаете в медицинской школе при больнице Сент-Маргарет, доктор Торндайк? — сказал Энсти.

— Да. Я — преподаватель судебной медицины и токсикологии.

— У вас большой опыт в медико-юридических исследованиях?

— Огромный. Я занимаюсь исключительно медико-юридической работой.

— Вы слышали показания, относящиеся к двум каплям крови, найденной в сейфе?

— Да.

— Каково ваше мнение о состоянии крови?

— Нет сомнений, что она была обработана искусственно — вероятно, посредством дефибринации.

— Вы можете предложить объяснение такого состояния крови?

— Могу.

— Ваше объяснение связано с особенностями отпечатка большого пальца, найденного в сейфе?

— Связано.

— Вы занимались отпечатками пальцев?

— Да. Очень много.

— Будьте добры взглянуть на эту бумагу. — (Здесь пристав передал Торндайку листок для записей). — Вы видели ее раньше?

— Да. Я видел ее в Скотланд-Ярде.

— Вы тщательно изучили ее?

— Очень тщательно. Полицейские чиновники предоставили мне все возможности для этого, и с их разрешения я сделал несколько фотографий этого листка.

— Здесь есть след, напоминающий отпечаток человеческого пальца?

— Да.

— Вы слышали двух свидетелей-экспертов, присягнувших, что этот след был оставлен левым большим пальцем обвиняемого, Рубена Хорнби?

— Слышал.

— Вы согласны с этим утверждением?

— Нет.

— По вашему мнению, след на бумаге оставлен пальцем обвиняемого?

— Нет. Я убежден, что он не оставлен большим пальцем Рубена Хорнби.

— Вы считаете, что он оставлен пальцем другого лица?

— Нет. Я держусь того мнения, что он вообще оставлен не человеческим пальцем.

После этого утверждения судья на мгновение остановился, держа перо в руке, и уставился на Торндайка, слегка открыв рот, в то время как два эксперта смотрели друг на друга, приподняв брови.

— Каким образом, по-вашему, был оставлен этот след?

— Посредством штемпеля, или каучукового, или, более вероятно, посредством штемпеля из хромированного желатина.

Тут Полтон, постепенно приподнимавшийся над скамьей, звонко хлопнул себя по бедру и громко рассмеялся — поступок, приведший к тому, что все взгляды, включая взгляд судьи, обратились на него.

— Если шум повторится, — сказал судья, безжалостно глядя на шокированного правонарушителя, — я заставлю это лицо покинуть зал суда.

— Насколько я понимаю, — продолжил Энсти, — вы считаете, что отпечаток большого пальца, под присягой приписанный обвиняемому, является подделкой?

— Да. Это подделка.

— Но возможно ли подделать отпечаток пальца?

— Не только возможно, но и довольно просто.

— Так же просто, как подделать подпись, например?

— Гораздо проще и несравненно более безопасно. Подпись, написанная пером, требует, чтобы подделка также была написана пером — процесс, требующий весьма специальных навыков и все же никогда не позволяющий создать абсолютное факсимиле. Но отпечаток пальца — это штампованный оттиск, коснуться чего-либо пальцем — значит, поставить штамп, и необходимо лишь добиться отпечатка, идентичного по характеру с касанием пальца, чтобы произвести оттиск, который будет абсолютным факсимиле оригинала во всех отношениях, факсимиле, не отличимым от оригинала.

— И не будет никакого способа установить разницу между фальшивым отпечатком пальца и оригиналом?

— Никакого. По той причине, что не будет этой разницы.

— Но вы утверждаете, что отпечаток большого пальца на этой бумаге — подделка. Если же фальшивый отпечаток пальца неотличим от оригинала, как вы можете быть уверены, что этот конкретный отпечаток — подделка?

— Я говорил о том, что подделыватель может по небрежности потерпеть неудачу в производстве абсолютного факсимиле, и тогда установление разницы станет возможным. Именно это произошло в данном случае. Подделанный отпечаток не является абсолютным факсимиле подлинника. Есть легкое различие. Вдобавок к этому, сама бумага содержит важное свидетельство, что отпечаток пальца — подделка.

— Мы рассмотрим это свидетельство чуть позже, доктор Торндайк. Возвращаясь к возможности подделки отпечатка пальца, вы можете объяснить нам, не вдаваясь в технические подробности, какими методами можно сделать штампель, о котором вы упомянули?

— Есть два основных метода, которые приходят мне на ум. Первый, довольно грубый, хотя и легкий в исполнении, состоит в отливке кончика пальца. Образец можно изготовить посредством вдавливания пальца в какой-нибудь пластический материал, такой, как хорошая ваяльная глина или горячий сургуч, и последующего наполнения образца теплым раствором желатина, который должен остыть и затвердеть, полученная отливка будет давать очень хорошие отпечатки пальцев. Но этот метод, как правило, бесполезен для целей подделывателя, так как обычно им нельзя воспользоваться без ведома жертвы. Второй метод, который является гораздо более действенным, и именно тем, который, как я не сомневаюсь, использован в данном случае, требует больше знаний и навыков.

Во-первых, необходимо раздобыть подлинный отпечаток пальца или получить к нему доступ. Делается фотография отпечатка, или, скорее, негатив фотографии, который для этой цели снимается на перевернутой пластинке, и негатив помещается в специальную печатную раму с пластинкой желатина, которая обрабатывается бихроматом калия, а рама выставляется на свет.

Теперь у желатина, обработанного таким образом, появляется очень своеобразное качество. Обычный желатин, как хорошо известно, легко растворяется в горячей воде, хромированный желатин растворяется в ней так же быстро, если не выставлен на свет, но, будучи выставлен на свет, он претерпевает изменения и более не способен растворяться в горячей воде. Пластинка хромированного желатина под негативом защищена от света непрозрачными частями негатива, в то время как свет свободно проходит через просвечивающие части; но просвечивающие части негатива соответствуют черным следам на отпечатке пальца, а они соответствуют бороздкам на пальце. Отсюда следует, что желатиновая пластинка подвергается воздействию света только в частях, соответствующих бороздкам; и в этих частях желатин становится нерастворимым, в то время как остальной желатин растворим. Желатиновая пластинка, прикрепленная к тонкой металлической пластинке, теперь осторожно промывается горячей водой, которая уничтожает растворимую часть желатина, оставляя нерастворимую выступающей над поверхностью. Таким образом, создается рельефное факсимиле отпечатка пальца, имеющее настоящие бороздки и линии между ними, идентичные по характеру бороздкам и линиям между ними на кончике пальца. Если по этому факсимиле провести валиком, покрытым чернилами, или приложить его к раскатной плите, а потом прижать его к листу бумаги, получится отпечаток пальца, абсолютно идентичный с оригинальным. Будет невозможно найти какое-либо различие между настоящим отпечатком пальца и подделкой, потому что различий не будет.

— Но процесс, который вы описали, очень сложен и затруднителен?

— Вовсе нет, он лишь немногим более сложен, чем обычная углеродная печать, которая успешно практикуется множеством любителей. Более того, такое факсимиле может быть выполнено любым гравером. Процесс, о котором я рассказал, точно такой же, какой используется при воспроизведении рисунков пером, и любой из сотен рабочих, используемых в этой индустрии, может сделать рельефную заготовку отпечатка пальца, с помощью которой может быть выполнена идеальная подделка.

— Вы утверждаете, что подделанный отпечаток пальца ничем не будет отличаться от оригинала. Вы можете это доказать?

— Да. Я готов создать подделку отпечатка большого пальца обвиняемого в присутствии суда.

— Разрешит ли ваша честь продемонстрировать то, что предлагает свидетель? — повернулся к судье Энсти.

— Определенно, — ответил тот. — Показания в высшей степени важны. Как вы предлагаете осуществить сравнение? — добавил он, обращаясь к Торндайку.

— Для этой цели, милорд, — ответил Торндайк, — я принес несколько листов бумаги, каждый из которых разделен на двадцать пронумерованных квадратов. Я предлагаю оставить на десяти квадратах подделанные отпечатки большого пальца заключенного, а оставшиеся десять заполнить настоящими отпечатками. Затем эксперты исследуют бумагу и скажут суду, какие отпечатки настоящие, а какие фальшивые.

— Это, кажется, вполне ясный и эффективный способ, — сказал его светлость. — У вас есть возражения, сэр Гектор?

Сэр Гектор Трамплер поспешно проконсультировался с двумя экспертами, которые сидели на его скамье, и ответил без большого энтузиазма:

— У нас нет возражений, милорд.

— Тогда я предписываю свидетелям-экспертам удалиться из зала суда, пока не будут сделаны отпечатки.

Подчиняясь приказу судьи, мистер Синглтон и его коллега поднялись и покинули зал с очевидной неохотой, в то время как Торндайк достал из небольшого портфеля три листа бумаги и передал их судье.

— Если ваша светлость, — сказал он, — оставит отпечатки в десяти квадратах на двух из этих листов, один можно будет дать присяжным, а другой оставить вашей светлости, чтобы проверить отпечатки на третьем листе, когда они будут сделаны.

— Это превосходный план, — согласился судья, — и, так как информация предназначена для меня и присяжных, было бы лучше, если бы вы поднялись сюда и оставили отпечатки за моим столом в присутствии старшины присяжных и представителей обвинения и защиты.

Торндайк поднялся на возвышение, а Энсти, собираясь следовать за ним, нагнулся ко мне:

— Вам и Полтону лучше тоже подняться, — сказал он. — Торндайку понадобится ваша помощь, а вас это позабавит. Я объясню его светлости.

Он подошел к возвышению и сказал несколько слов судье, который бросил взгляд в нашу сторону и кивнул, после чего мы оба последовали за нашим адвокатом, Полтон при этом нес ящик и весь буквально сиял от удовольствия.

Стол судьи был снабжен неглубоким выдвигаемым отделением, которое позволило удобно расположить ящик, оставив настольную поверхность свободной. Когда ящик открыли, мы увидели медную раскатную плиту,

небольшой валик и двадцать четыре «пешки», на которые Полтон взирал со смесью изумления и триумфа.

— Это все штампы? — поинтересовался судья, с любопытством разглядывая набор деревянных рукояток.

— Да, милорд, — ответил Торндайк, — и каждый снят с отдельного отпечатка большого пальца заключенного.

— Но зачем столько? — спросил судья.

— Я размножил их, — ответил Торндайк, выдавив каплю чернил для снятия отпечатков пальцев на раскатную плиту и раскатывая ее до тонкой пленки, — чтобы избежать предательского однообразия единственного штампа. И, надо сказать, в высшей степени важно, чтобы эксперты не знали об использовании нескольких штампов.

— Да, я понимаю, — сказал судья. — А вы понимаете, сэр Гектор? — добавил он, обращаясь к адвокату, который сухо кивнул, явно относясь ко всей процедуре с крайней неприязнью.

Торндайк окунул в чернила один из штампов и передал его судье. Тот с любопытством осмотрел его, прижал к листку чистой бумаги, на котором немедленно появился очень отчетливый отпечаток человеческого большого пальца, и воскликнул:

— Изумительно! В высшей степени изобретательно! Слишком изобретательно! — Он слегка улыбнулся и добавил, передавая штамп и бумагу старшине присяжных: — Хорошо, доктор Торндайк, что вы на стороне закона и порядка, потому что, боюсь, если бы вы были на другой стороне, вас одного было бы слишком много для полиции. Теперь, если вы готовы, приступим. Не могли бы вы оставить отпечаток на квадрате номер «три»?

Торндайк вынул штамп, пропитал его чернилами и аккуратно прижал к указанному квадрату, оставив там четкий, ясный отпечаток большого пальца.

Процедура была повторена на девяти других квадратах, причем для каждого отпечатка использовался новый штамп. Затем судья поставил отпечатки в десяти соответствующих квадратах на двух других листах бумаги и, проверив их, попросил старшину показать лист с фальшивыми отпечатками присяжным вместе с листом, который они должны будут оставить себе, чтобы проверять ответы свидетелей-экспертов. Когда с этим было покончено, обвиняемого привели со скамьи подсудимых и поставили перед судьей. Судья с любопытством и без всякого недоброжелательства посмотрел на этого красивого, мужественного человека, который обвинялся в преступлении столь подлом и так не вяжущимся с его внешностью, и я, заметив этот взгляд, понял, что, по крайней мере, дело Рубена будет разбираться без предубеждения и даже с предрасположением к обвиняемому.

Оставшуюся часть опыта Торндайк провел осторожно и взвешенно. Чернила на раскатной плите заново раскатывались для каждого отпечатка, после каждой процедуры большой палец очищался бензином и тщательно высушивался, когда процесс был завершен, и обвиняемый вернулся на скамью подсудимых, двадцать квадратов на бумаге были украшены двадцатью отпечатками большого пальца, которые, на мой взгляд, были идентичны.

Судья с минуту сосредоточенно изучал этот единственный в своем роде документ и, видимо, не знал, хмуриться ему или улыбаться. Наконец, когда все мы вернулись на свои места, он приказал приставу ввести свидетелей.

Меня позабавили изменения, которые произошли в экспертах за короткий промежуток времени. Доверительная улыбка, торжествующий вид игрока, выкладывающего козырную карту, исчезли, и лица обоих выражали тревогу и мрачные предчувствия.

— Мистер Синглтон, — сказал судья, — вот лист бумаги с двадцатью отпечатками большого пальца. Десять из них — подлинные отпечатки левого большого пальца обвиняемого, а другие десять — подделки. Пожалуйста, изучите их и отметьте, какие являются подлинными, а какие подделаны. Когда сделаете ваши заметки, бумага будет передана мистеру Нэшу.

— Есть ли возражения против того, чтобы я использовал для сравнения фотографию, которой располагаю, милорд? — спросил мистер Синглтон.

— Думаю, нет, — ответил судья. — Что скажете, мистер Энсти?

— Никаких возражений, милорд, — ответил Энсти.

Мистер Синглтон достал из кармана увеличенную фотографию отпечатка и увеличительное стекло, с помощью которого начал изучать набор отпечатков на бумаге; когда он приступил к делу, я с удовлетворением отметил, что выражение его лица становилось все более нерешительным и обеспокоенным. Время от времени он обращался к листку для записей, который лежал перед ним, и, чем чаще к нему обращался, тем мрачнее, озадаченнее и угрюмее становился.

Он выпрямился, и, взяв листок для записей, обратился к судье:

— Я закончил свое исследование, милорд.

— Очень хорошо. Мистер Нэш, не будете ли вы так любезны изучить эту бумагу и записать результаты вашего исследования.

— О! Мне хотелось бы, чтобы они поторопились, — прошептала Джульет. — Вы думаете, они смогут отличить настоящие отпечатки пальцев от фальшивых?

— Не могу сказать, — ответил я, — но скоро мы это узнаем. Для меня все они выглядят одинаково.

Мистер Нэш производил свое исследование с невыносимой тщательностью, сохраняя вид бесстрастный и внимательный, но, наконец, он тоже завершил свои заметки и передал бумагу приставу.

— Теперь, мистер Синглтон, — сказал судья, — мы выслушаем ваши заключения. Вы уже приведены к присяге.

Мистер Синглтон поднялся на место для свидетелей и, положив перед собой свои заметки, повернулся к судье.

— Вы изучили лист бумаги, который был вам передан? — спросил сэра Гектора Трамплера.

— Да.

— Что вы увидели?

— Я увидел двадцать отпечатков большого пальца, некоторые из которых — очевидная подделка, некоторые — явно подлинные, а некоторые оставляют двойственное впечатление.

— Если рассматривать отпечатки по порядку, что вы записали относительно них?

Мистер Синглтон заглянул в свои заметки и ответил:

— Отпечаток пальца в квадрате «один» — очевидная подделка, также и номер два, хотя это сносная имитация. «Три» и «четыре» — подлинные, «пять» — явная подделка. «Шесть» — подлинный отпечаток пальца, «семь» — подделка, хотя хорошая. «Восемь» — подлинный, «девять», я думаю, подделка, хотя замечательно выполненная имитация. «Десять» и «одиннадцать» — подлинные отпечатки, «двенадцать» и «тринадцать» — подделки. Относительно «четырнадцатого» я сомневаюсь, хотя склонен считать его подделкой. «Пятнадцать», «шестнадцать» и «семнадцать» — подлинные. Относительно «восемнадцатого» и «девятнадцатого» я сомневаюсь, но склонен рассматривать их как подделки. «Двадцать» — определенно подлинный отпечаток пальца.

Когда мистер Синглтон начал давать показания, на лице судьи начало появляться выражение удивления, в то время как присяжные с нескрываемым изумлением переводили взгляд со свидетеля на заметки, лежащие перед ними, и со своих заметок друг на друга.

Что касается сэра Гектора Трамплера, то это светило британской юриспруденции находилось в совершенном тумане, ибо, по мере того как одно утверждение следовало за другим, он сжимал губы, и его широкое красное лицо омрачалось выражением крайнего замешательства. В течение нескольких секунд он беспомощно смотрел на своего свидетеля, а затем упал на скамью с шумом, который разнесся по всему залу.

— Вы не сомневаетесь в правильности ваших выводов? — спросил Энсти. — Например, вы полностью уверены, что отпечатки «один» и «два» — подделки?

— Не сомневаюсь. И показываю под присягой, что это подделки.

Энсти сел, а мистер Синглтон, передав свои заметки судье, покинул место для свидетелей, уступив его своему коллеге.

Мистер Нэш, слушавший показания с явным удовлетворением, поднялся на место для свидетелей. Его идентификация подлинных и фальшивых отпечатков пальцев практически совпадала с выбором мистера Синглтона.

— Я полностью уверен в верности своих утверждений, — сказал он в ответ на вопрос Энсти, — и готов присягнуть, что те отпечатки пальцев, которые я назвал фальшивыми, действительно фальшивые, и что их определение не представляет сложности для наблюдателя, работающего с отпечатками пальцев в качестве эксперта.

— Мне хотелось бы задать один вопрос, — сказал судья, когда эксперт покинул свое место, а Торндайк вернулся на него, чтобы продолжить свои показания. — Выводы свидетелей-экспертов полностью согласуются друг с другом. Но странная штука: они ложные в каждом случае. — Здесь я чуть не рассмеялся, потому что выражение самодовольного удовлетворения на лицах экспертов с молниеносной быстротой сменилось нелепой судорогой ужаса. — Когда они уверены, они полностью ошибаются; когда они сомневаются, то склоняются к ложному выводу. Это очень странное совпадение, доктор Торндайк. Вы можете объяснить его?

Лицо Торндайка, сохранявшее бесстрастное выражение, осветилось сухой улыбкой.

— Думаю, что могу, милорд, — ответил он. — Цель преступника именно в исполнении подделки, которая обманула бы тех, кто будет ее исследовать. Для меня очевидно, что эксперты были бы не способны отличить настоящие отпечатки пальцев от поддельных, и что по этой причине они искали бы какие-то сопутствующие указания, которые могли бы помочь им. Как следствие, я предложил им эти сопутствующие указания. Если с одного пальца снять десять отпечатков без специальных предосторожностей, вероятно, случится так, что среди них не будет двух похожих, потому что палец, будучи закругленным предметом, касается бумаги лишь одной частью, и полученные отпечатки будут немного варьироваться, в зависимости от того, с какой части пальца делается отпечаток. Но штампель, который я использую, имеет плоскую поверхность, наподобие шрифтового печатающего устройства, и всегда оставляет один и тот же след. Он не воспроизводит кончик пальца, а лишь конкретный отпечаток, и, если десять отпечатков сделаны одним штампелем, каждый отпечаток будет механическим повторением остальных девяти. Таким образом, на листе, содержащем двадцать отпечатков пальцев, из которых десять являются подделками, сделанными одним и тем же штампелем, было бы просто отличить десять поддельных отпечатков хотя бы потому, что они механически повторяют друг друга, в то время как подлинные отпечатки должны иметь мелкие различия в положении пальца.

Я позаботился оставить каждый отпечаток отдельным штемпелем, а все штемпели были сделаны с разных отпечатков пальца, далее, когда я делал штемпели, то отобрал отпечатки, которые различались так сильно, как только возможно. Более того, когда я оставлял настоящие отпечатки пальцев, то позаботился о том, чтобы каждый раз прижимать палец к бумаге в одном и том же положении. Так и получилось, что на листе, представленном на рассмотрение экспертов, подлинные отпечатки пальцев были почти одинаковыми, в то время как подделки обнаруживали значительные различия. Случаи, в которых свидетели были вполне уверены, — это случаи, где мне удалось, чтобы подлинные отпечатки повторяли друг друга, а сомнительные случаи — это те, в которых я частично потерпел неудачу.

— Благодарю вас, это вполне понятно, — сказал судья с улыбкой глубокого удовлетворения. — Теперь мы можем продолжать, мистер Энсти.

— Вы сказали нам, — возобновил допрос мистер Энсти, — и представили доказательства, что можно подделать отпечаток пальца так, что установить это будет невозможным. Вы также утверждали, что отпечаток пальца на бумаге, найденной в сейфе мистера Хорнби, подделка. Вы имеете в виду, что он может быть подделкой, или что он действительно является ею?

— Я имею в виду, что это действительно подделка.

— Когда вы впервые пришли к такому выводу?

— Когда увидел его в Скотланд-Ярде. Три факта приводят к этому выводу. Во-первых, отпечаток явно был оставлен с помощью жидкой крови, и все же это был превосходно ясный и отчетливый отпечаток. Но его нельзя оставить чистой кровью без использования раскатной плиты и валика, даже если очень стараться, и тем более он не мог быть оставлен с помощью случайного пятна.

Во-вторых, измеряя отпечаток микрометром, я обнаружил, что он не совпадает с размерами подлинного отпечатка пальца Рубена Хорнби. Он заметно больше. Я сфотографировал отпечаток рядом с микрометром и сравнил его с подлинным, также сфотографированным рядом с тем же микрометром, и обнаружил, что подозрительный отпечаток больше на одну сороковую дюйма. Здесь у меня две увеличенные фотографии, на которых расхождение в размере ясно показано посредством линий микрометра, я принес и сам микрометр, если суд пожелает проверить эти фотографии.

— Благодарю вас, — сказал судья, — мы примем ваше свидетельство под присягой, если ученый представитель обвинения не потребует проверки.

Он взял фотографии, которые дал ему Торндайк, и, внимательно просмотрев, передал их присяжным.

— Третий факт, — продолжал Торндайк, — гораздо более важен, потому что он не только доказывает, что этот отпечаток — подделка, но и пре-

доставляет ключ к ее происхождению, а, следовательно, и к личности поддельвателя. — Здесь в зале суда установилась тишина столь глубокая, что было слышно тиканье часов. Я взглянул на Уолтера, который сидел, неподвижный и прямой, на конце скамьи, и увидел, как ужасная бледность залила его лицо, а лоб покрылся каплями пота. — Рассматривая отпечаток вблизи, я заметил в одном месте маленькую белую отметину или промежуток. Он был в форме прописной S и, очевидно, появился вследствие дефекта на бумаге — свободного волокна, которое приклеилось к пальцу и отделилось от бумаги, оставив там пустое пространство. Но, исследуя бумагу под микроскопом, я обнаружил, что поверхность не тронута. От нее не было отделено ни одного свободного волокна, иначе это было бы видно. Напрашивался вывод, что свободное волокно существовало, но не на бумаге, найденной в сейфе, а на бумаге, где был сделан первоначальный отпечаток пальца. Насколько я знал, существовал лишь один отпечаток большого пальца Рубена Хорнби — в «Пальцеграфе». По моей просьбе миссис Хорнби принесла «Пальцеграф» ко мне на квартиру, и, исследуя отпечаток пальца Рубена Хорнби, я нашел на нем мельчайший S-образный промежуток, занимающий то же положение, что и на красном отпечатке. А когда я посмотрел на него через мощную линзу, то смог отчетливо увидеть маленький желобок в бумаге, в которой лежало волокно, и из которой оно было поднято пальцем, испачканным чернилами. Как следствие, я провел сравнение следов на двух отпечатках пальцев и обнаружил, что форма их идентична, как показало наложение друг на друга сильно увеличенных фотографий обеих отметин, что этот след пересекал бороздки отпечатка одним и тем же образом и точно в одних и тех же местах.

— Вы говорите, что красный отпечаток пальца определенно подделка?

— Да, и я также утверждаю, что подделка выполнена с помощью «Пальцеграфа».

— Сходство не может быть просто совпадением?

— Нет. По закону вероятностей, который столь ясно изложил мистер Синглтон в своих показаниях, шанс на это — один против огромного количества миллионов. Здесь два отпечатка, сделанные в разных местах и разными способами — с интервалом в несколько недель.

— Как вы объясняете присутствие дефибринированной крови в сейфе?

— Вероятно, она использовалась поддельвателем для изготовления отпечатка пальца, для какой-либо цели свежая кровь была бы менее подходящей по причине свертывания. Скорее всего, он принес небольшое количество крови в бутылке вместе с карманной раскатной плитой и валиком. Таким образом, он мог капнуть крови на раскатную плиту, раскатать ее до тонкой пленки и сделать отчетливый отпечаток с помощью штемπεля. Нужно помнить, что эти предосторожности были совершенно необхо-

димы, потому что он должен был сделать узнаваемый отпечаток с первой попытки. Неудача и вторая попытка разрушили бы впечатление случайности и могли возбудить подозрения.

— Вы сделали увеличенные фотографии отпечатков большого пальца, нет ли их у вас с собой?

— Да. У меня две увеличенные фотографии, одна — снимок отпечатка из «Пальцеграфа», а другая — красного отпечатка. На обеих очень хорошо виден белый след, и они могут пригодиться при сравнении оригиналов. — Торндайк передал две фотографии судье вместе с «Пальцеграфом», листком для записей и сильной двойной лупой, чтобы он мог исследовать их.

Судья изучил два оригинальных документа с помощью лупы и сравнил их с фотографиями, одобрительно кивая, когда находил совпадения. Затем передал их присяжным и сделал пометку в своих записях.

Пока это происходило, мое внимание привлек Уолтер Хорнби. Выражение ужаса и дикого отчаяния застыло на его покрытом испариной лице, которое пугало своей бледностью. Он украдкой смотрел на Торндайка, и, когда я заметил убийственную ненависть в его глазах, я вспомнил наше полуночное приключение на Джон-стрит и загадочную сигару.

Внезапно он встал, вытер лоб дрожащей рукой, медленно направился к двери и вышел. Видимо, я был не единственным зрителем, интересовавшимся его действиями, потому что, едва дверь за ним закрылась, суперинтендант Миллер поднялся со своего места и вышел через другую дверь.

— Вы хотите провести перекрестный допрос этого свидетеля? — поинтересовался судья, взглянув на сэра Гектора Трамплера.

— Нет, милорд, — был ответ.

— У вас есть еще свидетели, мистер Энсти?

— Только один, милорд, — ответил Энсти, — обвиняемый, которого я вызову на свидетельское место для проформы, чтобы он мог дать показания под присягой.

Рубен был препровожден со скамьи подсудимых на место для свидетелей и, принеся присягу, сделал торжественное заявление о своей невиновности. Последовал краткий перекрестный допрос, из которого ничего не было установлено, за исключением того факта, что Рубен провел вечер в своем клубе, вернулся домой около половины одиннадцатого и открыл дверь своим ключом. Наконец обвиняемый был уведен на скамью подсудимых, и пришло время для заключительных речей.

— Милорд и господа присяжные, — начал Энсти своим мягким голосом, — я не предполагаю занимать ваше время длинной речью. Показания, которые были доведены до вашего сведения, столь ясны, четки и убедительны, что вы, несомненно, придете к вашему вердикту не под впечатлением

риторических ухищрений с моей стороны или со стороны ученого представителя обвинения.

Несмотря на это, желательно выделить из общей массы показаний те факты, которые действительно являются важными и ключевыми.

Факт, который господствует над всем этим делом, следующий: связь обвиняемого с делом основывается лишь на полицейской теории о непогрешимости отпечатков пальцев. Помимо отпечатка большого пальца, ничто не бросает на него даже легчайшей тени подозрения. Вы слышали, что его описывали как человека незапятнанной чести и безупречного характера, как человека, которому безоговорочно доверяют те, кто имел с ним дела. И этот характер был обрисован не случайным незнакомцем, а тем, кто знал его с детства. Его показания — это рассказ о благородном человеке. Жизнь обвиняемого была жизнью прямого, чистого человека и джентльмена. А теперь он стоит перед вами, обвиненный в непростительном, презренном воровстве, обвиненный в том, что обокрал своего благодетеля, брата своего отца, который строил планы и радел о его благополучии. Короче говоря, джентльмены, обвиненный в преступлении, которое представляется невозможным, если рассмотреть каждое обстоятельство, связанное с этим человеком, и каждую черту его характера, насколько он нам известен. На каком же основании этот джентльмен был обвинен в этом жалком и отвратительном преступлении? Говоря без ухищрений, основания для обвинения следующие: некий ученый и выдающийся муж науки сделал утверждение, которое полиция не только приняла, но на практике расширила его первоначальное значение. Это утверждение звучит следующим образом: «Совершенное или почти совершенное совпадение двух отпечатков одного пальца... свидетельствует — и это свидетельство не требует подтверждения — что эти отпечатки были взяты у одного и того же человека».

Оно, джентльмены, вводит в заблуждение, так как на практике далеко от истины и прямо противоречит факту, что отпечаток пальца без других улик не имеет ни малейшей цены. Из всех видов подделок подделка отпечатка пальца самая простая и безопасная, как вы видели сегодня в этом зале. Кратко напомню вам факты, которые бросаются в глаза. Обвинение основывается на утверждении, что отпечаток пальца, найденный в сейфе, был оставлен обвиняемым. Так ли это на самом деле? У вас есть убедительные показания о том, что это не так. Этот отпечаток пальца отличается по размеру от подлинного отпечатка его пальца. Отличие невелико, но оно является роковым для полицейской теории, два отпечатка не были идентичны.

Но если это не отпечаток обвиняемого, то что это? Сходство с подлинником слишком большое, чтобы это был отпечаток другого лица, потому что он воспроизводит не только рисунок бороздок большого пальца обви-

няемого, но и шрам от старой раны. Ответ, который я предлагаю на этот вопрос, следующий: это была намеренная имитация отпечатка пальца обвиняемого, сделанная с целью бросить на него подозрение и таким образом обеспечить безопасность настоящему преступнику. Существуют ли факты, поддерживающие эту теорию?

Во-первых, это те факты, которые я только что упомянул, — красный отпечаток большого пальца не совпадает с подлинным отпечатком по размерам, следовательно, это — подделка.

Во-вторых, этот отпечаток явно сделан с помощью определенных приспособлений и материалов, и один из этих материалов, а именно дефибринированная кровь, был найден в сейфе.

В-третьих, красный отпечаток воспроизводит случайную особенность отпечатка в «Пальцеграфе». Если красный отпечаток — подделка, то он сделан именно на основе «Пальцеграфа». Случайное пятно в форме буквы S в «Пальцеграфе» объясняется состоянием бумаги; появление этого следа в красном отпечатке пальца не объясняется особенностями бумаги и не может быть объяснено никак, кроме того, что он был копией другого пятна. Таким образом, неизбежен вывод, что красный отпечаток пальца является фотомеханическим воспроизведением отпечатка из «Пальцеграфа».

Но если красный отпечаток — подделка, подделыватель должен был иметь доступ к «Пальцеграфу». Вы слышали примечательную историю миссис Хорнби о загадочном исчезновении «Пальцеграфа» и еще более таинственном его возвращении. Эта история не оставляет сомнений, что некое лицо тайком взяло его и через какой-то промежуток времени тайно вернуло на место. Таким образом, теория подделки получает подтверждение по всем пунктам и согласуется со всеми известными фактами. Как следствие, джентльмены, я заявляю, что невиновность обвиняемого доказана самым полным и убедительным образом, и прошу вас вынести вердикт в соответствии с этим доказательством.

Когда Энсти сел на свое место, с галереи раздался тихий гул одобрения. Он сразу же затих после жеста неодобрения со стороны судьи, и зал погрузился в молчание, лишь часы с циничным безразличием продолжали сообщать в отрывисто-монотонной манере о течении ускользающих мгновений.

— Он спасен, доктор Джервис! О! Конечно он спасен! — воскликнула Джульет возбужденным шепотом. — Теперь они должны увидеть, что он невиновен.

— Потерпите еще немного, — ответил я. — Скоро все закончится.

Сэр Гектор Трамплер уже встал и, устремив на присяжных суровый гипнотический взгляд, начал свою речь с поистине восхитительным видом искренней убежденности в своих словах.

— Милорд и господа присяжные! Как я уже отмечал, дело, которое разбирается сейчас в этом суде, таково, что человеческая природа в нем предстает в крайне неблагоприятном свете. Но мне нет нужды настаивать на этом аспекте дела, который, без сомнения, уже произвел на вас достаточное впечатление. Для меня необходимо лишь, как это хорошо выразил мой ученый друг, выпутать подлинные факты дела из паутины казуистики, которая была сплетена вокруг них.

Эти факты крайне просты. Был открыт сейф, и из него была извлечена собственность огромной ценности. Он был открыт посредством фальшивых ключей. Два человека время от времени имели доступ к подлинным ключам и, таким образом, имели возможность снять с них копии. Когда сейф был открыт его настоящим владельцем, собственность исчезла, и был найден отпечаток большого пальца одного из этих двух людей. Этого отпечатка пальца не было, когда сейф закрывали. Человек, чей отпечаток пальца был найден, левша, отпечаток оставлен большим пальцем левой руки. Кажется, джентльмены, вывод столь очевиден, что не найдется здравомыслящего человека, который вздумает опровергать его, и я утверждаю, что лицо, чей отпечаток пальца найден в сейфе, — это лицо, похитившее собственность из сейфа. Но отпечаток пальца, по общему признанию, принадлежит обвиняемому, и, таким образом, обвиняемый — лицо, укравшее алмазы из сейфа.

Верно, что были предприняты некоторые фантастические попытки объяснить эти очевидные факты. Были предложены некоторые искусственные научные теории, имела место демонстрация фокусов, которая, осмелюсь думать, была бы уместнее в каком-либо месте, предназначенном для увеселения публики, чем в зале суда. Она даже была поучительна, показав, до какой степени ложно направленная изобретательность может извратить ясные факты. Но если вы не готовы рассматривать это преступление как изощренный обман или как шутку, вы должны все же прийти к единственному выводу, допускаемому фактами: что сейф был открыт, а собственность извлечена обвиняемым. Как следствие, джентльмены, я прошу вас вынести вердикт в соответствии с показаниями, и он не может быть иным, чем — «обвиняемый виновен в преступлении, в котором его обвиняют».

Сэр Гектор сел, а присяжные, слушавшие его речь с большим вниманием, с ожиданием посмотрели на судью, словно говоря: «И кому же из двух мы должны верить?»

Судья перелистал свои заметки с видом полного самообладания, затем обратился к присяжным:

— Нет необходимости, джентльмены, занимать ваше время всесторонним анализом показаний, вы сами их слышали. Изучение этих показаний демонстрирует, что все дело сводится к одному вопросу, а именно: «Был

ли отпечаток большого пальца, найденный в сейфе мистера Хорнби, оставлен обвиняемым или нет?» Если он оставлен обвиняемым, тогда обвиняемый должен был, по меньшей мере, присутствовать при незаконном вскрытии сейфа. Если этот отпечаток пальца не был оставлен обвиняемым, ничто не позволяет связать его с преступлением. Этот вопрос — вопрос факта, относительно которого вы обязаны принять решение.

Теперь давайте рассмотрим этот вопрос в свете показаний. Этот отпечаток пальца либо оставлен обвиняемым, либо нет. Какие показания были сделаны, чтобы доказать вину обвиняемого? Показания о рисунке бороздок. Он идентичен с рисунком его большого пальца и даже несет на себе след шрама, который специфическим образом пересекает рисунок на большом пальце обвиняемого. Но было высказано мнение, что это не подлинный отпечаток пальца, а его механическое воспроизведение — по существу, подделка.

Таким образом, более общий вопрос сводится к более частному вопросу: «Это подлинный отпечаток большого пальца или подделка?» Какие показания подтверждают, что это подлинный отпечаток? Никаких. Идентичность рисунка не свидетельствует об этом, потому что подделка также демонстрирует идентичность рисунка. Подлинность отпечатка пальца была принята обвинением, но никаких свидетельств этого не было представлено.

Но какие показания свидетельствуют о том, что красный отпечаток пальца — подделка?

Во-первых, показания о размере. Два отпечатка разных размеров вряд ли могут быть оставлены одним и тем же большим пальцем. Далее, показания об использовании приспособлений. Взломщики сейфов обычно не обеспечивают себя раскатными плитами и валиками, чтобы с их помощью оставить отчетливые следы своих собственных пальцев. Наконец, это странное исчезновение «Пальцеграфа» и его странное возвращение. Все это поразительные и весомые показания, к которым нужно добавить те, что представил доктор Торндайк, показав, насколько совершенно можно воспроизвести отпечаток пальца.

Таковы главные факты в этом деле, и вы должны рассмотреть их. Если после тщательного рассмотрения вы решите, что красный отпечаток большого пальца был действительно оставлен обвиняемым, тогда вашим долгом будет признать обвиняемого виновным; но если, взвесив показания, вы решите, что отпечаток большого пальца — подделка, тогда вашим долгом будет признать обвиняемого невиновным. Если вам угодно, вы можете удалиться для обсуждения вашего вердикта, пока суд сделает перерыв.

Присяжные пошептались несколько секунд, а затем старшина поднялся и сказал:

— Мы согласны в нашем вердикте, милорд.

Обвиняемый, которого только что отвели на скамью подсудимых, был приведен к барьеру, отделяющему его от остальной части зала. Клерк в сером парике встал и обратился к присяжным:

— Вы все согласны в вашем вердикте, джентльмены?

— Да, — ответил старшина.

— Что вы скажете, джентльмены? Виновен обвиняемый или невиновен?

— Невиновен, — ответил старшина, возвышая голос и бросая взгляд на Рубена.

Буря аплодисментов грянула на галерее, и в этот раз судья не обратил на нее внимания. Миссис Хорнби громко засмеялась — странным, неестественным смехом, а затем запихнула себе в рот носовой платок и сидела так, глядя на Рубена со слезами, катившимися по ее лицу, в то время как Джульет уронила голову на стол перед собой и молча рыдала.

Через несколько секунд судья поднял руку и, когда возбуждение улеглось, обратился к обвиняемому, который стоял перед барьером, спокойный и владеющий собой, хотя лицо его слегка покраснело:

— Рубен Хорнби, присяжные, должным образом взвесив все показания в этом деле, нашли вас невиновным в преступлении, в котором вы обвинялись. С этим вердиктом я согласен от всего сердца. В свете показаний, которые были даны, никакой другой вердикт, как я считаю, не был возможен, и осмелюсь сказать, что вы покидаете этот зал полностью оправданным и с незапятнанной репутацией. Симпатии суда и всех присутствующих были на вашей стороне в несчастье, которое вы перенесли, сейчас эти симпатии с вами в радости, которую доставил вам вердикт присяжных.

Я хочу выразить свое восхищение тем, как была проведена защита, и хочу особо заметить, что не только вы один, но и публика в целом глубоко обязаны доктору Торндайку, который своей проницательностью, знаниями и изобретательностью, вероятно, предотвратил очень серьезную ошибку правосудия. Теперь суд делает перерыв до половины третьего.

Судья поднялся со своего места, все присутствующие тоже встали, дверь, ведущую к скамье подсудимых, открыл приветливо улыбающийся офицер полиции, и Рубен спустился по ступенькам в зал суда.

Глава 17

И последнее

— Было бы лучше подождать, пока публика разойдется, — сказал Торндайк, когда первые поздравления закончились, и мы стояли рядом с Рубеном в быстро пустевшем зале. — Иначе, когда мы выйдем, нас может ожидать демонстрация чувств.

— Нет; сейчас все, что угодно, только не это, — ответил Рубен. Он еще сжимал руку миссис Хорнби, а с другой стороны его держал под руку дядя, который время от времени вытирал слезы, хотя его лицо светилось от удовольствия.

— Я бы хотел пригласить вас — всех наших друзей — на небольшой ланч у меня дома, — продолжил Торндайк.

— Я был бы рад, — сказал Рубен, — если бы программа включала водные процедуры.

— Вы придете, Энсти? — спросил Торндайк.

— А что у вас на ланч? — спросил Энсти, снявший мантию и парик и находившийся теперь в своем обычном состоянии духа — причудливом и несколько фривольном.

— Этот вопрос отдает обжорством, — ответил Торндайк. — Приходите и сами увидите..

— Я приду и съем, это гораздо лучше, — сказал Энсти, — а сейчас мне надо бежать, потому что я должен заглянуть к себе на квартиру.

— Как мы отправимся? — спросил Торндайк, когда его коллега исчез в дверях. — Полтон прибыл на извозчицкой карете, но она не вместит всех нас.

— Она вместит четырех из нас, — сказал Рубен, — а доктор Джервис проводит Джульет, вы не возражаете, Джервис?

Это предложение застало меня врасплох, но, тем не менее, я вздрогнул от радости и с готовностью ответил: «Если мисс Гибсон позволит мне сопровождать ее, я буду очень рад». Джульет, видимо, не разделяла моей радости, судя по краске стеснения, залившей ее лицо, однако ничего не возразила, лишь довольно холодно ответила:

— Что ж, поскольку мы не можем сидеть на крыше кеба, пойдем пешком.

Толпа к этому времени в основном разошлась, и мы спустились вниз. Кеб ждал у тротуара, окруженный группой зрителей, которые приветствовали Рубена, когда он появился в дверях. Мы проводили наших друзей, затем повернулись и быстро пошли вниз по Олд-Бейли в сторону Ладгейт-хилла.

— Вы не выглядите таким ликующим, как я ожидала, — заметила Джульет, критически взглянув на меня. — Я думала, что вы будете горды и обрадованы, но, видимо, ошиблась.

— Обрадован — да, но не горд. Почему я должен быть горд? Я всего лишь делал черную работу, и даже делал ее очень плохо.

— Вряд ли это точное изложение фактов, — возразила она, бросив на меня еще один быстрый изучающий взгляд. — Но вы сегодня в грустном расположении духа, что вовсе не похоже на вас. Это так?

— Боюсь, я себялюбивое, эгоистичное животное, — угрюмо ответил я. — Я должен быть так же весел и радостен, как и все сегодня, в то время как я сержусь из-за своих мелких неприятностей. Видите ли, теперь, когда это

дело завершено, мои обязательства перед доктором Торндайком автоматически заканчиваются, и я возвращаюсь к своей прежней жизни — тоскливому и однообразному странствию среди чужих людей — перспектива не очень вдохновляющая. Для вас это было время процесса, который принес вам только горькие чувства, а для меня это был оазис в пустыне бесцветной, монотонной жизни. Я наслаждался дружеским общением с милейшим человеком, которым восхищаюсь и уважаю больше всех людей, и участвовал с ним в событиях ярких и интересных. И я приобрел еще одного друга, и не хочу, чтобы он ушел из моей жизни, как она, кажется, намеревается сделать.

— Если вы имеете в виду меня, — улыбнулась Джульет, — то могу сказать, что, если я уйду из вашей жизни, это будет только ваша вина. Я никогда не смогу забыть все, что вы сделали для нас, вашу верность Рубену, ваш энтузиазм в его деле, не говоря уже о многих добрых поступках по отношению ко мне. А что касается того, что вы сделали свое дело плохо, вы клеветаете на самого себя. Я всегда буду чувствовать, как глубоко мы вам обязаны, так же будет чувствовать Рубен, и так же, возможно, еще кое-кто.

— И кто же это? — спросил я, хотя и без большого интереса. Благодарность семьи не имела для меня большого значения.

— Ну, теперь это уже не секрет, — ответила Джульет. — Я имею в виду девушку, на которой Рубен собирается жениться. В чем дело, доктор Джервис? — добавила она удивленным тоном.

Мы проходили через ворота, которые ведут с набережной на Мидл-Темпл-лейн, и я замер под аркой, удерживая ее за руку и воззрившись на нее в крайнем изумлении:

— Девушка, на которой Рубен собирается жениться?! Но я всегда полагал, что Рубен собирается жениться на вас!

— Однако я достаточно прямо сказала вам, что это не так! — воскликнула она несколько нетерпеливо.

— О боже! Какой же я все-таки идиот!

— Определенно, это было очень глупо с вашей стороны, — мягко признала Джульет. — Причина тайны следующая: они обручились накануне того дня, когда Рубен был арестован, и, когда мы услышали о предъявленном против него обвинении, он настоял никому не говорить об этом, пока он не будет полностью оправдан. Я была единственным человеком, которому они доверились, и, поскольку поклялась хранить тайну, я, конечно, не могла рассказать вам. Но я не предполагала, что эта тема вас интересует.

— Я был болваном, — пробормотал я. — Если бы я только знал!

— А если бы знали, какое значение это имело бы для вас?

— Только то, что я был бы избавлен от многих дней и ночей ненужных самообвинений и печали.

— Но почему? — спросила она, пряча покрасневшее лицо. — Что заставляло вас упрекать себя?

— Важная причина, — ответил я. — Ведь, прежде чем истекли двадцать четыре часа с момента нашего знакомства, я уже безнадежно любил вас. Вы не догадывались об этом?

— Да, — тихо ответила она, — я догадывалась, но... но потом подумала, что ошиблась...

Некоторое время мы шли молча, пока не добрались до дальней стороны фонтана, где остановились, слушая спокойный шум воды и глядя на воробьев, принимавших ванну на краю резервуара. Джульет положила руку на один из столбиков, которые поддерживали цепь, огораживающую фонтан, и я накрыл ее своей ладонью. Так мы и стояли, когда какой-то пожилой джентльмен поднялся по ступенькам и прошел мимо фонтана. Он посмотрел на воробьев, затем на нас и пошел своей дорогой, улыбаясь и покачивая головой.

— Джульет! — сказал я.

Она быстро подняла на меня взгляд своих сияющих глаз, сопроводив его застенчивой улыбкой:

— Да?

— Почему он улыбнулся, этот старый джентльмен, когда взглянул на нас? Наверное, вспомнил собственную молодость и дал нам свое благословение.

— Возможно, — согласилась Джульет. — Он выглядит милым стариком. — Она ласково посмотрела на удаляющуюся фигуру, затем вновь повернулась ко мне.

— Вы можете простить меня, дорогая, за мою невыносимую глупость? — спросил я, когда она снова подняла на меня сияющие глаза.

— Не уверена, это было ужасно глупо с вашей стороны, — игриво проговорила она.

— Но ведь я люблю вас всем сердцем и всегда буду любить!

— Я могу простить вам все, когда вы так говорите, — мягко ответила Джульет.

Тут в отдалении раздался голос часов Темпла, заявляя вежливый протест. С бесконечной неохотой мы отвернулись от фонтана, который окропил нас прощальным благословением, и медленно отправились обратно к Миддл-Темпл-лейн.

— Но вы еще не сказали о своих чувствах, Джульет, — прошептал я, когда мы проходили под аркой.

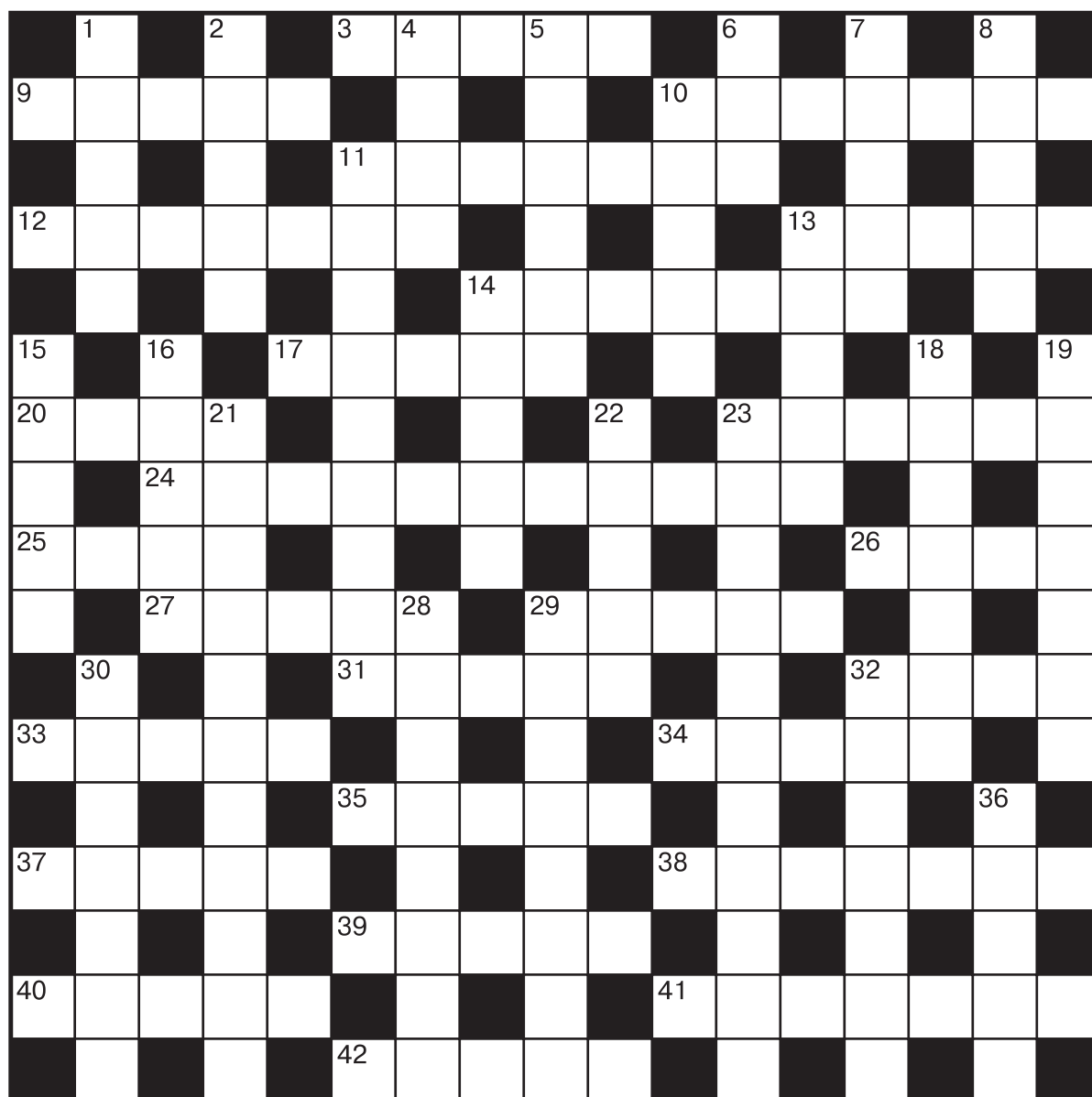
— Не сказала, дорогой? Но вы ведь и сами знаете, не так ли?

— Да, я знаю. И знать это — все, чего желает мое сердце.

Она нежно пожала мою руку, и мы вошли в аркаду. □

Перевод с английского *Петра Моисеева*

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Вокруг какой старушки постоянно совершались преступления? **9.** Какая тропическая лошадка практически не поддается цирковой дрессировке? **10.** Роковая красotka Николь Кидман приходит в неопиcуемый ужас, когда на нее садится ...! **11.** «Пластиковые доски» «под паркет». **12.** Что начала сочинять Анна Ахматова, стоя в оче-

реди, чтобы послать передачу в тюрьму своему сыну? **13.** Сколько варенья получил от буржуинов Плохиш за свою измену? **14.** Кто всех с панталыку сбивает? **17.** Из какой ягоды делают варенье, что превосходит по витаминам смородиновое? **20.** «Там для меня горит очаг, как вечный ... забытых истин». **23.** Ради этой певицы Иван Тургенев поселился в приго-

роде Парижа, где и умер. **24.** Какая книга буквально помогает найти общий язык с собеседником? **25.** Чем захламляют электронную почту? **26.** Австралийские валенки. **27.** Трава для перекура. **29.** Блондин ... Болен из «Modern talking». **31.** Афоризм с фамильного герба. **32.** «Лепестками белых роз наше ... застелю». **33.** Пропуск в «бесплатную медицину». **34.** Налог с бутылочного горлышка. **35.** «... смерти еще никому не облегчил жизни». **37.** «Выворачивание карманов» на законных основаниях. **38.** Какой камень йоги кладут между бровями, чтобы достигнуть внутреннего покоя? **39.** Какой тропический зверек может учуять человека за милю? **40.** Что не позволяет спорить со старшим по званию? **41.** «Групповые занятия» у психолога. **42.** Безумный воздушный хоровод.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Для того, кто не знает, к какой гавани он направляется, ни один ... не будет попутным». **2.** Топливо, которое не способствует развитию парникового эффекта и даже тормозит его. **4.** Райский

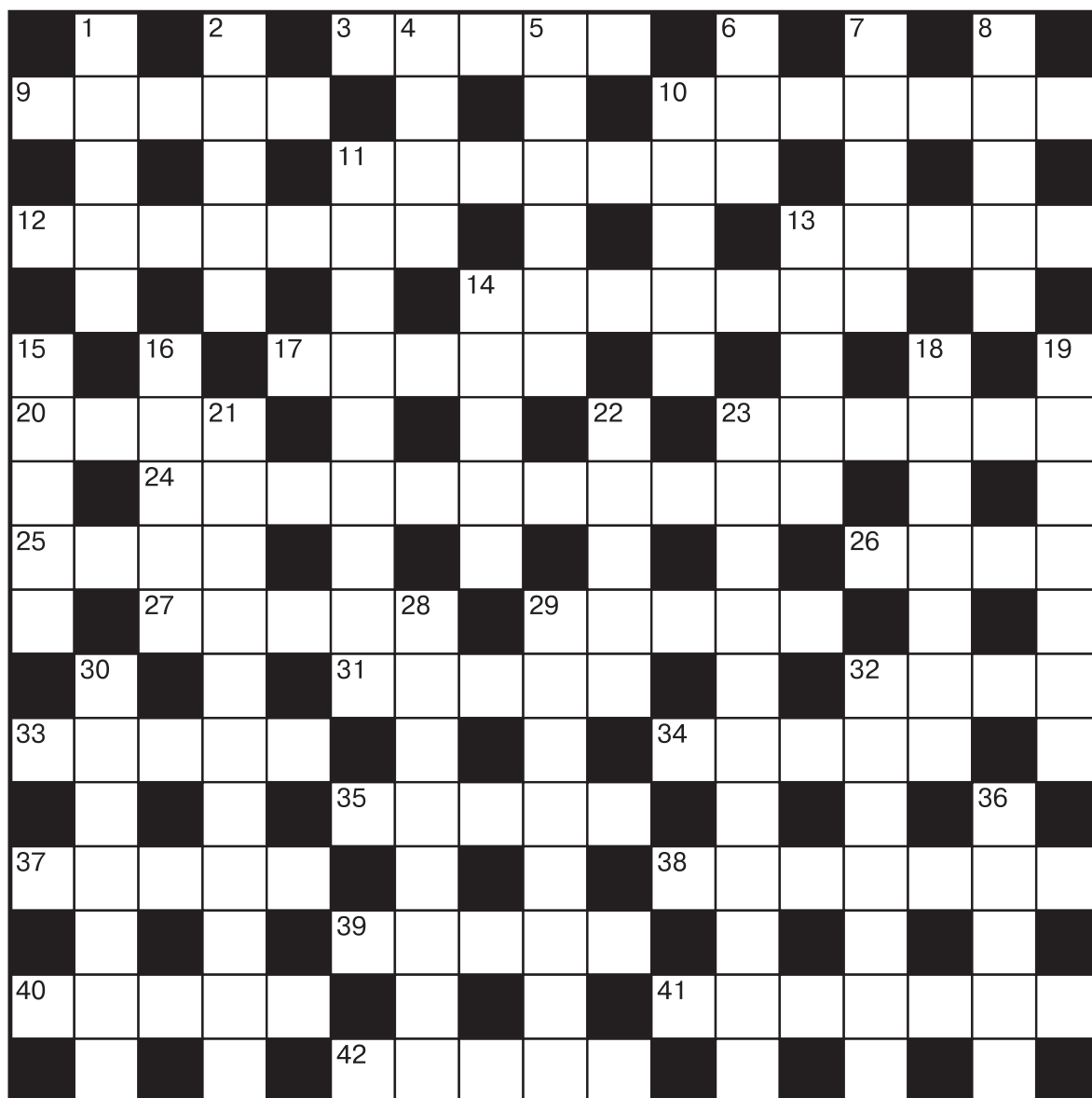
мужчина. **5.** Передышка туристов в пути. **6.** «Комната для переговоров» в Интернете. **7.** Какая реакция стимулирует выделение нашим организмом «гормонов удовольствия»? **8.** Что одолевает героя картины «Анкор, еще анкор» русского художника Павла Федотова? **10.** Фрукт в основе молочного коктейля, снимающего тяжелое похмелье. **11.** В каком городе спрятан клад из фильма «Невероятные приключения итальянцев в России»? **13.** Магазин при Доме моды. **14.** Не только Куликовская, но и Бородинская. **15.** Заявка на оригинальность. **16.** Великий якобинец, заколотый Шарлоттой Корде прямо в ванне. **18.** «Вести от синоптиков». **19.** «Бесконечное» произведение органической химии. **21.** Какой из своих хитов сочинил Михаил Глинка, когда однажды гостил в Варшаве? **22.** Прогулка «за три моря». **23.** Устройство системы слежения. **28.** Штат, где хранят «Золотой запас» США. **29.** Кого приглашают для обустройства интерьера? **30.** Дубинка для разгона вегетарианцев. **32.** Косметическая подтяжка лица. **36.** «И за окном совсем другая листья считает ...»

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Писк. **6.** Буксир. **10.** Котелок. **11.** Вулкан. **12.** Каллас. **13.** Вестерн. **14.** Парта. **17.** Тон. **18.** Армрестлинг. **21.** Балаклава. **22.** Топкапы. **25.** Палач. **26.** Барабашка. **27.** План. **29.** Виртуал. **30.** «Идиот». **31.** Гамбит. **33.** Собакевич. **36.** Тузлук. **38.** Таро. **39.** Синоптика. **40.** Иена. **41.** Мышь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пиво. **2.** Султан. **3.** Дон. **4.** Переправа. **5.** Восторг. **7.** Уран. **8.** Соль. **9.** Рост. **10.** Карта. **12.** Краснодар. **14.** Пожар. **15.** Александрит. **16.** Инспектор. **19.** Банан. **20.** Алфавит. **23.** Катаракта. **24.** Спагетти. **25.** Пармезан. **28.** Строчок. **29.** Вирус. **32.** Мекка. **34.** Часы. **35.** Ложь. **37.** Кио.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Как может женщина оставаться привлекательной и не умереть с голоду?!» (кинокомедия). **9.** Кровная вражда у кавказских народов. **10.** Какому поэту при первой публикации Сергей Есенин посвятил свой цикл «Москва кабацкая»? **11.** Ткань на пальто «с шишечками». **12.** Отец библейской Эсфири. **13.** Какому изобретателю норвежцы поставили памятник в виде больш-

шой канцелярской скрепки? **14.** Англичанин, сделавший в 1621 году первые Кремлевские куранты. **17.** «Обструкция» из уст деда Щукаря. **20.** «Рыболовный забор» вдоль реки. **23.** Стамбульский мост из романа «Инферно» Дэна Брауна. **24.** Турецкий геолог, выдумавший историю про связь горы Арарат с Ноевым ковчегом, чтобы получить деньги на научные исследования. **25.** Царь,

давший свое имя стране на Апеннинском полуострове. **26.** Шалаш охотника, чтобы поджидать дичь. **27.** «Танец летящих птиц» на Филиппинах. **29.** Кто первой из женщин покорил Эверест 16 мая 1975 года? **31.** Армянский пирожок из слоеного теста. **32.** Самая популярная местная водка на Гоа. **33.** Рубленые котлетки с беконом из Венгрии. **34.** Защитное снаряжение в компьютерных играх. **35.** Какие водоросли японские повара добавляют для аромата в свои супы? **37.** «Каменная черепаха», служившая опорой для стелы в императорском Китае. **38.** Индийский танцевальный стиль. **39.** Посыльное судно прежде у испанцев. **40.** Недопустимое новшество в религии у мусульман. **41.** Мексиканская выпивка с дымным ароматом. **42.** Кто помог американскому нобелевскому лауреату Джону Бардину ввести в науку термин «деформационный потенциал»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Головной убор палестинок в форме цилиндра. **2.** Второй становой якорь. **4.** «Слезная просьба» «во времена оны». **5.** Один из трех мифических киклопов. **6.** Из

каких орехов в романе «Цвет волшебства» Терри Пратчетта делают вино, позволяющее заглядывать в будущее? **7.** Какую картину считают «преддверием» левитановского «Марта»? **8.** Па в танго. **10.** Инквизитор, на чьей совести смерть Орлеанской девственницы. **11.** «Дом терпимости» в Древней Греции. **13.** Кожа растительного дубления. **14.** Заусенец литеры. **15.** Первый биограф Николая Гоголя. **16.** Кефир из верблюжьего молока. **18.** Космическая станция, при полете которой использовали «солнечный парус». **19.** Заклинание у колдунов маори. **21.** Один из трех народов Скифии, которые Гомер назвал «самыми справедливыми людьми». **22.** Нераскрытая коробочка хлопчатника. **23.** Судья «по розыску беглых крестьян» у эстонцев в XV веке. **28.** Обманное движение плащом в корриде. **29.** Молдавское молодое вино. **30.** Отель, где в хрустальном гробу выставили тело Энрико Карузо после его смерти. **32.** На какой горе юная богиня Гера скрывалась от любовных притязаний Зевса? **36.** Английский кукольник.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Шалю. **6.** Агараф. **10.** Камаргу. **11.** Лангош. **12.** Ушаков. **13.** Бенмаре. **14.** Питти. **17.** Нун. **18.** Конкильетте. **21.** Билокация. **22.** Стрегет. **25.** Кибар. **26.** Гипаспист. **27.** Раич. **29.** Камознс. **30.** Минея. **31.** Феспис. **33.** Фантаскоп. **36.** Цеткин. **38.** Зухр. **39.** Карнарвон. **40.** Тиас. **41.** Модо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шоли. **2.** Лонгин. **3.** Маш. **4.** Гадефобия. **5.** Агэмаку. **7.** Геше. **8.** Рокс. **9.** Фавн. **10.** Кокто. **12.** Уролитуаз. **14.** Пунин. **15.** Метемпсихоз. **16.** Стретспей. **19.** Хомич. **20.** Паратас. **23.** Сигнатура. **24.** Профицит. **25.** Кирсетка. **28.** Поварня. **29.** Кибик. **32.** Астор. **34.** Путо. **35.** Арко. **37.** Ная.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рубля 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рубль 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получают денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей
Вторая премия — 3 000 рублей
Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

